

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Школа медиакоммуникаций Института общественных наук



ГРАНИЦА

Сборник научных трудов проекта NOT ONLY 2020

NOT ONLY 2020:
Теория и практика
гуманитарных исследований

Москва 2021

УДК 800/81
ББК 80
Г524

Редакционная коллегия

Глазков А. В., кандидат филологических наук, доцент
(Россия, Москва)

Глазкова Е. А., кандидат филологических наук, доцент
(Россия, Москва)

Рецензенты

Стефаньски Р., доктор политических наук (Польша, Кельце)

Лисицын А. Г., кандидат филологических наук, доцент
(Россия, Москва)

Г524 Граница: Сборник научных трудов проекта NOT ONLY. NOT ONLY 2020: Теория и практика гуманитарных исследований. – М.: Филинь, 2021. – 228 с.

ISBN 978-5-9216-0296-0

В сборник включены работы учёных России, Украины, Польши и Словакии.

**УДК 800/81
ББК 80**

© РАНХиГС, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Батулина А. В.

Временные и дискурсивные границы
функционирования номинативных единиц
в мемуарах А.Е. Бовина 5

Глазков А. В.

К вопросу о разграничении понятий линейности,
связности и цельности текста 17

Глазкова Е. А.

Границы понятия «мем» 31

Голубинов В. В.

За границу зоны неразличения 71

Захарова М. В.

Эпатажные рекламные кампании: как определить
границы дозволенного? 91

Лабашук О. В., Решетуха Т. В.

Рождение ребенка как пересечение границы между
мирами в рассказах современных матерей 113

Лещак О. В.

Предметные и субъектные границы
человеческого опыта:
металогика – логика – семантика 135

Лученко К. В.

Просветительские платформы самообразования
как медийный продукт 162

Неренц Д. В.

«Коллаборативная журналистика»:
преодоление границ для создания
масштабных проектов 179

Klimek Libor

Boundaries of Mutual Recognition of Judicial Decisions
in Criminal Matters in European Criminal Law 197

Magakian Grair

(Czy) istnieje granica między Ludobójstwem
a Metz Jekhern 208

АННА БАТУЛИНА

*Россия. Новгородский государственный университет
имени Ярослава Мудрого*

Временные и дискурсивные границы функционирования номинативных единиц в мемуарах А. Е. Бовина

Аннотация. Статья посвящена описанию функциональных разновидностей метаязыковых комментариев в тексте мемуаров А.Е. Бовина. Выделяются две тематические группы рефлексивных высказываний о языке политики, имеющих особую значимость в анализируемом тексте: суждения об актуальности номинативных единиц и суждения об их функционально-стилистической закреплённости. Описаны основные мотивы метаязыкового дискурса и языковые средства, используемые в комментариях коммуникативного и концептуального типа. Рассмотрены вербальные и графические средства выражения рефлексии автора.

Ключевые слова: метаязыковая рефлексия, мемуары, язык политики, коммуникативный комментарий, концептуальный комментарий.

Коммуникативно-прагматическая модель текста, по мнению исследователей, «включает обязательно два компонента – базовую часть, содержащую основную информацию высказывания, и метатекст, или комментарий языковых, пространственно-композиционных и других особенностей

текста» [Перфильева: 7]. В мемуаристике использование метатекста объясняется «отдельными признаками жанра мемуаров: субъективностью, ретроспективностью, оценочностью, временными деформациями» [Гилёва:79].

Предметом рассмотрения в настоящей статье являются метаязыковые комментарии, характеризующие временные и пространственные параметры употребления языковых единиц в мемуарах известного советского и российского журналиста и телеведущего А.Е. Бовина «XX век как жизнь. Воспоминания».

При описании функциональной нагрузки метаязыковых контекстов используется предложенное И.Т. Вепревой разделение рефлексивов – «метаязыковых комментариев по поводу употребления актуальной лексической единицы» – на два типа: 1) коммуникативные, эксплицирующие семантические и прагматические свойства слова; 2) концептуальные, отражающие ценностные установки языковой личности [Вепрева: 103–104]. Представляется, что комментарии о прагматических признаках объекта рефлексии целесообразнее отнести к концептуальным, поскольку «под прагматикой следует понимать... исторические, культурные, социальные условия и всю совокупность человеческих знаний и верований, в среде которых происходит деятельность языка и которые оказывают влияние на использование языка и на отношение к нему...» [Звегинцев: 8]. Таким образом, коммуникативными мы называем комментарии, служащие для преодоления несовпадающих языковых кодов адресанта и адресата (в большинстве случаев представляющих собой семантизацию языковой единицы), концептуальными – комментарии по поводу функционально-прагматических признаков объекта рефлексии.

1. Комментарии, фиксирующие временные рамки функционирования слова или выражения, являются «средством выравнивания фоновых знаний автора и читателя»

(Шумарина, 2011, с. 230). Мемуары А.Е. Бовина охватывают период с 1930 по 2002 год.

Большинство комментариев о времени функционирования языковой единицы принадлежит к коммуникативному типу и имеет ономаσιологическую направленность: от описания предмета, признака, ситуации к его называнию.

Комментарии к лексике с точки зрения активности её употребления строятся по модели обстоятельственных глагольных словосочетаний с главным словом – метаязыковым термином, обозначающим процесс речи или языковую единицу (*называлось, говорили, слово, язык, именуется* и т.д.), и зависимым компонентом, выраженным лексемой с темпоральной семантикой (*раньше, в те времена, теперь, сегодня, нынешний* и т.п.):

(1) Все изменилось в Ростове. Говоря нынешним языком, там была большая еврейская община [Там же: 34].

Слово с временным значением в тексте комментария может быть опущено, поскольку на отнесенность номинации к прошлому или к настоящему указывает временная форма глагола и контекст:

(2) Кремлевская поликлиника (про нее говорили: «полы паркетные, врачи анкетные») [Там же: 102].

Значительно реже в тексте метаязыкового комментария содержится указание на конкретный период появления слова или выражения:

(3) Разумеется, были «офицеры» и были «солдаты» (тогда говорили «командиры» и «красноармейцы», офицеры и солдаты официально появились только в 1943 году, после Сталинграда) [Там же: 15].

Метаязыковые суждения об актуальности языковой единицы образуют оппозицию: «тогда», в описываемый период, – «теперь», в момент создания текста. Представляется, что в функциональном отношении члены этой оппозиции неоднородны. При помощи указания на закрепленность за

определенным историческим периодом автор воссоздает атмосферу эпохи, дополняет описание архаичных для современного общества реалий:

(4) «Я, – говорит, – как царь. Только не могу, как царь, дать землю, крепостных. Зато могу дать орден». А ведь действительно так оно и было. И называлось «ленинские принципы партийной жизни» [Там же: 221].

Объектом рефлексии автора является устаревающая лексика, преимущественно советизмы – отдельные слова и устойчивые словосочетания, принадлежащие советскому идеологическому коду: *воспитательная работа, классовое чутье, патриотическое воспитание на героическом прошлом* и т.п., а также профессиональные / жаргонные номинации явлений советского прошлого:

(5) Спускалась разрядка, согласно которой определенные группы инициировали «бурные аплодисменты». Этих людей называли «хлопкоробы» [Там же: 312].

Примеры метаязыковых комментариев к общеупотребительным словам встречаются значительно реже:

(6) Когда я первый раз появился в новой школе, в меня ткнули ножом и порезали овчину (так тогда именовались дубленки) [Там же: 22]

В комментарии концептуального типа может фиксироваться динамика коннотативной окраски слова:

(7) Он (судья – А. Батулина) – элемент, частица районной «элиты». Впрочем, в те времена слово это считалось почти ругательным. Был партийно-хозяйственный актив района. А центральным светилом, вокруг которого вращалось всё и вся, являлся райком партии и его аппарат [Там же: 44].

Комментарии, в которых используется актуальное название, посредством привычной номинации облегчают восприятие текста массовому читателю, служат средством диалогизации:

(8) Задача: отчетный доклад на съезд и выступление на пленуме перед съездом (презентация доклада, как сказали бы теперь) [Там же: 333].

Употребление современной лексики по отношению к реалиям прошлого может быть продиктовано и поиском наиболее точного наименования:

(9) Выражаясь нынешним языком, впитавшим реалии Вьетнама, Афганистана, Чечни, обозначенные выше факты можно квалифицировать как «точечное бомбометание» [Там же: 35].

Так же, как и метаязыковые суждения о вышедших из активного употребления номинациях, комментарии об актуальных названиях обычно лишены оценочной характеристики. В том случае, если оценочность все же присутствует, прямых указаний на пейоративную характеристику актуальных лексем, т.е. метаоператоров с оценочной семантикой (*слово, словечко, плохое, неудачное* и т.п.) в тексте комментария нет:

(10) В современном лексиконе широко используется слово «*нарезка*». Можно забежать в магазин и купить на ужин нарезку ветчины или колбасы. Можно нарезать видеоряд (то есть подобрать кадры к какой-либо теме) [Там же: 600].

В приведенном примере авторское отношение к слову *нарезка* выражено косвенно, через помещение в однородный ряд механического и интеллектуального действия. Не имеют явно выраженной оценочной характеристики и языковые единицы, сопровождающиеся определением *модное, нынешнее*:

(11) Нынешние телебоссы используют понятие «статусность». Если в передаче участвует кто-то из начальства, со статусностью порядок [Там же: 459].

Отсутствие эмоционально-экспрессивных суждений о «модных» словах отличает мемуары А.Е. Бовина от текстов СМИ, в которых «... массиву рефлексивных высказываний,

оценивающих лексическую единицу как модную, присуща дополнительная аура, передающая чувство-отношение к данному слову в диапазоне неодобрения» [Вепрева: 143].

Объектом рефлексии о языке «текущего момента» нередко становятся жаргонные слова: *косит, расслабуха, достали* и т.п. Метаязыковая характеристика, указывающая на современность номинации, одновременно является и средством оправдания стилистически окрашенного словоупотребления:

(12) Застолье было формой общения, «расслабухи», как теперь говорят [Бовин: 220].

2. Вторую группу «ограничивающих» метаязыковых комментариев составляют высказывания о закреплённости языковых единиц за определёнными типами дискурса, прежде всего политического и делового (законодательного, административного, дипломатического). Помимо информации о функциональной и социальной атрибуции единицы, в метаязыковых высказываниях представлены сведения о территориальной ограниченности слова или выражения, а также о принадлежности объекта рефлексии определённой языковой личности (нередко – самому автору мемуаров).

В тексте А.Е. Бовина присутствуют оценочные суждения как об официальном языке советского периода в целом, так и об отдельных словах и выражениях партийного языка советского периода. Рефлексивные высказывания о языке представляют собой концептуальный комментарий об излишней эвфемистичности, заштампованности, невозможности выйти за пределы принятых языковых формул, которая отражается в оценочных определениях: *партийно-кондовый язык, типичная агитпроповская манера, дарованные свыше формулировки* и др.:

(13) Бумага у меня сохранилась, она датирована 29.X.64 года. Читать ее сегодня трудно по причине партийно-кондового языка, который часто скрывает проблемы вместо того чтобы выявлять их [Там же: 112];

(14) «Клиническая смерть» мирного процесса – это литература, метафора. На языке практической политики это означает обычные смерти обычных людей [Там же: 475].

Комментарии к отдельным лексическим единицам, в отличие от комментариев к языку, в функциональном плане неоднородны. Номенклатурная лексика и лексические единицы, выполняющие номинативную функцию, становятся объектом коммуникативного комментария, отсылающего к номинации, соответствующей описываемой эпохе. Они лишены иронического подтекста или отрицательной коннотации:

(15) Конечная продукция посольства – анализ того, что происходит в «стране пребывания» (на мидовском арго так называют страну, где аккредитован посол)... [Там же: 458].

Метаязыковые контексты к экспрессивным средствам партийного языка представляют собой комментарий концептуального типа, цель которого – выражение авторского отношения к лексической единице:

(16) Перед нами – классика партийно-охранительного подхода. Критиковать – значит «охаивать». Критиковать – значит «лить воду на мельницу...» («подарок» недругам) [Там же: 317].

Помимо лексических средств, ироническое отношение автора к номинации эксплицируется и графическими средствами (кавычками):

(17) Партия расставалась с «дорогим Никитой Сергеевичем» ... [Там же: 129].

Интересно отметить, что в качестве объектов негативной оценки выступают клише не только советского, но и постсоветского идеологического кода. Так, цитируя заметку «Кресло для посла», в которой рассказывается о том, что А. Бовин не мог поместиться в стандартное театральное кресло, автор иронизирует по поводу выражения «свободная пресса»:

(18) Все это выглядит очень мило. Но – шалость «свободной» прессы. В центре этом я бывал неоднократно. В кресла вписывался без проблем. Просто журналисты решили порезвиться [Там же: 457].

В то же время отдельные экспрессивные вербальные знаки партийного языка не только не имеют иронической окраски, но и получают положительную оценку (хотя и подчеркнуто субъективную):

(19) Тогда вступление в партию воспринималось как ружей, как вежа, обозначающие приобщение к могучему отряду тех, кто идет впереди, кто прокладывает и т.д. и т.п. Сегодня такие и аналогичные слова звучат почти как пародия. Но для моего поколения они, эти слова, сохраняли свой первоначальный смысл [Там же: 32];

(20) ... есть два варианта обращения к телезрителям: «господа» и «товарищи». Оба они условны. Но все-таки мне, как, наверное, и многим из вас, ближе немодное ныне обращение «товарищи». И поэтому я буду говорить: «Здравствуйте, товарищи!» [Там же: 601].

Наряду со стандартным советским идеологическим кодом в метаязыковых контекстах представлен полуофициальный и неофициальный язык политики, в котором активно используется языковая игра: *кискин дом* (дом в Завидове, построенный под Киссинджера), *ЦуКа* (подпольная кличка Цуканова), *хлопкоробы* (люди, обеспечивающие аплодисменты) и др.

В комментариях, в которых эксплицируется связь объекта рефлексии с национальным языком, прежде всего отмечается факт лакунарности лексической единицы:

(21) В порядке, как говорят англичане, «деволюции» Шотландия и Уэльс отвоевали право иметь свои парламенты [Там же: 559].

Большинство метаязыковых контекстов о национальном своеобразии слова представляют собой концептуальный

комментарий к слову, выраженный атрибутивными распространителями с соответствующей семантикой: *емкое слово «нудник», невыразительный американский мат* и т.п.:

(22) У поляков есть слово, которое мне очень нравится, – «чикавостка». Можно перевести как «интересинка» [Там же: 255].

В тексте мемуаров довольно многочисленны комментарии концептуального типа о словах и выражениях, ассоциирующихся с конкретными языковыми личностями, как правило, политиками или деятелями культуры: В. Лениным, И. Сталиным, Л. Брежневым, Е. Примаковым, Е. Лигачевым, О. Мандельштамом, И. Кантом и др.:

(23) Реплика Лигачева: *«Ты не прав, Борис!»* – пошла в фольклор и анекдоты [Там же: 415].

Помимо сведений об источнике выражения, в метаязыковых контекстах нередко дается анализ плана их содержания – разрушается стереотипность восприятия, анализируется идеологическая составляющая высказывания:

(24) Ссылаясь на многократно цитируемый ныне тезис Ленина о том, что «с точки зрения основных идей марксизма интересы общественного развития выше интересов пролетариата», некоторые товарищи склонны слово «выше» толковать в абсолютном, буквальном смысле. Мне кажется, это типичная схоластика [Там же: 418].

Многочисленны отсылки и к самому автору мемуаров. Объектом рефлексии в коммуникативных комментариях вполне закономерно становятся случаи авторского словоупотребления и словотворчества:

(25) Не могу не сравнить «петлю Примакова» с аналогичной фигурой политического пилотажа, которую я бы назвал «петля Миронова» [Там же: 557].

(26) Приютила меня, помогла мне, заботилась обо мне Олина команда – шесть дам разных возрастов, характеров и размеров. Я назвал их «гарем». Они не возражали, понимая, что это всего лишь шутка... [Там же: 627].

Одним из повторяющихся мотивов метаязыковых контекстов концептуального типа является анализ внутренней формы знака – объекта рефлексии:

(27) ... я неоднократно принимал участие в советско-японских симпозиумах, посвященных в основном как раз проблеме «северных территорий» (это – когда смотришь с юга, а для нас, которые смотрят с севера, это проблема Южных Курил – острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и группа островков Хабомаи) [Там же: 564].

Частотность комментариев авторизации свидетельствует о значимости для языковой личности мемуариста оппозиции «свое/чужое слово».

Таким образом, объектом рефлексии автора становится прежде всего публицистическая лексика, которая характеризуется применительно к политическому лексикону. Метаязыковая рефлексия в мемуарах А.Е. Бовина носит разноуровневый характер: контексты коммуникативного типа обеспечивают доступность текста массовому читателю, воссоздают атмосферу эпохи; посредством концептуальных комментариев выражается языковой вкус автора, его ценностные установки. В плане содержания тематически однородные «ограничивающие» комментарии организованы по принципу оппозиции: «говорили тогда» – «говорят теперь», «свое» – «чужое» слово. Средством выражения рефлексии автора становятся как вербальные (слова-метапоказатели и метаоператоры), так и графические средства (кавычки).

Литература

1. Бовин А.Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М.: Центрполиграф, 2017. 654 с.
2. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. 384 с.
3. Гилёва А.А. Метатекст как отражение рефлексии автора в мемуарной прозе // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2 (293). Филология. Искусствоведение. Вып. 74. С. 76–80 Метатекст.
4. Звегинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. – М: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 248 с.
5. Перфильева Н.П. Метатекст: текстоцентрический и лексикографический аспекты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Новосибирск, 2006. 43 с.

ANNA BATULINA

Temporal and discursive boundaries of the functioning of nominative units in the Memoirs of A. E. Bovin

Abstract: The article is devoted to the description of functional varieties of metalanguage comments in the text of A. E. Bovin's memoirs. There are two thematic groups of reflexive statements about the language of politics that are of particular importance in the analyzed text: judgments about the relevance of nominative units and judgments about their functional and stylistic fixedness. The article describes the main motives of metalanguage discourse

and the language means used in comments of communicative and conceptual type. Verbal and graphic means of expressing the author's reflection are considered.

Keywords: metalanguage reflection, memoirs, the language of politics, communicative commentary, conceptual commentary.

Literatura

1. Bovin A.E. XX vek kak zhizn'. Vospominaniya. M.: Centrpoligraf, 2017. 654 s.
2. Vepreva I.T. YAzykovaya refleksiya v postsovetськуyу epohу. M.: OLMA-PRESS, 2005. 384 s.
3. Gilyova A.A. Metatekst kak otrazhenie refleksii avtora v memuarной proze // Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 2 (293). Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 74. S. 76–80 Metatekst.
4. Zvegincev V.A. YAzyk i lingvisticheskaya teoriya. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1973. 248 s.
5. Perfil'eva N.P. Metatekst: tekstocenticheskij i leksikograficheskij aspekty. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora filologicheskikh nauk. Novosibirsk, 2006. 43 s.

Адрес электронной почты автора:

b.av@bk.ru

АЛЕКСЕЙ ГЛАЗКОВ

*(Россия, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ)*

К вопросу о разграничении понятий линейности, связности и цельности текста

Аннотация. В статье будут представлены линейность, связность и цельность как базовые свойства текста. Эти термины употребляются в разных значениях, поэтому предпринимается попытка установить различия между ними и показать специфику исследовательской работы, фокусирующей свое внимание на каждом из свойств.

Ключевые слова: текст, линейность, связность, цельность.

0. Вводные замечания

Под свойствами текста мы будем понимать наиболее общие его характеристики, реализующиеся в системе текстовых категорий. Система свойств представляет собой основание, позволяющее говорить о данном объекте как о самостоятельной сущности. Свойство не может быть определено через категорию. Наоборот, категория должна отражать одно или несколько свойств объекта. Свойство объекта – это своего рода его очевидность. В отличие от свойств система категорий представляет собой научный инструмент, позволяющим концептуально подойти к этой очевидности. Свойство не выводится логически, а устанавливается из опыта.

Поэтому суждения о свойстве аксиоматичны: они не требуют логических доказательств. Они вообще в известном смысле дологичны, как любая очевидность.

В лингвистике текста имеет смысл выделить три основные аксиомы: аксиому связности, аксиому цельности и аксиому линейности. Они аксиоматичны потому, что не выводятся исследователями из других положений, но сами кладутся в основу теоретических построений в области теории текста. Выделенные аксиомы позволяют утверждать, что текст изоморфен языковым единицам более низких уровней, причем выделение из именно на уровне текста связано с проблемой языкового статуса текста. Далее мы предложим формулировки аксиом и дадим их краткий анализ.

1. Аксиома линейности

Формулировка: *Текст представляет собой заданную последовательность единиц.*

Линейность свойственна всем языковым единицам, кроме звука и фонемы. Вопрос об элементах линейности оказывается не таким простым. Если на уровне слова сейчас для нас довольно очевидно, что линейная связь осуществляется между морфемами, то уже на уровне предложения нет ни такой очевидности, ни единства мнений: это могут быть слова, синтаксические формы слов, словосочетания, члены предложения; в порождающей грамматике это группы, причем более крупные группы состоят из более мелких групп, составляющие (constituents), определяемые как «цепочки из одного или нескольких слов, синтаксически и семантически функционирующие как единое целое («strings of one or more words that syntactically and semantically (i.e. meaningwise) behave as units») [Aarts 2001: 4]. Уже из этого перечисления видно, что, поскольку предложение как конструируемая единица имеет сложное строение. Однако сложность структуры является производной от того, что слова расположены в ряд, причем

характер их отношений друг с другом этот ряд не определяет или определяет не всегда. Пусть мы имеем предложение (1).

(1) *Это я предложил вчера завтра ехать на озеро.*

Линейное расположение двух временных наречий *вчера* и *завтра* не выглядит как оксюморон, поскольку первое является сирконстантом глагола *предложить*, а второе – глагола *ехать*. Однако в предложении нет специальных маркеров, указывающих на то, что наречия относятся к разным составляющим: пауза между ними возникает только при произнесении, возможность перемещения наречия в препозицию к глаголу специально не маркируется. Оказывается, что предложение представляет собой загадку по выстраиванию отношений в системе линейно расположенных элементов.

Такая же проблема возникает и в тексте. Его принципиальное устройство состоит в выстраивании предложений в ряд. Элементарной единицей текста в этом случае становится предложение, так как для его обнаружения (в отличие, например, от сверхфразового единства или сложного синтаксического целого) не требуется никаких специальных операций. В таком случае линейность – это следование предложений одного за другим. Несмотря на свою простоту, это решение очень удобно, так как позволяет четко решать вопрос о разграничении задач синтаксиса и текста. Текстовое решение имеет место там, где хотя бы два предложения линейно организуются.

Если взять в качестве элемента, например, СФЕ, определенное О.И. Москальской как «специальным образом организованная, закрытая цепочка предложений, представляющая собой единое высказывание» [Москальская 1981: 17], то в тексте возникнут цепочки разных уровней: цепочки предложений, объединяемых в СФЕ, и цепочки СФЕ. Поскольку текст О.И. Москальская рассмотрела тоже как вид СФЕ, получается, что более мелкие СФЕ объединяются в более крупные, а тогда возникает бесконечное количество

уровней линейности текста. Едва ли это позволяет считать СФЕ элементарной единицей.

Итак, в тексте существует заданная автором последовательность предложений, отражающая линейность как свойство текста. Это свойство обеспечивает категория порядка. Будем называть **порядком** отражение множества предложений на множество натуральных чисел. Тогда каждому предложению присваивается номер. Очевидно, что если текст состоит из n предложений, то любое предложение P_k , если $k \leq n$, принадлежит этому тексту.

Последовательность предложений, где каждое последующее предложение имеет номер больше на 1, чем предшествующее, будем называть **цепочкой**.

При таком подходе к линейности на этом уровне рассмотрения текста между словами не должны анализироваться семантические отношения между предложениями. Порядок означает лишь следование предложений одного за другим. Он оказывается одним из важнейших оснований возникновения отношений между предложениями, но сам этих отношений не задает. Если существует упорядоченная цепочка предложений, между ними следует искать отношения, то есть подниматься уровнем выше. Соответственно, при создании текста автор выстраивает предложения в цепочку, чтобы читатель стал определять возникающие между предложениями отношения.

2. Аксиома связности

Формулировка: *Предложения текста связаны между собой.*

Свойство связности рассматривается как наиболее типичное для текста, недаром термин *текст* фактически синонимичен сочетанию *связный текст*. Быть связным означает быть готовым к обнаружению отношений между элементами. Связность как свойство – это не наличие средств, которые связывают между собой предложения, а утверждение,

что предложения в тексте связаны. Связность не может быть сильнее или слабее, не может наличествовать или отсутствовать. Если последовательность предложений – текст, значит, составляющие его предложения связаны.

Свойство связности естественно рассматривается вместе с категорией когезии, однако их ни в коем случае нельзя смешивать. Когезия – это категория, имеющая неспецифические средства выражения, она может возникать между двумя предложениями, а может отсутствовать. Когезия относится с категорией контекста. Связность же просто есть в тексте. При этом когезия обеспечивает связность текста точно так же, как порядок обеспечивает его линейность. Нам кажется, очень точно сформулировали суть связности Л.Н. Мурзин и А.С. Штерн: «Два компонента текста связаны между собой, если они имеют некоторую общую часть; нет такого компонента, который бы не был связан хотя бы с одним другим компонентом текста (исключения при ближайшем рассмотрении оказываются кажущимися), и, таким образом, весь текст оказывается связным» [Мурзин, Штерн 1991: 17]. Фактически в этом рассуждении объединены идеи связности и когезии. Когезия проявляется в связи любых двух элементов, а связность характеризует текст в целом.

Несколько иначе трактуется связность в концепции Т.В. Милевской, подошедшей к проблеме связности с психолингвистической стороны и противопоставившей связность дискурса и связность текста [Милевская 2003]. Отдавая предпочтение субъекту высказывания, исследователь показывает, что связность текста оказывается функцией от связности дискурса и обуславливается коммуникативной задачей автора. Связность рассматривается как поле, причем очень широкое поле, в категориальную систему которого входят и когезия, и когерентность. При широком понимании это логично, поскольку иначе не будет оснований для распространения связности в область дискурса. Такой подход позволяет

установить параллелизм между дискурсом, понимаемым как результат дискурсивной деятельности, и текстом: связный дискурс, то есть цельное представление о ситуации, формирует связный текст, использующий средства когезии для выражения связности. Когезия в таком случае рассматривается более всего в аспекте текста, а когерентность в аспекте дискурса. Однако включение категорий когезии и когерентности в поле связности делает границу между ними нечеткой, не позволяет строго развести исследования когезии и когерентности. Мы полагаем, что для создания четкой системы предпочтительнее отнести эти категории к выразителям разных свойств текста.

Для связности существенна связь предложений. Будем говорить, что **предложения связаны**, если есть хотя бы одно эксплицитное языковое средство, указывающее на связь данных предложений. Категория, выражающаяся в связи предложений, есть **когезия**.

Когезия не связывает между собой местоимения и антецеденты, гипонимы и гиперонимы и под. Когезия – категория, связывающая между собой предложения и тем самым обеспечивающая свойство связности всего текста.

Единственным специфическим средством когезии является контактное расположение предложений. Все остальные средства неспецифичны (то есть не выполняют функцию связи предложений как свою единственную), поэтому речь идет о тех языковых единицах, которые способны дополнить свои основные специфические функции функцией связи предложений. К ним относятся союзы, местоимения, лексические единицы в определенных семантических отношениях (синонимы, антонимы, гипонимы и др.), соотнесенные грамматические формы слов. Данный список не полный и имеет целью лишь проиллюстрировать, что имеется в виду. Главным условием того, что языковые единицы связывают предложения, является их парность: соотнесенные языковые

средства должны располагаться в каждом из соединяемых предложений. Например, местоимение и его антецедент или гипоним и гипероним должны располагаться в разных предложениях. Таким образом, мы имеем систему, в которой 1) есть возможно соотнесенные между собой элементы разных предложений; 2) есть категория когезии, в рамках которой эти элементы вступают между собой в отношения; 3) есть за счет этого связанные между собой предложения текста.

Количество связей предложения ограничено тем, что все эксплицитные средства связи имеют свои ограничения. Например, местоимение ограничивается одной связью с антецедентом, а предложение только связями с контактными предложениями. Наибольшие сочетательные возможности оказываются у именных групп в системе номинационных цепочек, но и там, как будет показано позднее, есть свои ограничения на связи. Условием связанности предложений в нашем понимании не являются семантические отношения между ними. В этом пункте мы расходимся с ранее представленной концепцией Т.В. Милевской, где семантика занимает главное место. Связность – это свойство, объединяющее предложения благодаря наличию отношений (семантических и грамматических) между эксплицитными средствами связи. Мы предпримем попытку развести выраженную, эксплицированную связь, концентрирующуюся в категории когезии, и семантическую и прагматическую, концентрирующуюся в категории когерентности.

3. Аксиома цельности

Формулировка: *Предложения текста как единого целого вступают между собой в отношения.*

Будем понимать под отношениями между предложениями возможность обнаружить в сочетании предложений дополнительные смыслы, не выраженные в одиночных

предложениях. Отсюда следует, что описание отношений возможно в терминах семантики и прагматики.

В лингвистике имеются различные подходы к решению проблемы цельности текста. Цельность понимается либо с позиций восприятия и понимания текста, либо с позиций строения самого текста.

Психолингвистический подход представлен в работах А.И. Новикова и его учеников. А.И. Новиков, различавший содержание текста, формируемое «в сознании под непосредственным воздействием всех языковых средств, составляющих этот текст» [Новиков 2007: 179], и смысл, который полностью находится в сознании субъекта, читающего текст. Цельность текста в рамках этой концепции – путь к его пониманию. Цельность восприятия текста возникает как своего рода отражение цельности восприятия реальности, а поэтому прочтение и понимание текста означает создание целостной картины некоего воображаемого мира как результата процесса чтения.

Ю.А. Сорокин определил целостность как проекцию на сознание человека связности текста – системы (рядоположенности, соположенности, дистрибуции) языковых единиц текста [Сорокин 2008: 29]. При таком понимании исследователь справедливо устанавливает корреляции между связностью и лингвистикой текста и между цельностью и психолингвистикой. Анализ связности оказывается в области лингвистики текста, а анализ цельности – в области психолингвистики.

Иной подход, хотя тоже имеющий отношение к психолингвистике, обнаруживается в [Мурзин, Штейн 1991], где исследователи рассматривают свойство цельности совместно с ситуативностью, понимаемой как соотнесённость текста с ситуацией. Цельность в рамках данной концепции должна привести к видению текста как единого, неразделимого образа-гештальта. В противном случае, указывают

авторы, текст перестанет существовать как текст. Условием целостного восприятия текста оказывается то, что человек должен воспринять текстовую информацию в соответствии с его знанием о некоей ситуации, реальной или типичной. Нам представляется этот подход очень важным и продуктивным, но он нуждается в строгом определении того, что такое ситуация и какое место она занимает в тексте. В частности, требуется дать ответ, является ли выделенная авторами ситуативность свойством текста наряду с цельностью и связностью или она представляет собой категорию, и если так, то категорию текста или внетекстовой действительности.

Логический подход к проблеме цельности позволяет рассматривать это свойство именно как свойство текста, а не его понимания. Мы обнаруживаем его в концепции С. Золяна [Золян 2013], [Золян 2015]. Целостность в этой концепции рассматривается как истинность в рамках одного возможного мира. При этом текст формирует множество возможных миров, что вполне коррелирует с идеей множественности восприятия и понимания текста. Однако такой подход не требует экспериментального изучения того, как реальные читающие понимают текст, поскольку цельностью фактически становится логическая непротиворечивость системы высказываний в рамках данного возможного мира.

Если исходить из идеи непротиворечивости, то окажется, что непротиворечивость характеризует не только текст в целом, но и пару предложений и даже пропозиции в рамках одного предложения. На этом основании мы можем говорить о когерентном пространстве. Логично, что пространство когерентно, если оно непротиворечиво. Когерентно то пространство, которое когерентно в целом. Покажем это на простом примере.

(2) Число X четное. Следовательно, оно не делится на 4.

Между первым и последним предложениями содержится противоречие, так как существуют четные числа, делящиеся на 4. Пространство некогерентно.

Добавим в цепочку еще одно предложение.

(3) Число X четное. Число Y получается из формулы $Y=2X-2$. Следовательно, оно не делится на 4.

Первое и третье предложение в этом примере некогерентны, но вся цепочка формирует когерентное пространство, так как из когерентности 1 и 2 предложений и 2 и 3 предложений следует когерентность целого. Легко заметить, что когерентность (2) возникла на основе определения отношений между всеми входящими в цепочку предложениями.

Будем называть когерентным пространством текста такое множество предложений, в котором каждое предложение находится в отношениях с любым предложением текста.

Из определения следует, что в тексте формируется огромное количество отношений. Если обозначим через T_0 множество всех n предложений текста, то на нем имеется $(2n - 2 - n)$ подмножеств T_k , где $k < n$, а $T_k \subset T_0$. Очевидно, что исследовать все возможные подмножества текста невозможно, а поэтому анализ текста требует некоторых ограничений, позволяющих сделать анализ выполнимым. Упомянутая ранее категория ситуативности является одним из таких инструментов.

Будем называть любое подмножество предложений T_k на множестве всех предложений T_n , где $1 < k \leq n$, текстовой группой (ТГ).

Из определения следует, что, во-первых, текст является текстовой группой, а во-вторых, текстовая группа не может состоять из одного предложения.

Текстовая группа обладает некоторыми свойствами.

1. ТГ не имеет порядка. Это следует из того, что порядок в когерентном пространстве не определяется. Следовательно,

если мы имеем предложения П1 и П2, то они формируют одну ТГ: <П1, П2>.

2. ТГ индифферентна к средствам связи между предложениями, так как в когерентном пространстве не определяется связность. Это очень существенное положение, поэтому оно нуждается в комментарии. Поскольку ТГ может быть произвольно выбрана из текста или составлена из произвольных предложений, она не может обладать ни ситуационностью, ни когезией. Покажем это на простом примере. Пусть мы имеем неупорядоченную пару предложений, составляющих ТГ.

(4) *X делится на 2. X не делится на 4.*

Вне зависимости от порядка предложений эта ТГ может быть когерентной, поскольку существуют четные числа (очевидно, что X – число), не кратные 4. Вопрос возникает в том, кореферентны ли X в обоих предложениях, поскольку мы решили проблему когерентности, исходя из кореферентности X . Безусловно, существует вероятность того, что X в обоих предложениях кореферентны, а поэтому точный ответ относительно ТГ должен быть таким: возможно, что ТГ когерентна.

Вернемся к примеру (3). Мы сделали заключение о когерентности ТГ на основании того, что местоимение *оно* и ИГ число Y кореферентны. Их кореферентность может быть установлена только на основании порядка и когезии между предложениями. Если мы удалим эти два условия, то сможем дать ответ лишь о вероятной кореферентности и, соответственно, когерентности ТГ. Важным обстоятельством является то, что мы в качестве единиц каждого из текстовых пространств считаем предложение, а не пропозицию (как это представлено, например, в концепции В.А. Курдюмова [Курдюмов 1999]). Пропозиция как элемент смысла должна была бы апеллировать не к абстрактному *оно*, а к конкретному антецеденту этого местоимения. В нашем же случае мы рассматриваем возможность установить семантические

отношения между предложениями – выразителями буквальных значений, с которыми могут коррелировать различные пропозиции, как в примере (3), где за местоимением может стоять не только именная группа *число Y*, но любое существительное среднего рода, способное заполнить актантную валентность глагола *делиться*.

Может показаться, что рассмотрение предложений вне порядка, вне связности, вне каких бы то ни было контекстов практически не применимо, а поэтому лишено научного смысла. Однако это не так. Речь не идет от «готовом», полноценном тексте. Речь идет об аспекте его анализа. Представим себе, что мы ставим фильтры, с помощью которых можно рассматривать текст в аспекте линейности, связности или цельности. Анализ когерентного пространства позволит выбрать из него любые множества предложений и рассмотреть их далее и с позиции связности, и с позиции линейности. В противном случае оснований для такого анализа у нас просто не будет.

Литература

1. Золян С. Текст как мультисемантический объект (опыт формализации). (К 90-летию со дня рождения Ю.М. Лотмана) // Чуждоезиково обучение. Година XL. Книжка 2. 2013. С. 145–172.
2. Золян С. Текст: семантика и семантизация // Гуманитарные чтения РГГУ-2014. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2015. С. 547–575.
3. Милевская Т.В. Связность как категория дискурса и текста (когнитивно-функциональный и коммуникативно-прагматический аспекты). Автореферат канд. дисс. Ростова-Дону, 2003. 43 с.
4. Москальская О.И. Грамматика текста. М.: Высш. школа, 1981. 183 с.

5. Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. 172 с.
6. Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты. М.: ИЯ РАН, 2007. 224 с.
7. Сорокин Ю.А. Текст и его изучение с помощью лингвистических и психолингвистических методик (ретроспективный обзор) // Вопросы психолингвистики. 2008. № 8. С. 24–40.
8. Aarts B. English Syntax and Argumentation. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave, 2001. 312 pp.

ALEXEY GLAZKOV (RUSSIA, RANEPА)

On boundaries between the notions of linearity, cohesion, and coherence

I aim to consider essential features of text such as linearity, cohesion, and coherence. These terms are used to mean different notions. In the article I attempt to draw boundaries between the notions and to show how the text analysis depends up which feature focuses the researcher's attention to.

Keywords: text, linearity, cohesion, coherence.

Literatura

1. Zoljan S. Tekst kak mul'tisemanticheskij obekt (opyt formalizacii). (K 90-letiju so dnja rozhdenija Ju.M. Lotmana) // Chuzhdoezikovo obuchenie. Godina XL. Knizhka 2. 2013. S. 145–172.

2. Zoljan S. Tekst: semantika i semantizacija // Gumanitarnye chtenij RGGU-2014. M.: Ros-sijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2015. S. 547–575.

3. Milevskaja T.V. Svjaznost' kak kategorija diskursa i teksta (kognitivno-funkcional'nyj i kommunikativno-pragmaticeskij aspekty). Avtoreferat kand. diss. Rostov-na-Donu, 2003. 43 s.

4. Moskal'skaja O.I. Grammatika teksta. M.: Vyssh. shkola, 1981. 183 s.

5. Murzin L.N., Shtern A.S. Tekst i ego vosprijatie. Sverdlovsk: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1991. 172 s.

6. Novikov A.I. Tekst i ego smyslovye dominanty. M.: IJa RAN, 2007. 224 s.

7. Sorokin Ju.A. Tekst i ego izuchenie s pomoshh'ju lingvisticheskikh i psiholingvisticheskikh metodik (retrospektivnyj obzor) // Voprosy psiholingvistiki. 2008. № 8. S. 24–40.

8. Aarts B. English Syntax and Argumentation. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Palgrave, 2001. 312 pp.

Адрес электронной почты автора:

alexey.glazkow@gmail.com

ЕЛЕНА ГЛАЗКОВА

*Россия, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Российский государственный гуманитарный
университет*

Границы понятия «мем»

Аннотация. Интерес к понятию «мем» в разных сферах науки привёл к появлению большого количества определений термина. В статье проанализированы наиболее частотные подходы к пониманию «мема» и обоснование необходимости использования термина.

Ключевые слова: мем, единица культуры, информация, жанр, интернет, коммуникация.

Изучение мемов получило такое широкое распространение, что в русле разных наук накоплено большое количество работ, в которых рассматриваются различные явления, понимаемые авторами как «мемы», а также даются характеристики этих явлений, предлагаются классификации.

В настоящей статье будут поставлены вопросы:

- что понимается под словом «мем»,
- какие «традиции» сложились в научном дискурсе при описании этого понятия,
- какова степень необходимости этого термина.

В поиске ответа на первый вопрос по материалам изученных публикаций нами был составлен список разнородных,

разноуровневых единиц, фрагмент которого приводим здесь: «Медвед, креведко, Соса-Cola, McDonalds, Nike, Газпром, Лукойл, Nokia, доллар, евро, интернет, Microsoft, Олимпиада, Евровидение, «Белые розы», «Каникулы», Санта Клаус, Рональд Макдональд, ковбой Мальборо, голубь мира, «Поделись улыбкою своей», гражданское общество, образ сталинизма, государственная кадастровая оценка земель, сын маминой подруги, ботаник, «Пилите, Шура, гирю», «Наташ, вставай, мы всё уронили». Что их может объединять? В разных работах (но что ещё хуже – иногда даже в рамках одной статьи) исследователи мемов называют эти единицы «мемами».

Этот факт приводит к первому выводу: при существующем широком подходе к пониманию мемов сам термин становится «универсальным»: авторы считают, что его можно применять по отношению к очень разным объектам, не называя интегрирующие и дифференцирующие признаки. Такое положение дел свидетельствует, по сути, о десемантизации слова «мем». Как это происходит на практике буквально в рамках одного текста, покажем ниже.

Напрашивается вывод и о некоторой терминологической небрежности в ряде публикаций:

- авторы не дают толкования значений ключевых терминов, через которые «определяют» мем;
- авторы нередко синонимически сближают с термином «мем» некоторые другие, а потом, как будто забыв об этом, констатируют между ними родо-видовые отношения или говорят об их независимости друг от друга.

Автором термина «мем» (а иногда, что интересно, – и самого понятия) исследователи единодушно признают Ричарда Докинза: «Мем – англ. *meme*, понятие и термин придуманы Р. Докинзом в последней четверти прошлого века, единица передачи культуры; термин образован от слова *memory* (память) по аналогии со словом «ген» (*gene*)» [Ашкинази].

В своей работе 1976 года «Эгоистичный мем» британский этолог приходит к выводу о существовании механизма сохранения и передачи культурной информации от поколения к поколению. О появлении в 1976 году термина его автор пишет: «От подходящего греческого корня получается слово «мимем», но мне хочется, чтобы слово было односложным, как и «ген». Я надеюсь, что мои получившие классическое образование друзья простят мне, если я сокращу «мимем» до слова «мем»» [Докинз: 156].

Несмотря на то, что Р. Докинз скептически относился к своей теории и не занимался её популяризацией, сам термин стал активно употребляться как минимум уже в 80-х годах XX века и в 1988 году был внесен в Оксфордский словарь английского языка со значением «элемент культуры или системы поведения, передающийся от одного индивидуума к другому посредством имитации или другим негенетическим способом» [Цитируем по: Колесова]. Ричард Броуди в предисловии к своей книге 2007 года «Психические вирусы: Как программируют ваше сознание» сообщает, что на стыке биологии, психологии и когнитивистики родилась новая наука – меметика, наука о мемах. Название для новой науки, созданное по аналогии с термином «генетика», в 1983 году предложил Дуглас Хофштадгер, американский физик. В 2016 году 4 европейских университета совместно с университетом Гарварда открыли образовательные программы для желающих изучать мемы [Колесова].

Несмотря на то, что отношение к мемам в научном обществе по-прежнему неоднозначное, слово прочно вошло в словарный состав русского языка, причём на уровне не только бытового, но публицистического и научного дискурсов. Национальный корпус русского языка с 2008 года фиксирует стабильный рост частоты употребления этого слова [НКРЯ], но в толковые словари русского языка слово ещё не вошло. Неслучайно в интервью «Комсомольской

правде» в 2017 году М. А. Кронгауз говорил об антиконсервативности Оксфордского словаря [Загородняя]. В российских лексикографических источниках термин «мем» можно найти в справочниках, связанных с коммуникацией (в основном, коммуникацией в интернете), и англо-русских словарях.

Активность исследований самого явления подтверждает количество научных публикаций на эту тему. «Выдача» на поисковый запрос «мем» (дата обращения 10.07.2020) в научной библиотеке Elibrary содержит около 9 тысяч публикаций, даже поверхностный анализ которых невозможно представить в одной статье при условии жанровых и хронологических ограничений. Заголовки научных работ обозначают направления исследований и, по сути, дают краткое определение мема в понимании авторов публикаций. Приведём некоторые примеры. Мем рассматривается как

- социокультурное явление, ситуационный социокультурный конструкт [Багаутдинова];
- прецедентный феномен [Щурина], [Крапивина];
- лингвистический феномен [Шереметова];
- феномен современного фольклора [Дементьева];
- феномен современной информационной культуры [Овчинников, Холодков];
- феномен современной сетевой культуры [Ершова];
- феномен культуры [Голубва, Семилет]; [Аржененко]; [Косяков, Уманская];
- элемент аудиовизуальной культуры [Чиханова];
- способ воспроизводства культуры [Олешкова];
- хранилище культурных кодов сетевого сообщества [Марченко]:
- единица передачи культурной информации языковыми и неязыковыми средствами [Канашина 2013];
- полимодальная единица интернет-коммуникации [Канашина 2018];

- лингвокультурема современного филологического анализа [Громова];
- структурное, функциональное и визуально-коммуникативное целое [Данилова, Нуриева];
- знак современного медиапространства [Гузаерова];
- единица медиапространства [Квят];
- часть интернет-дискурса [Белкина, Куценко];
- новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации [Канашина 2016];
- медиатекст [Канашина 2019];
- особый жанр коммуникации [Часовский 2015];
- особый жанр интернет-коммуникации [Тюлькина];
- особый жанр политической коммуникации [Степаниденко];
- новая форма бытования языковых анекдотов [Александрова];
- особое средство коммуникации [Мигранова, Кромина];
- средство коммуникации, сетевая ценность и фактор развития культуры [Попов];
- маркер эпохи, инфоповод и развлекательный контент [Федорова];
- маркеры «культурной» ситуации, нестабильные культурные доминанты [Глазкова];
- тренд современной культуры [Жданова, Усов].

По заголовкам научных работ можно судить о возможных практического использования тех единиц, которые авторы называют мемами. Мем может быть использован как

- инструмент в обучении иностранному языку [Беседина], [Глазкова], а также различным предметам школьной программы;

- идея для создания символики бренда [Смородина];
- инструмент постправды [Бортников, Пунгина];
- новая форма политической рекламы [Бударина];

- средство формирования и продвижения имиджа современного политика [Кучина, Брударь, Фролова];
- средство манипулирования сознанием [Лопатин];
- средство продвижения [Степаниденко]; [Шушарин];
- средство межкультурной коммуникации [Щурина].

Рассматривая «традиции» описания самого понятия «мем», мы заметили, что, несмотря на понимание мема многими авторами как информационного и коммуникационно-го явления, в метаязыке мема преобладают термины медицинского дискурса, что могло бы привести неискущённого читателя к выводу, что это медицинский термин, означающий что-то ненормальное, нездоровое. Приведём пример рассуждения о скорости распространения мемов и невозможности контролировать этот процесс: «мемы передавались почти мгновенно через электронные СМИ и Интернет, подобно эпидемии» [Поляков: 148]. Довольно подробное сопоставление воздействия на человека: «Если некоторые болезнетворные вирусы своей экологической нишей выбирают наше тело, то вирусы-мемы атакуют наше сознание. В обоих вариантах мы находимся в большой опасности, но во втором случае вирусные атаки проходят незаметно для нас, а мы сразу же становимся не только их носителями, но и яростными защитниками» [Кениспаев: 116]. Позволим себе привести характерные примеры высказываний без ссылок на авторов о мемах и их воздействии на человека: «вирусное распространение»; «заразные паттерны»; «инфицированный человек»; «психические вирусы»; «вирусы сознания»; «медиа-вирус»; «воспроизводятся паразитически»; «мем пробивает психологическую защиту»; «мем-аллергия, или реакция отторжения»; «мем-аллергическая реакция»; «у потребителя контента, содержащего мемы, вырабатывается иммунитет»; «инфекционные частицы нашей культуры, которые мгновенно поражают людей, изменяя их мысли и судьбы»; «Часто мы не думаем – нам инфицируют мысли: мы заражаемся

либо непосредственно от других людей, либо косвенным образом. Нас поражают психическими вирусами». Две последние цитаты взяты из книги упоминавшегося Ричарда Броуди «Психические вирусы: Как программируют ваше сознание», посвящённой мемам [Броуди]. Свою книгу он предваряет предостережением в таком же духе: «В этой книге содержится живой психический вирус. Не читайте ее, если не хотите заболеть. Инфекция может повлиять на склад ваших мыслей – возможно, не сильно, а возможно, и серьезно» [там же].

Попытки систематизировать подходы к изучению и определению понятия «мем», освободившись от метафоричности языка, в русскоязычной науке уже предпринимались. В 2000 году в переводе Л.А. Мостовой вышла статья Гарри Чика, представляющая его краткий обзор англоязычных работ, посвящённых единицам, в его работе названным «единицами культуры». Анализируя существующие на протяжении 150 лет названия для разноуровневых единиц, способствующих сохранению и передаче условно понимаемой культуры, автор получает синонимический ряд: «характерные черты», «конфигурации», «комплексы» и «культурные образцы» (стереотипы), «идеи», «верования», «ценности», «правила», «нормы» и сообщает о появлении в 20-м веке двух новых терминов, возникших в русле сопоставлений культурной и биологической эволюций. Это просуществовавший недолго в научном дискурсе термин «культуроген» и получивший широкое распространение в разных значениях термин «мем» [Чик: 112]. Возникшая область исследований получила в итоге наименование «меметика» [там же].

Что эксплицитно или имплицитно, напрямую или косвенно объединяет представления о меме в трудах разных авторов? Понимание того, что сам термин должен обозначать некую единицу, которая условно может быть названа «носителем культурного смысла», маркером «культурной» ситуации, «культуры» (такое понимание сложилось на

основе трудов Докинза). Однако нет однозначного понимания, что такое «культура». Гарри Чик установил, что возможные определения можно свести к 4-м основным подходам: 1) культура как идеи (системы идей, концепции, обеспечивающие возможность существования социума); 2) культура как идеи и поведение (системы ценностей, представлений, верований и стереотипов, определяющих конкретный тип сообщества); 3) культура как идеи, поведение и артефакты (системы представлений, стереотипов и пр. закрепляются в символах и отражаются в артефактах) и 4) самое широкое понимание – культура как информация (любой тип культуры – это «информационная структура») [Чик: 113]. Поскольку информация дискретна, становится возможным рассматривать культуру как комплекс единиц разного вида. В рамках такого понимания и возникает представление о единицах «культурной информации». Приходя к пониманию мема как «носителя культурной информации», авторы закладывали во многом отличное от современного понимание – гораздо более глобальное, чем то, к которому сведено значение термина сейчас. Доукинз описал механизм существования мема: «Мем следует рассматривать как единицу информации, хранящуюся в мозге... подобно генетической информации, содержащейся в ДНК. Его фенотипический эффект, напротив, обращен вовне. Воздействие фенотипа на мем может реализоваться в форме слова, музыки, визуальных образов, стилей одежды, мимики или жестов, навыков, таких, как умение выбить пробку из бутылки или лепить пирожки» [Цитируем по: Чик: 117]. Повторяющиеся слова, стили, навыки и т.д. «представляют собой внешние проявления – видимые, слышимые и т.д. – существования мема в мозге. Они могут восприниматься органами чувств других индивидов и оставить такой отпечаток в сознании принимающих информацию, что копия (не обязательно точная) первоначального мема запечатлевается в воспринимающем мозге. Новая копия

мема распространяет фенотипический эффект посредством репродукции копий с самого себя в чужом сознании» [там же]. При таком понимании мемами оказываются мелодии, становящиеся популярными; представления о том, как надо строить арки; идеи, которые представляются интересными, запоминаются и воспроизводятся. Такое понимание остаётся популярным: «Любая популярная фраза, идея, образ, мелодия, структура может быть определена как мем» [Марченко: 114].

Развитие этих идей привело к появлению деления на «голомемы» (полные, цельные мемы, совокупность всех возможных реализованных и нереализованных вариантов) и «алломемы» (конкретные варианты).

Гарри Чик считает наиболее содержательным толкование Сьюзен Блэкмор, которая «определяет мем как «программу для реализации поведения, хранящуюся в мозге (или других объектах) и передаваемую путем копирования» [Чик: 117]. Ряд учёных высказывали предположения и надежду, что развитие науки приведёт к нахождению в мозге человека конкретных материальных объектов, отвечающих за эти представления. Были поставлены вопросы, можно ли утверждать, что культура состоит из мемов и стоит ли отказываться в пользу мема от понимания в качестве единиц изучения культуры верований, представлений, ценностей и установок. Во второй половине 20-го века сформировались две концепции мемов: в рамках одной утверждалось подчинение мема генам, в рамках второй – мемы и гены признавались единицами одного уровня, причём постулировалась большая значимость мемов для эволюции человека.

Распространение мема, понимаемого таким образом, характеризуется как спонтанное, неконтролируемое – отсюда возникает метаформа «вирусного распространения» и характеристика мема не просто как носителя информации, но и как «вируса сознания», заражающего человека

и толкающего его действовать определённым способом. Относя мемы к «вирусной» информации, авторы называют процесс их распространения «инфицированием» [Поляков: 148].

В русле такого понимания мемов (как передающегося путём копирования «идеологического вируса») – рассмотрение в качестве комплекса мемов (мемплекса) религиозных учений. Примером (не единственным) является книга Ильи Носырева [Носырев] о традиционных и современных религиях. Идея книги родилась у автора в результате изучения секты скопцов: ради идеи члены секты увечили себя (так же, как представители других религиозных учений жертвовали и здоровьем, и собственными жизнями ради верования), скопцы не могли продолжить род естественным путём, но в 18 веке секта процветала, её члены были влиятельными и богатыми людьми, количество сектантов не уменьшалось. Следование такой, можно сказать, жестокой идеологии действительно можно назвать ненормальным состоянием для человека – он не сопротивляется идее, как не может в период болезни сопротивляться вирусу. Автор книги приходит к заключению, что подобным образом люди «заражаются» не только религиозными, но и политическими идеями.

Исследователи, которые придерживаются такого понимания мема, нередко приводят в качестве примера реализации мема моды, никак не комментируя механизм её распространения. Вероятно, авторы статей считают достаточным само упоминание моды как таковой, рассчитывая, что читатели сами представят, как может выглядеть распространение модных тенденций. На наш взгляд, этот процесс отлично демонстрирует (и доказывает) длящийся более 20 лет проект «Exactitudes» («exact» – «точный» + «attitude» – «положение») фотографа Ари Верслуиса и социолога Элли Айтенброк (Роттердам), в рамках которого с 1994 года они снимают и интервьюируют представителей различных социальных групп

[<https://exactitudes.com>]. Начав со съёмок портретов представителей зарождавшегося в Нидерландах начала 90-х годов стиля габбер, исследователи обратили внимание, что принадлежащие к одной группе люди похожи не только по манере одеваться, но и по другим невербальным проявлениям. С 2000 года проект вышел за пределы не только Роттердама, но и Нидерландов, продолжившись в разных городах мира и подтверждая выводы авторов проекта.

На наш взгляд, «отголоском» такого подхода к мемам как к единицам, связанным с отражением и формированием культуры, является новый термин, возникший в дискурсе архитектуры и дизайна – «архитектурно-пространственный мем» [Муксинов, Халмурзаева 2016]. Явление «выражается в неограниченном количестве повторов подобных в архитектурно-пространственном решении фрагментов городской среды» [там же, с. 89], из-за которых становится невозможным идентифицировать место, найти отличия этого архитектурного объекта от подобных. И если последователи Докинза говорили, например, о художественных стилях в целом как о мемах, то современные авторы под «архитектурно-пространственным мемом» понимают нечто менее глобальное, приводя в пример стихийные уличные рынки.

Анализ подобных исследований привёл к ещё одному выводу: мемы, понимаемые как «носители культурной информации» (сопоставимые по функциям с генами) или как «идеологические» вирусы, «соблюдают» обязательные принципы: 1) стремление к максимально возможному распространению; 2) стремление к долговечности; 3) стремление к максимально точному воспроизведению. Забегая вперёд, скажем, что современные авторы, начиная свои статьи с «классических» определений термина «мем», забывают о том, что по отношению к анализируемым ими единицам сохраняется только первый принцип.

В 2010 году Е.М. Поляков констатирует, не всегда ссылаясь на источники информации и не комментируя, существование семи различающихся «трактовок» понятия «мем». Предложенное им разграничение, на наш взгляд, не всегда обоснованное, по крайней мере, свидетельствует о постановке проблемы. Так, Е.М. Поляков, не называя авторов определений, различает такие: «основная единица культурной передачи или инициации» [Поляков 148] и «единица культурной наследственности, внутреннее представление знания» [там же]. Представляется, что тут говорится фактически об одном и том же свойстве мемов выступать носителями культурной информации и своеобразными культурными маркерами.

Третье определение раскрывает понятие «мем» в другом аспекте, поэтому тем более не может быть противопоставлено первым: «сложная составная идея, которая самоорганизуется в отдельную запоминаемую единицу и развёртывается посредством внешних проявлений, которые являются выражением мема» [там же].

Следующий шаг – выделение определения, связанного именно с представлением об идее, но с учётом обнаруженных у этой идеи функций и возможностей: «единица информации в сознании, чьё существование влияет на события так, что большое число её копий возникает в других сознаниях». Такое понимание дано со ссылкой на работу 2007 года Р. Броди «Психические вирусы. Как программируют ваше сознание». В его основе другие признаки мема – быть некой рамкой для восприятия событий, способность участвовать в интерпретации событий, провоцируя шаблонное восприятие.

С этим определением связано следующее (со ссылкой на работу 1995 года Бретта Томаса «Руководство по мемам: путеводитель пользователя по вирусам сознания (Версия 1.1)», в котором эта особенность мема уже имеет отрицательную коннотацию: «заразные информационные паттерны, которые воспроизводятся паразитически, инфицируя сознание

людей и видоизменяя их поведение, заставляя их распространять этот паттерн» [Поляков 148]. Можно предположить, что авторы, которые придерживаются такого подхода к мемам, фактически основным признаком мема считают «неконтролируемое распространение» – отсюда активное использование лексики, свойственной медицинскому курсу (вирусное, заразные, паразитический). Продолжая выбранный ими путь метафор, можно говорить о том, что люди, относящиеся к мемам лояльно, без «предустановки на негатив» имеют «слабый иммунитет» относительно мемов, подвержены «заболеваемости».

Шестое определение мема мы предложили бы переместить выше, так как в нём снова нет негативной оценки: «элементарная единица информации, способная повторять себя, размножаться в параллельных или в ей подобных системах, устанавливающая бесконечные связи, замкнутая сама на себе (трактовка дана со ссылкой «Тезаурус: словарь онтопсихологических терминов» А. Менегетти, с. 99–106) [Поляков 148].

Последнее из предложенных автором определений вновь адресует к другим признакам мема, отмечая его способность выступать в качестве эмоциональной реакции на событие: «клише или развёрнутое междометие в сети Интернет» [там же, со ссылкой на работу Г. Гусейнова «Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литературотивы (доклад в Кембриджском университете)»]. Правда, в самом тексте указанного доклада мы обнаружили существование границ между терминами «мем» и «междометие». На основе анализа фрагментов авторского текста (например, «Мем КСЛ <кому сейчас легко>, имеющий вид малосодержательной квази-паремии или даже развёрнутого междометия» [Гусейнов 2008]) можно предположить, что мем – это носитель некоей информации, структурно, функционально мемы различаются, некоторые из них «ведут себя» как междометия.

Сам автор статьи, представляющей семь подходов к пониманию «мема», Е.М. Поляков, описывая освещение военного конфликта в Южной Осетии в 2008 году, в качестве мемов рассматривает то, что трудно объединить в одну группу: это речевые штампы, газетные клише («вероломное нападение»), счётно-именное сочетание «две тысячи погибших» (возможно, оно не соответствовало фактам и повторялось в СМИ для создания «нужной» картины происходившего), конструкция, в составе которой уже есть устойчивое сочетание («Цхинвали стёрт с лица земли»); существительное «геноцид» (вероятно, тут речь идёт о репрезентации концепта, одного из формирующих картину мира) и др. [примеры в кавычках: Поляков, с. 149]. По сути, это иллюстрация очень широкого подхода к пониманию мема: трудно найти какие-то объединяющие признаки между приведёнными единицами. На наш взгляд, общим является только то, что разнообразные языковые средства целенаправленно отбираются и намеренно регулярно повторяются, формируя представление об определённых ситуациях, событиях и, таким образом, в рамках контекста, определённого социальными, политическими, информационными факторами, предлагаются в роли маркеров этих ситуаций и событий. Эти «культурные единицы» только на какое-то время становятся актуальными, существуют недолго, поэтому для них мы предложили термин «нестабильные культурные доминанты» [Глазкова].

Рассмотрим другие современные примеры толкования и употребления термина «мем».

«Мем – это не требующий разъяснений символ, который может принимать форму слов, действий, звуков, рисунков, передающих определенную идею», – сообщает в 2009 году Елена Тирон в рубрике «Школа рекламиста» ресурса «Advertology. Наука о рекламе» [Тирон]. Несмотря на слово «наука» в названии ресурса, на нём представлены скорее публицистические материалы. Определение нельзя принять,

как как требует разъяснения используемый здесь термин «символ». Говоря максимально просто, «символ» – это условное обозначение чего-то, не тождественное тому объекту, который обозначен. Если этим исчерпывается значение слова «мем», то введение нового термина не требуется. Существенной проблемой становится то, что в одном ряду в качестве таких «символов» авторы анализируемой статьи приводят разнородные объекты. Примеры из статьи Е. Тирон: «всем известные мемы, как «пусть бегут неуклюже...» Крокодила Гены, «я знаю только то, что я ничего не знаю...» Сократа, «быть или не быть» Гамлета, «та-да-да-ДАМ» Бетховена, «Don't Worry, Be Happy», «Сим-Салабим» и т.д.»; «медвед, Ктулху, креведко, кремлевская валентинка, белая стрекоза любви, Человек-молекула, шутки про Чака Норриса, як-цупцоп и тому подобные веселые бессмыслицы, распространяемые по сети. Так называемый «албанский» язык – тоже мем, ведь это то, чему подражают» и далее «Coca-Cola, McDonalds, MTV, Nike, Газпром, Лукойл, Доллар, Евро, Sony, Nokia, Интернет, Microsoft, Олимпиада, Евровидение, и еще миллионы сильных мемов» [Тирон]. При таком подходе термин «мем» становится «универсальным» (на самом деле – десемантизируется) для обозначения абсолютно всего, что по какой-то причине получило известность. В один ряд попадают уже не только «крылатые слова и выражения», что нередко встречается в работах, представляющих взгляд на мемы, фраземы, неделимые счётно-именные сочетания, концепты, упоминавшиеся нами выше, но анекдоты, рекламные слоганы, даже бренды и персонажи брендов (клоун Рональд Макдональд McDonald's, надувной человек Michelin, ковбой Мальборо)! Нет единообразия в описании этих и подобных персонажей: «Микки Маус – немаркетинговый мем, один из символов американской культуры. Герой, который не может не привлекать к себе внимания. Добряк Санта Клаус – мем Нового Года и Рождества» [там же]. Кроме того, возникает

противоречие в тексте: мем только символизирует идею или её воплощает, визуализирует, вербализирует? Автор не заботится о соблюдении логического закона тождества относительно понятия «мем»: «В слогане «Россия – щедрая душа» чувствуется мем Родины, любви к ней» [там же].

В 2017 году А. М. Комарова в рамках статьи с плеоназмом в заголовке «Проблема делимитации границ понятия «мем» как коммуникативного явления» решает вопрос о том, как разграничить понятия, имеющие общий признак – репликацию. «Выявление понятий, так или иначе соотнесенных с идеей цитирования, позволяет встроить мем в широкий понятийный ряд, к членам которого можно отнести те из них, в определениях которых фигурируют термины «цитирование» и «повтор» [Комарова: 150]. Исключив термины, которые с точки зрения исследователя больше относятся к логике, автор фактически встраивает понятие «мем» в ряд с крылатыми словами, афоризмами, пословицами и аллюзиями с доминантным понятием «цитата» (утверждая возможность использовать его «в качестве ключевого в определениях его гипонимов в силу большей содержательности их значений» [там же]), предлагает дополнительные к репликации признаки, наличие и степень проявления которых, по мнению автора, позволяет дифференцировать соответствующие понятия. На наш взгляд, тут тоже возникает терминологическая неясность, поскольку сначала в работе А. М. Комаровой говорится о ряде, а затем – о поле единиц, что предполагает другие виды связей и отношений. Нам представляется, что и считать гиперонимом «цитату» по отношению к пословицам, крылатым словам и под. непродуктивно. К сожалению, автором статьи не выработана строгая методика, каким образом решать вопрос о степени проявления того или иного признака у каждого явления. Комментируя возможность проявления признака, автор нередко использует нечёткие характеристики, например, «в большинстве случаев»

[Комарова: 153], «в определенных пределах», «в разной степени» [там же]. При этом речь идёт в большей части статьи о вербальных мемах, но упоминаются в одном из пунктов о признаках и гибридные единицы. Нам представляется, что попытки отграничить мем от других названных единиц, связанных с цитированием, сводятся «на нет», когда в качестве примера мема с длительной историей функционирования автор приводит выражение «to be or not to be» [Комарова: 152]. Выводы, к которым приходит автор, не дают, по нашему мнению, однозначного представления о том, что именно относится к мемам, а не к цитатам: «наблюдается совпадение некоторых характеристик вербализованных цитат и мемов, но разной степени релевантности» [Комарова: 153], «для тех и других характерно наличие прецедентности при редупликации, т.е. чего-то скрытого «за кадром»» [там же]. Вместо решения вопроса об определении границ понятия «мем» автор только констатирует необходимость учёта совокупности признаков, о которых – в той или иной степени – уже писали предшественники.

Ещё один пример рассуждения о меме: «мем может рассматриваться как особый тип полимодального дискурса. Под полимодальным дискурсом понимается дискурс, в котором совмещены несколько способов передачи информации, например текст, изображение, фотография», – пишет С.В. Канашина [Канашина 2013: 246], однако не поясняет, что в этом контексте обозначено словом «дискурс». Если «дискурс» просто носитель информации (знак, несущий информацию), то введение в научный обиход термина «мем» избыточно. В этом случае мы предложили бы использовать термин «медиа́текст», имея в виду совмещение в одном произведении единиц разных знаковых систем. Однако продолжая публикацию, автор использует термин «мем»: «интернет-пространство изобилует мемами, изображающими политиков и содержащими смешные шутки об этих

политиках. Эти мемы становятся одним из способов выражения политических взглядов общественности» [Канашина 2013: 246], «Рональд Макдональд – мем, передающий идею веселья, хорошего настроения, детской непосредственности, доброты и великодушия» [Канашина 2013: 248] и подобное. Дальше, правда, следует целый абзац, слово в слово совпадающий с рассуждениями Е. Тирон, представленными в нашей работе выше.

Приведённые примеры употребления и толкования термина «мем» показывают, что сфера использования термина «мем» изменилась: произошло переосмысление, которое фактически разрушило понятие «мем» и привело к использованию самого слова в качестве референциального по отношению к какой-то единице, текстовой, аудиальной, иконической, медийной (тут имеем в виду представление о медиатексте как о единице, совмещающей в себе элементы разных знаковых систем, например, образ и подпись и под.).

Мемы обладают высокой виральностью – так называют свойство контента, определяющее вероятность того, что пользователи захотят информацией поделиться [Смирнова-Матрос]. Широкое распространение достигается одним из известных способов: повтор информации; создание и последующее снятие автором запускаемого мема когнитивного диссонанса [Поляков: 148]; воздействие на «болевы точки» человека, связанные с реализацией его потребностей и инстинктов. Все эти механизмы уже описаны в психологии как виды манипуляции, что говорит о том, что путь распространения мема видится авторам как осуществление чьего-то манипулятивного действия. Возникает идея распространения мемов группами (понятие «мемплекса») по принципу ««троянского коня»: нужный или интересный мем пробивает психологическую защиту и увлекает за собой другие» [Поляков: 148].

Какой в итоге можно сделать вывод? Вероятно, стоит признать, что первоначальное значение, исконное, термина «мем» утрачено. Исследователям стоит это признать и перестать начинать свои тексты с цитирования Р. Докинза. В современном языке устоялось употребление фактически двух терминов «мем». Более широкое значение этого слова мы предлагаем считать вторичным и рассматривать его уже как результат переноса: мемом можно назвать всё то, что похоже по каким-то признакам на «мем». Это любой информационный жанр: фрагмент песни, анекдот, крылатая фраза, звук или его имитация, гримаса, жест, карикатура и прочие единицы, которые повторяются (имитируются) коммуникантами для выражения какого-то значения. Иными словами, это «всё что угодно: начиная от неуклюжей фразы известного политика, заканчивая необычным роликом, т.е. всё, что спонтанно приобретает популярность» [Канашина 2013: 245].

Мем как особый жанр интернет-коммуникации, реализуемый медиатекстом, получившим спонтанное, неконтролируемое распространение, имеет некоторые классификационные признаки. Содержание этого текста связано с актуальными событиями, поэтому такая единица некоторое время сохраняет устойчивость структуры, но потом может подвергнуться активной трансформации или выйти из употребления. Как правило, источник мема известен коммуникантам, возможно, именно потому, что период активного существования мема недолог. Статистика утверждает, что средняя «продолжительность жизни» мема примерно 4 месяца, но большая их часть «живёт» не более недели [Зумеры...].

Любопытным представляется наблюдение Н.Г. Марченко о том, что современная коммуникация в интернете отличается холистической тенденцией в спонтанной письменной речи и высокой степенью иероглифизации [Марченко: 113], что проявляется в создании особых систем знаков – «смайликов» и «мемов». Вообще идея о том, что по происхождению

интернет-мемы «связаны» не только с комиксами, плакатами и постерами, но и иероглифами, как особыми единицами, несущими комплекс информации, встречается и в других работах.

К дополнительным признакам мема как жанра относятся такие, как переосмысление (появление нового значения, которое не вытекает из суммы значений входящих компонентов, что как раз сближает с иероглифом), комический эффект (элемент юмора, иронии, сарказма), элемент языковой игры (неожиданный вывод, буквализация, гиперболизация, доведение о абсурда и т.д.).

Интересно, что ещё в 2000 году Гасан Гусейнов, исследуя «сетевую культуру» констатировал представление об Интернет-коммуникации как игровой форме (с течением времени это во многом изменилось), разрушение традиционных норм письменности, преобладание визуального, что в итоге ведёт к расширению «в Сети поля смешного: возможность пошутить, как правило, не упускается и в сетевом тексте на самую серьезную тему, и на сколь угодно серьезном сайте» [Гусейнов 2000]. Часовский Н.В. отмечает: «мемы не только привлекают внимание общественности к какому-либо событию, но ещё и совершенно независимо друг от друга сглаживают остроту восприятия произошедшей ситуации, заставляя смеяться над прежними (следует подчеркнуть, совершенно обоснованными) страхами, переводят происшедшее из разряда серьёзного в разряд чего-то игрового» [Часовский 2013: 58].

Поскольку элемент игры и комический эффект относятся к дополнительным признакам мема, считаем ошибочным называть мемами любые примеры языковой игры, в том числе – визуализированные картинками. Например, полученные в результате фотошопа картинки, на которых совмещены части двух изображений, что является точной иллюстрацией к совмещению частей соответствующих изображениям

слов: «тигруль» (контаминация слов и изображений «тигр» и «руль»), «хлев» (на картинке изображение хлеба дополнено головой и лапами льва), «медверь» (изображение двери «вписано» в туловище медведя), «лисабля» (к изображению сабли добавлены голова, лапы и хвост лисы), «жирафля» («жираф» и «вафля»), «сапсанки» («сапсан» и «санки»), «хлебедь» («хлеб» и «лебедь») и так далее. В этом ряду первым был так называемый «мем Тигруша», который возник либо на основе подобной контаминации слов (и изображений) «тигр» и «груша», либо на основе фонетических ассоциаций, вызванных потенциально возможной уменьшительно-ласкательной формой с суффиксом «уш» от слова «тигр» – «тигруша» (по аналогии с именами «Катюша», «Петруша», «Андрюша»). Представленное здесь явление – распространённая игра в интернете, в результате которой появились слова и изображения, не содержащие ключевого признака мема, который позволил бы назвать результат творчества «носителем культурной информации», маркером ситуации, нестабильной культурной доминантой, отражением реакции на какие-то объекты, события, ситуации и т.д.

Если в качестве основных признаков мема рассматривать языковую игру, юмор и повторяемость, в числе мемов оказываются выполненные в шаблоне картинки с подписью. Например, схематичный портрет усатого мужчины в котелке и надпись: «Чтобы питать слабость к женщинам, нужно быть в расцвете сил». Как языковая игра подобный приём хорошо известен и распространён ещё в то время, когда не было интернета. Подобными шутками, построенными на столкновении нескольких устойчивых выражений, их буквализации нередко пополнялись юмористические рубрики и страницы периодических изданий. Как правило, они не могли получить широкое распространение, так как юмор, построенный на языковой игре, понятен и интересен немногим. Отличие от тех информационных продуктов, для которых мы

предлагаем использовать термин «мем», в том, что они не имеют связи с конкретными ситуациями, событиями, по отношению к ним нерелевантен термин «актуальный».

Учитывая «кластерность» как особенность организации сетевой коммуникации и культуры [Гусейнов 2000], где теперь функционирует мем, нельзя говорить об универсальности мема, а носителем культуры он может быть назван потому, что «сетевая жизнь» представляет собой отдельный тип своего рода культуры. Поскольку мем может быть понятен представителям одной социальной группы, его можно считать идентификатором по принципу свой/чужой [Марченко: 114].

Однако время от времени появляются мемы, понятные представителям разных социальных групп. Некоторые отражают проблемы, актуальные даже для представителей разных стран. К такого рода примерам относятся многие из тех мемов, что возникли в связи с пандемией коронавируса, охватившей мир весной 2020 года. Пандемия привела к совершенно неожиданным проблемам. Например, в разных странах возник дефицит туалетной бумаги, что привело к появлению многочисленных мемов на эту тему. Один из них – «Девочка с персиками»: в основе изображения – известнейшая картина Валентина Серова «Девочка с персиками», но на лице героини надета маска (признак времени), а вместо фруктов перед ней на столе лежит упаковка туалетной бумаги «Персик». Ироничность усилена столкновением «высокого» (взято признанное произведение искусства) и «низменного» (ассоциации с физиологическими потребностями человека).

Тема пандемии породила огромное количество мемов, анализировать которые не входит в наши планы. Однако на их примерах видно, как в мемах отражается актуальная новостная повестка. Тема дефицита туалетной бумаги отразилась и в меме, изображающем четырёх всадников

Апокалипсиса, один из которых держит под мышками упаковки туалетной бумаги. Подпись – от имени одного из друзей всадников – «Серьёзно?».

Приведённые выше примеры – вне границ, вне социальных групп. А вот большая группа мемов, посвящённых дистанционному образованию, понятна только представителям определённых социальных групп. Переход на дистанционную форму обучения был сложен для учителей, учеников и их родителей, для студентов и преподавателей – именно в интернет-сообществах этих социальных групп в начале введения дистанта появлялись и распространялись с большой скоростью мемы на эту тему. Однако самоизоляция и вынужденное дистанционное обучение продлилось так долго, что перестало быть чем-то необычным. Мемы на эту тему перестали появляться. «Выход из карантина» был ознаменован прекрасным мемом с англоязычной подписью «Me coming out of lockdown with all the stupid shit I ordered online». Учитывая, что многие перешли в период самоизоляции на покупки онлайн, мем оказался актуален, но «пошутить» на эту тему несколько раз невозможно, а значит, распространение этого мема, несмотря на его высокую виральность, не может быть длительным.

Исследователи современных интернет-мемов отмечают их недолговечность и уникальную способность к трансформациям при сохранении только шаблона мема. Например, всю весну 2020 года появлялись мемы с котами, как бы смотрящими прямо в камеру и сообщающими хозяйке новости. Мем «Наташ, мы всё уронили», по данным сервиса Google Trends вошёл в число «свехпопулярных» [Google Trends]. Героиня мема – Наташа – абстрактный персонаж, часто возникающий в группе «Котизм», где, как пишет TJournal, в декабре 2019 года и появился мем с котами и Наташей. Он представлял собой комикс из 6 картинок, на них – Наташа и два кота. Со временем идея изменилась: в феврале

2020 года в шаблоне поменяли котов, убрали Наташу, а сами реплики, включая обращение («Наташ», «Володь», «пап», «Сергей Семёнович», «россиянин» и даже «Бруно»), менялись в связи с изменением новостной повестки [«Наташ, мы всё уронили!']. Беспокойные коты стали символом внезапно возникшей проблемы, вербальное начало мема «Мы всё уронили» стали активно использовать даже в бытовых ситуациях, когда что-то сломалось, разбилось, не получилось. При этом не только экономические или общественно-политические темы оказывались в поле внимания создателей мемов – появились мемы, например, связанные с праздником Пасхи, празднование которого в условиях пандемии стало спорным и сложным вопросом для многих. Тематически связанные мемы можно рассматривать в качестве иллюстрации описанной А.В. Глазковым синтекстуальности (термин введён А.В. Глазковым), предполагающей «наличие или возможность наличия множества текстов, имеющих в качестве фокуса одну и ту же ситуацию или ситуационную цепочку» [Глазков: 144–145].

Популярность мема «про Наташу» была обыграна пользователями сети в меме, созданном из шаблона одного из самых долго существовавших и популярных мемов, построенного на повторении обращения «Карл». Это реплики монолога, сопровождающие сцену общения героя мема с сыном Карлом:

- *Карл, наше время ушло!*
- *Знаешь, что теперь говорят вместо «Карл»?*
- *«Наташ»!*
- *«Наташ», Карл!*

Мем про «Карла и его отца» действительно рекордсмен по длительности существования. Он связан с сериалом «Ходячие мертвецы», стал популярен в России в начале 2015 года. При этом далеко не все пользователи сети смотрели фильм-источник. «Сцена, которая легла в основу популярного мема,

была впервые показана на американском телеканале AMC 4 ноября 2012 года» [Карл...], первые мемы на родине сериала появились почти сразу же, популярность в русско-язычном сегменте возникла через несколько лет, но можно говорить, что и сейчас его многие помнят.

Итак, мем как некая единица коммуникации – это объект, имеющий формальное воплощение в виде медиатекста. Поэтому говоря о «границах» мема исследователи пытаются решить вопрос, какие именно единицы можно назвать мемами, а какие нет. Например, в интернет-дискурсе уже почти не используется термин «демотиватор». Эта единица была хорошо описана и легко определяется в интернет-пространстве по характерным признакам: по функциям и «эмоциональному посылу» она противопоставлена мотиватору (надпись на «демотиваторе» отражает пессимистичный взгляд на вещи); в оформлении соблюдается жёсткий шаблон (картинка с надписью обязательно обрамлена чёрной рамкой). Теперь нередко демотиватор рассматривается как один из видов интернет-мемов [Канашина 2013: 244].

Современные мемы маркируют культурную (в широком смысле) ситуацию, отражают актуальные события (ситуационны), содержат элемент игры, их «жизненный путь» из небытия в активный запас и снова в пассивный скоротечен (хотя и в разной степени). Дополнительным признаком их всех является наличие элемента иронии, что позволяет мемам выполнить не только информационную, но и развлекательную функцию. Однако посвящённый мемам ресурс «Мемепедия» пришёл к выводу, что примерно до 2018 года мемы в основном были депрессивными: создатели мемов заставляли смеяться, но над тем, что кому-то причинило боль. Мемы нового десятилетия транслируют «постиронию», нередко становясь сюрреалистичными, абсурдными: «Постирония высмеивает всё это. Она превращает в мем то, что раньше никогда бы им не стало» [Зумеры...]. Пример создания мема

по принципу доведения до абсурда: использование шаблона мема про Наташу и котов с добавлением фразы из когда-то популярной песни «Давайте выпьем, Наташа, сухого вина!».

Литература

1. Александрова Е.М. Креолизованный мем как новая форма бытования языковых анекдотов. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8–2 (74). С. 65–69.
2. Аржененко П.Г. Интернет-мем как культурный феномен. // Сб.: Проблемы социокультурной и политической модернизации: человек, коммуникация, среда. 2017. С. 85–88.
3. Ашкинази Л.А. Мир Лема: словарь и путеводитель. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fan.lib.ru/a/ashkinazi_l_a/text_3510-1.shtml. Дата обращения 02.06.2020.
4. Багаутдинова А.А. Мем как ситуационный социокультурный конструкт. // Сб.: Социокультурная ситуация: проблемы теории и практики. 2015. С. 31–35.
5. Багаутдинова А.А. Мем как социокультурное явление. // Развитие гуманитарной среды в техническом вузе. 2015. Т. 1. С. 72–76.
6. Белкина Ю.А., Куценко Е.В. Мем как часть интернет-дискурса. // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2014. № 4 (9). С. 77–79.
7. Беседина В.Г. Интернет-мем как инструмент в обучении иностранному языку. // Сб.: Гарантии качества профессионального образования. 2018. С. 107–110.
8. Бортников Н.А., Пунгина А.П. Визуальный политический интернет-мем как инструмент постправды. // Сб.: Политика постправды в современном мире. 2017. С. 38–40.
9. Броуди Р. Психические вирусы: как программируют ваше сознание. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://royallib.com/read/broudi_richard/psihicheskie_virusi.html#0. Дата обращения 30.06.2020.

10. Бударина О.А. Интернет-мем как новая форма политической рекламы. // Стратегические коммуникации в бизнесе и политике. 2018. № 4. С. 57–63.

11. Глазков А.В. Из реальности в текст и обратно: очерк прагматики нарративного текста. М., 2018. 436 с.

12. Глазкова Е.А. Нестабильные культурные доминанты в практике преподавания русского языка как иностранного // Вестник: Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. № 33. Будапешт. 2019. С. 64–72.

13. Голубва А.Р., Семилет Т.А. Мем как феномен культуры. // Культура и текст. 2017. № 3 (30). С. 193–205.

14. Громова М.И. Интернет-мем как лингвокультурема современного филологического анализа. // Мова. 2015. № 23. С. 27–31.

15. Гузаерова Р.Р. Интернет-мем как знак современного медиапространства. // Филология и культура. 2017. № 2 (48). С. 50–54.

16. Гусейнов Г. Заметки к антропологии русского Интернета; особенности языка и литературы сетевых людей // НЛО. 2000. № 3. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2000/3/zametki-k-antropologii-russkogo-interneta.html>. Дата обращения 30.06.2020.

17. Гусейнов Г. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литературотивы. 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://speakrus.ru/gg/litulative.htm>. Дата обращения 30.06.2020.

18. Данилова Ю.Ю., Нуриева Д.Р. Мем как структурное, функциональное и визуально-коммуникативное целое. // Наука и мир. 2015. Т. 2. № 1 (17). С. 37–40.

19. Дементьева А.А. Интернет-мем как феномен современного фольклора. // Сб.: Материалы 54-й Международной научной студенческой конференции МНСК – 2016. 2016. С. 95–96.

20. Докинз Р. Эгоистичный ген. М., 2013. 512 с.
21. Ершова Д.Е. Арт-мем как феномен современной сетевой культуры. // Университетский научный журнал. 2016. № 21. С. 141–147.
22. Жданова А.С., Усов В.Е. Мем как тренд современной культуры. // Социальные коммуникации: наука, образование, профессия. 2018. № 18. С7 59–63.
23. Завгородняя Д. Автор «Словаря языка интернета» Максим Кронгауз: «Люди стали меньше ругаться матом»// Комсомольская правда. 20.02.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kp.ru/daily/26645.7/3664409/>. Дата обращения 30.06.2020.
24. Зумеры, сторителлинг и постирония. Какими будут мемы в 2020 году? [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://1k.com.ua/zumery-storitelling-i-postironiya-kakimi-budut-memy-v-2020-godu.html>. Дата обращения 30.06.2020.
25. Канашина С.В. Интернет-мем как медиатекст. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2019. Т. 19. № 1. С. 107–112.
26. Канашина С.В. Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка). Диссертация на соискание учёной степени. МГЛУ. 2016.
27. Канашина С.В. Интернет-мем как полимодальная единица интернет-коммуникации. // Когнитивные исследования языка. 2018. № 35. С. 116–121.
28. Канашина С.В. Мем как единица передачи культурной информации языковыми и неязыковыми средствами // Вестник МГЛУ. 2013. № 20 (680). С. 243–249.
29. Канашина С.В. Мем как единица передачи культурной информации языковыми и неязыковыми средствами. Вестник МГЛУ. 2013. № 20 (680). С. 243–249.
30. Карл: как популярный мем из сериала «Ходячие мертвецы» добрался до России и вышел в офлайн

[Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tjournal.ru/internet/54838-coral>. Дата обращения 30.06.2020.

31. Квят А.Г. Мем как единица медиапространства // Сб. Средства СМИ в многополярном мире: проблемы и перспективы. 2012. С. 86–89.

32. Кениспаев Ж.К. Гражданское общество как мем современной культуры // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. Социология. 2013. № 1. С. 114–116.

33. Колесова Е. Котики и революция. Что такое меметика и почему мемы – это не только смешные картинки из интернета // N+1. 20.10.2017. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nplus1.ru/material/2017/10/20/mems-and-culture>. Дата обращения 30.06.2020.

34. Комарова А.М. Проблема делимитации границ понятия «мем» как коммуникативного явления // Сб.: Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение. Орёл, 2017. С. 148–154.

35. Косякова Я.С., Уманская А.А. Интернет-мем как культурный феномен современности. // Сб. Донецкие чтения 2017. 2017. С. 193–195.

36. Крапивина Д.А. Мем как прецедентный феномен в интернет-коммуникации. // Сб.: Молодёжь XXI века: образование, наука, инновации. 2018. С. 22–24.

37. Кучина А.Д., Брударь Р.Ф., Фролова Н.А. Интернет-мем как средство формирования и продвижения имиджа современного политика. // Сб.: Рекламам и PR в России: современное состояние и перспективы развития. 2020. С. 147–149.

38. Лопатин С.В. От частного к публичному: политический интернет-мем как средство манипулирования сознанием молодёжи. // Публичное/частное в современной цивилизации. 2020. С. 502–507).

39. Марченко Н.Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества. // Казанская наука. 2013. № 1. С. 113–115.

40. Марченко Н.Г. Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества. // Казанская наука. 2013. № 1. Филологические науки. С. 113–115.

41. Мигранова Л.В., Кромина Е.И. Интернет-мем как особое средство коммуникации // Сб.: Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам. 2015. С. 239–243.

42. Муксимов Р.М., Халмурзаева Г.Б. Архитектурно-пространственный мем в городской среде г. Бишкека // Инновационная наука, 2016. № 4. С. 88–90.

43. Наташ, мы всё уронили. Мы уронили вообще всё, честно: мем с котами как символ последних новостей в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tjournal.ru/internet/149237-natash-my-vse-uronili-my-uronili-voobshche-vse-chestno-mem-s-kotami-kak-simvol-poslednih-novostey-v-rossii>. Дата обращения 30.06.2020.

44. НКРЯ. Распределение по годам в основном корпусе с 1995 по 2015 // Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://processing.ruscorpora.ru/graphic_xml?smoothing=3&g=i_year_created&graphic_from_result=1&sort=i_year_created&lang=ru&startyear=1995&text=lexform&req=%D0%BC%D0%B5%D0%BC&endyear=2015&mode=graphic_main&env=alpha&nodia=1. Дата обращения 25.03.2020.

45. Носырев И.Н. Мастера иллюзий. Как идеи превращают нас в рабов. М., 2013. 544 с.

46. Овчинников Ю.Д., Холодков М.Ю. Интернет-мем как феномен современной информационной культуры. // Социальное воспитание. 2015. № 2 (6). С. 72–75.

47. Олешкова А.М. Интернет-мем как способ воспроизводства культуры. // Общество: философия, история, культура. 2017. № 8. С. 164–166.

48. Поляков Е.М. Информационное противоборство в ходе «пятидневной войны»: мем-анализ по материалам российских СМИ/ Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2010. № 2. С. 146–151.

49. Попов Д.В. Мем как средство коммуникации, сетевая ценность и фактор развития культуры. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 8–2. С. 54–58.

50. Рашкофф Дуглас. Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Rashk/. Дата обращения 30.06.2020.

51. Смирнова-Матрос М. Что такое виральность. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

52. Смородина В.А. Интернет-мем как идея для создания символики бренда. // Брендинг как коммуникативная технология XXI. 2018. С. 49–53.

53. Степаниденко М.С., Белоедова А.В. Интернет-мем как особый жанр политической коммуникации. // Сб. Медиацентри СКФУ: взгляд молодых исследователей. 2016. С. 159–161.

54. Степаниденко М.О. Киномем как средство продвижения современных фильмов. // Сб.: Актуальные проблемы современной гуманитарной науки. 2016. С. 149–153.

55. Тирон Е. Мем – это «вирус ума» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.advertology.ru/article72035.htm>. Дата обращения 30.06.2020.

56. Тюлькина М.В. Англоязычный мем как особый жанр интернет-коммуникации. // Студенческая наука и XXI век. 2016. № 13. С. 112–114.

57. Федорова М.А. Что есть мем? Мем как маркер эпохи, инфоповод и развлекательный контент. // PR и реклама

в изменяющемся мире: региональный аспект. 2017. № 16. С. 90–97.

58. Часовский Н.В. Игровые интенции мем-групп (на примере восприятия челябинского метеорита) // Челябинский гуманитарий. Серия «Филология и искусствоведение», 2013. № 1. С. 55–59.

59. Часовский Н.В. Интернетмем как особый жанр коммуникации. // Учёные записки Забайкальского государственного университета. 2015. № 5 (360). С. 135–141.

60. Чик Г. Единицы культуры. / Перевод Мостовой Л.А. // Общественные науки и современность. 2000. № 2. С. 111–122.

61. Чиханова М.А. Мем как элемент аудиовизуальной культуры. // Сб.: Научная сессия ГУАП. 2017. С. 174–179.

62. Шереметова В.С. Интернет-мем как лингвистический феномен. // Сб. материалов VI Международной студенческой научно-практической конференции. 2015. С. 97–101.

63. Шушарин С.А. Использование мемов в продвижении брендов. // Сб.: Визуальная культура: дизайн, реклама, информационные технологии. 2014. С. 74–75.

64. Шурина Ю.В. Интернет-мем как прецедентный феномен. // Сб. Язык в различных сферах коммуникации: материалы международной конференции. 2014. С. 102–108.

65. Шурина Ю.В. Интернет-мемы как средство межкультурной коммуникации. // известия ВГПУ. 2013. № 6 (81). С. 34–38.

66. Exactitudes (официальный сайт). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://exactitudes.com> Дата обращения 30.06.2020.

67. Google. trends. Анализ: Наташ, мы всё уронили // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://trends.google.ru/trends/explore?geo=RU&q=наташ%20мы%20все%20уронили> & Дата обращения 30.06.2020.

ELENA GLAZKOVA

The Meme notion boundaries

Abstract. Due to the rising interest to the notion of ‘meme’ in different fields of study, there are various existing definitions of the term that have been suggested. Studied in the article are the more common approaches to understanding of what a meme is, as well as justification of the necessity of the term’s use.

Key words: meme, unit of culture, information, genre, internet, communication

Literatura

1. Aleksandrova E.M. Kreolizovannyj mem kak novaya forma bytovaniya yazykovyh anekdotov. // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2017. № 8–2 (74). S. 65–69.
2. Arzhenenko P.G. Internet-mem kak kul’turnyj fenomen. // Sb.: Problemy sociokul’turnoj i politicheskoy modernizacii: chelovek, kommunikaciya, sreda. 2017. S. 85–88.
3. Ashkinazi L.A. Mir Lema: slovar’ i putevoditel’. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://fan.lib.ru/a/ashkinazi_1_a/text_3510-1.shtml. Data obrashcheniya 02.06.2020.
4. Bagautdinova A.A. Mem kak situacionnyj sociokul’turnyj konstrukt. // Sb.: Sociokul’turnaya situaciya: problemy teorii i praktiki. 2015. S. 31–35.
5. Bagautdinova A.A. Mem kak sociokul’turnoe yavlenie. // Razvitie gumanitarnoj sredy v tekhnicheskom vuze. 2015. T.1. S. 72–76.

6. Belkina YU. A., Kucenko E.V. Mem kak chast' internet-diskursa. // Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya. 2014. № 4 (9). S. 77–79.

7. Besedina V.G. Internet-mem kak instrument v obuchenii inostrannomu yazyku. // Sb.: Garantii kachestva professional'nogo obrazovaniya. 2018. S. 107–110.

8. Bortnikov N.A., Pungina A.P. Vizual'nyj politicheskij internet-mem kak instrument postpravdy. // Sb.: Politika postpravdy v sovremennom mire. 2017. S. 38–40.

9. Broudi R. Psihicheskie virusy: kak programmiruyut vashe soznanie. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: https://royallib.com/read/broudi_richard/psihicheskie_virusi.html#0. Data obrashcheniya 30.06.2020.

10. Budarina O.A. Internet-mem kak novaya forma politicheskoy reklamy. // Strategicheskie kommunikacii v biznese i politike. 2018. № 4. S. 57–63.

11. Glazkov A.V. Iz real'nosti v tekst i obratno: ocherk pragmatiki narrativnogo teksta. M., 2018. 436 s.

12. Glazkova E.A. Nestabil'nye kul'turnye dominanty v praktike prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo // Vestnik: Sovremennyy russkij yazyk: funkcionirovanie i problemy prepodavaniya. № 33. Budapesht. 2019. S. 64–72.

13. Golubva A.R., Semilet T.A. Mem kak fenomen kul'tury. // Kul'tura i tekst. 2017. № 3 (30). S. 193–205.

14. Gromovaya M.I. Internet-mem kak lingvokul'turema sovremennogo filologicheskogo analiza. // Mova. 2015. № 23. S. 27–31.

15. Guzaerova R.R. Internet-mem kak znak sovremennogo mediaprostranstva. // Filologiya i kul'tura. 2017. № 2 (48). S. 50–54.

16. Gusejnov G. Zametki k antropologii russkogo Interneta; osobennosti yazyka i literatury setevyh lyudej // NLO. 2000. № 3. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://magazines.gorky>.

media/nlo/2000/3/zametki-k-antropologii-russkogo-interneta.html. Data obrashcheniya 30.06.2020.

17. Gusejnov G. Nepochnaya kommunikaciya v blogosfere: errativy i literaturotivy. 2008. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://speakrus.ru/gg/litulative.htm>. Data obrashcheniya 30.06.2020.

18. Danilova YU. YU., Nurieva D.R. Mem kak strukturnoe, funkcional'noe i vizual'no-kommunikativnoe celoe. // Nauka i mir. 2015. T. 2. № 1 (17). S. 37–40.

19. Dement'eva A.A. Internet-mem kak fenomen sovremennogo fol'klora. // Sb.: Materialy 54-j Mezhdunarodnoj nauchnoj studencheskoj konferencii MNSK – 2016. 2016. S. 95–96.

20. Dokinz R. Egoistichnyj mem. M. 1993. 201 s. Dokinz R. Egoistichnyj gen. M., 2013. 512 s.

21. Ershova D.E. Art-mem kak fenomen sovremennoj setевой kul'tury. // Universitetskij nauchnyj zhurnal. 2016. № 21. S. 141–147.

22. Zhdanova A. S., Usov V.E. Mem kak trend sovremennoj kul'tury. // Social'nye kommunikacii: nauka, obrazovanie, professiya. 2018. № 18. S. 59–63.

23. Zavgorodnyaya D. Avtor «Slovarya yazyka interneta» Maksim Krongauz: «Lyudi stali men'she rugat'sya matom» // Komsomol'skaya pravda. 20.02.2017. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.kp.ru/daily/26645.7/3664409/>. Data obrashcheniya 30.06.2020.

24. Zumery, storitelling i postironiya. Kakimi budut memy v 2020 godu? [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://1k.com.ua/zumery-storitelling-i-postironiya-kakimi-budut-memy-v-2020-godu.html>. Data obrashcheniya 30.06.2020.

25. Kanashina S.V. Internet-mem kak mediatekst. // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika. 2019. T. 19. № 1. S. 107–112.

26. Kanashina S.V. Internet-mem kak novyj vid polimodal'nogo diskursa v internet-kommunikacii (na materiale

anglijskogo yazyka). Dissertaciya na soiskanie uchyonoj stepeni. MGLU. 2016.

27. Kanashina S.V. Internet-mem kak polimodal'naya edinica internet-kommunikacii. // Kognitivnye issledovaniya yazyka. 2018. № 35. S. 116–121.

28. Kanashina S.V. Mem kak edinica peredachi kul'turnoj informacii yazykovymi i neyazykovymi sredstvami // Vestnik MGLU. 2013. № 20 (680). S. 243–249.

29. Kanashina S.V. Mem kak edinica peredachi kul'turnoj informacii yazykovymi i neyazykovymi sredstvami. Vestnik MGLU. 2013. № 20 (680). S. 243–249.

30. Karl: kak populyarnyj mem iz seriala «Hodyachie mertvecy» dobralsya do Rossii i vyshel v oflajn [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://tjournal.ru/internet/54838-coral>. Data obrashcheniya 30.06.2020.

31. Kvyat A.G. Mem kak edinica mediaprostranstva // Sb. Sredstva SMI v mnogopolyarnom mire: problemy i perspektivy. 2012. S. 86–89.

32. Kenispaev ZH. K. Grazhdanskoe obshchestvo kak mem sovremennoj kul'tury // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Sociologiya. 2013. № 1. S. 114–116.

33. Kolesova E. Kotiki i revolyuciya. CHto takoe memetika i pochemu memy – eto ne tol'ko smeshnye kartinki iz interneta // N+1. 20.10.2017. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://nplus1.ru/material/2017/10/20/mems-and-culture>. Data obrashcheniya 30.06.2020.

34. Komarova A.M. Problema delimitacii granic ponyatiya «mem» kak kommunikativnogo yavleniya // Sb.: YAzyk. Kul'tura. Kommunikaciya: izuchenie i obuchenie. Oryol, 2017. S. 148–154.

35. Kosyakova YA. S., Umanskaya A.A. Internet-mme kak kul'turnyj fenomen sovremennosti. // Sb. Doneckie chteniya 2017. 2017. S. 193–195.

36. Krapivina D. A. Mem kak precedentnyj fenomen v internet-kommunikacii. // Sb.: Molodyozh' XXI veka: obrazovanie, nauka, innovacii. 2018. S. 22–24.

37. Kuchina A. D., Brudar' R. F., Frolova N. A. Internet-mem kak sredstvo formirovaniya i prodvizheniya imidzha sovremenno go politika. // Sb.: Reklamam i PR v Rossii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. 2020. S. 147–149.

38. Lopatin S. V. Ot chastnogo k publichnomu: politicheskij internet-mem kak sredstvo manipulirovaniya soznaniem molodyozhi. // Publichnoe/chastnoe v sovremennoj civilizacii. 2020. S. 502–507).

39. Marchenko N. G. Internet-mem kak hranilishche kul'turnyh kodov setevogo soobshchestva. // Kazanskaya nauka. 2013. № 1. S. 113–115.

40. Marchenko N. G. Internet-mem kak hranilishche kul'turnyh kodov setevogo soobshchestva. // Kazanskaya nauka. 2013. № 1. Filologicheskie nauki. S. 113–115.

41. Migranova L. V., Kromina E. I. Internet-mem kak osoboe sredstvo kommunikacii // Sb.: Voprosy sovremennoj filologii i problemy metodiki obucheniya yazykam. 2015. S. 239–243.

42. Muksimov R. M., Halmurzaeva G. B. Arhitekturno-prostranstvennyj mem v gorodskoj srede g. Bishkeka // Innovacionnaya nauka, 2016. № 4. S. 88–90.

43. Natash, my vsyo uronili. My uronili voobshche vsyo, chestno: mem s kotami kak simvol poslednih novostej v Rossii [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://tjournal.ru/internet/149237-natash-my-vse-uronili-my-uronili-voobshche-vse-chestno-mem-s-kotami-kak-simvol-poslednih-novostey-v-rossii>. Data obrashcheniya 30.06.2020.

44. NKRYA. Raspredelenie po godam v osnovnom korpuse s 1995 po 2015 // Nacional'nyj korpus russkogo yazyka. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://processing.ruscorpora.ru/graphic.xml?smoothing=3&g=i_year_created&graphic_from_result=1&sort=i_year_created&lang=ru&startyear=1995&

text=lexform&req=%D0%BC%D0%B5%D0%BC&endyear=2015&mode=graphic_main&env=alpha&nodia=1. Data obrashcheniya 25.03.2020.

45. Nosyrev I.N. Mastera illyuzij. Kak idei prevrashchayut nas v rabov. M., 2013. 544 s.

46. Ovchinnikov YU. D., Holodkov M. YU. Internet-mem kak fenomen sovremennoj informacionnoj kul'tury. // Social'noe vospitanie. 2015. № 2 (6). S. 72–75.

47. Oleshkova A.M. Internet-mem kak sposob vosпроизводства kul'tury. // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2017. № 8. S. 164–166.

48. Polyakov E.M. Informacionnoe protivoborstvo v hode «pyatidnevnoj vojny»: mem-analiz po materialam rossijskih SMI/ Vestnik VGU. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya. 2010. № 2. S. 146–151.

49. Popov D.V. Mem kak sredstvo kommunikacii, setevaya cennost' i faktor razvitiya kul'tury. // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2016. № 8–2. S. 54–58.

50. Rashkoff Duglas. Mediavirus. Kak pop-kul'tura tajno vozdejstvuet na vashe soznanie: [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Gurn/Rashk/. Data obrashcheniya 30.06.2020.

51. Smirnova-Matros M. CHto takoe viral'nost'. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa:

52. Smorodina V.A. Internet-mem kak ideya dlya sozdaniya simboliki brenda. // Brending kak kommunikativnaya tekhnologiya XXI. 2018. S. 49–53.

53. Stepanidenko M.S., Beloedoa A.V. Internet-mem kak osobyj zhanr politicheskoy kommunikacii. // Sb. Mediachteniya SKFU: vzglyad molodyh issledovatelej. 2016. S. 159–161.

54. Stepanidenko M.O. Kinomem kak sredstvo prodvizheniya sovremennyh fil'mov. // Sb.: Aktual'nye problemy sovremennoj gumanitarnoj nauki. 2016. S. 149–153.

55. Tiron E. Mem – eto «virus uma» [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.advertology.ru/article72035.htm>. Data obrashcheniya 30.06.2020.

56. Tyul'kina M.V. Angloyazychnyj mem kak osobyj zhanr internet-kommunikacii. // Studencheskaya nauka i XXI vek. 2016. № 13. S. 112–114.

57. Fedorova M.A. CHto est' mem? Mem kak marker epohi, infopovod i razvlekate'nyj kontent. // PR i reklama v izmenyayushchemsya mire: regional'nyj aspekt. 2017. № 16. S. 90–97.

58. CHasovskij N.V. Igrovye intencii mem-grupp (na primere vospriyatiya chelyabinskogo meteorita) // CHelyabinskij gumanitarij. Seriya «Filologiya i iskustvovedenie», 2013. № 1. S. 55–59.

59. CHasovskij N.V. Internetmem kak osobyj zhanr kommunikacii. // Uchyonye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 5 (360). S. 135–141.

60. CHik G. Edinicy kul'tury. / Perevod Mostovoj L.A. // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2000. № 2. S. 111–122.

61. CHihanova M.A. Mem kak element audiovizual'noj kul'tury. // Sb.: Nauchnaya sessiya GUAP. 2017. S. 174–179.

62. SHeremetova V.S. Internet-mem kak lingvisticheskiy fenomen. // Sb. materialov VI Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2015. S. 97–101.

63. SHusharin S.A. Ispol'zovanie memov v prodvizhenii brendov. // Sb.: Vizual'naya kul'tura: dizajn, reklama, informacionnye tekhnologii. 2014. S. 74–75.

64. SHCHurina YU. V. Internet-mem kak precedentnyj fenomen. // Sb. YAzyk v razlichnyh sferah kommunikacii: materialy mezhdunarodnoj konferencii. 2014. S. 102–108.

65. SHCHurina YU. V. Internet-memy kak sredstvo mezhkul'turnoj kommunikacii. // izvestiya VGPU. 2013. № 6 (81). S. 34–38.

66. Exactitudes (oficial'nyj sajt). [Elektronnyj resurs].
Rezhim dostupa: <https://exactitudes.com>. Data obrashcheniya
30.06.2020.

67. Google. trends. Analiz: Natash, my vsyo uronili //
[Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: [https://trends.google.ru/
trends/explore?geo=RU&q=natash%20my%20vse%20uronili](https://trends.google.ru/trends/explore?geo=RU&q=natash%20my%20vse%20uronili)&
Data obrashcheniya 30.06.2020.

Адрес электронной почты автора:

Elena-glazkova1@ya.ru

ВИКТОР ГОЛУБИНОВ

*Россия, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

За границу зоны неразличения

Аннотация. В статье дается краткий обзор научно-исследовательской работы автора, связанной с воссозданием биографий ряда лиц, имеющих историческое значение, но по ряду причин выпавших из культурной памяти. В качестве примера по крупницам воспроизводится краткое жизнеописание одного из героев исследования – палеозоолога Бориса Владимировича Милорадовича (1907–1948).

Ключевые слова: история науки, семейная история, пост-память, палеонтология, Б. В. Милорадович.

Несмотря на признаки научного исследования (используемые архивные материалы, устные и письменные источники, полученные из многих стран), история, о которой идет речь в серии статей, опубликованных автором за последние 12 лет, – очень личная. После смерти моего отца – архитектора Владимира Евгеньевича Голубинова (1912–1968) – остался ящик неразобранных бумаг и фотографий, до которых дошли руки, чтобы начать их приводить в порядок, только в конце 1980-х. Добавились документы и устные свидетельства по линии матери, Ксении Борисовны Голубиновой (1928–2020); и волею судьбы автор, не историк, никогда не предполагавший и не намеревавшийся заниматься исторической наукой,

оказался вовлеченным в историю семьи, став ее хроникером и занявшись тем, что сейчас стало принято называть археологией повседневности (разбор семейных фотографий, писем, дневников и записных книжек, архивный поиск, подготовка и публикация статей и документов). Однако в нашей семье слово «археология» всегда употреблялось в первоизданном научном значении. Бабушка автора была профессиональным археологом, приучившим внука к точности и добросовестности научного поиска, один из ее мужей был палеонтологом, а сам автор – психолог, довольно долго занимавшийся экспериментальными исследованиями в области психологии зрительного восприятия и привыкший к строгой научной верификации данных.

Путь человека, занявшегося прошлым собственной семьи и в российских условиях всегда сталкивающегося с лакунами, «белыми пятнами», умолчаниями или даже искажениями в объекте своего интереса, лежит между историей и постпамятью, понимаемой, как механизм передачи от поколения к поколению эмоционально-окрашенных воспоминаний о пережитых травмах и катастрофах минувшего [Хирш: 21]. Феномен постпамяти привлекает внимание все большего числа исследователей, обращающих внимание на вовлечение в переживание прошлого воображения, психологической защиты и личностной проекции ее субъекта. Сознавая это, автор данной статьи, занимаясь судьбами представителей своей большой, разветвленной и рассеянной по миру, семьи, намеренно сделал выбор между постпамятью и историей в пользу последней и по мере сил старается придерживаться такого предпочтения. Исследование семейной истории строится на документальной обоснованности всех публикуемых сведений, субъективные оценки по возможности избегаются (порой вопреки советам некоторых друзей-читателей, полагающих, что о родных можно говорить

только в беллетризованной или даже мифологизированной форме).

Сочетание личной заинтересованности и навыков научного анализа привели к неожиданному результату: не будет большим преувеличением сказать, что за обнаруженными документами, вскрывшимися обстоятельствами и проявившимися судьбами, проступила История с прописной буквы. Фрагментарные биографические эпизоды, конкретика обыденности позволили лучше понять большую историю, оказались способны дополнить и уточнить ее, дали возможность почувствовать, как события XX века перевернули и предопределили жизнь частного человека.

В серии подробных научно-исследовательских биографических статей, подготовленных на базе как домашнего, так и государственных, частных, отечественных и зарубежных архивов, прослеживаются судьбы членов одной семьи (военного врача Е.П. Голубинова, консула Российской империи в Исфахане С.П. Голубинова, архитектора В.Е. Голубинова, гистолога, профессора, сенатора и министра просвещения Н.К. Кульчицкого, артиста русского балета в эмиграции Димитрия Ростова, археолога О.В. Милорадович, французского геолога и писателя Сержа Голона – В.С. Голубинова), их родственников и друзей, а также нескольких других персонажей, оказавшихся близкими автору, скорее, не по сходству, а по смежности – не «по крови», а по саратовской «почве»: будь то учеба в одном здании, правда, с разницей в 70 лет (автор учился в Саратове в средней школе, где задолго до него в располагавшемся там же в 1900-е годы реальном училище, учился один из героев биографического исследования – художник Сергей Лодыгин), или другие, профессиональные – психологические, интересы (судьба саратовского литератора Семена Полтавского, накануне Первой мировой войны осуществившего литературную мистификацию, опубликовав манифест и сборник саратовских психо-футуристов). Сюда

же относятся восстанавливаемые «с нуля» жизнеописания других лиц, связанных с названными именами: художников Льва Петухова, Владимира Прокофьева и некоторых других, чьи биографии еще не опубликованы или находятся в стадии подготовки.

Автору показалось важным, чтобы личные частные истории его героев не пропали, а их «голоса» (письма, дневники, воспоминания) оказались услышанными. Разрушенную судьбу не исправить, но ее канву, жизнеописание восстановить еще возможно. Каждый, кто знаком со статистической обработкой данных (автор в своё время – с многомерным шкалированием психофизических и психодиагностических измерений), знает, что так называемые «выбросы», или единичные оценки, выбивающиеся из общей выборки, подлежат удалению из массива. Но большая история не может быть понята без этих частных единичных случаев, или биографий. Все персонажи настоящего микро-исторического исследования оказались до того, как стать объектами авторского внимания, очень мало или абсолютно неизученными, лишёнными научной биографии. Иногда это было следствием стечения обстоятельств, иногда – репрессивных государственных механизмов, идеологического отбора, порой результатом собственной жизненной стратегии и личностных выборов, направленных на выживание, защитное избегание известности, эскапизм. Часто это складывалось благодаря, вводящим в заблуждение, фигурам умолчания или умышленным искажениям в дошедших до нас свидетельствах, письмах и мемуарах.

Результатом стало то, что все персонажи, объекты исследования, оказались за пределами границ внимания историков и искусствоведов, выпали из культурной памяти, а их судьбы превратились в «крипту», требующую дешифровки. Одни из них, покинув Россию, осели в Русском зарубежье, другие разделили судьбу страны, оказавшись, кто в ГУЛАГе,

кто во внутренней эмиграции, привыкнув в жизни обитать между строк, «в промежутках», «между рамами», по выражению Виктора Шкловского. Сегодня, спустя десятилетия, они возвращаются через эти «кошачьи ходы», словно пресловутые «кроличьи норы», в историю науки, искусства, страны, народа и желают занять там свое неповторимое и немаловажное место. Ускользнувшие от внимания профессиональных историков и биографов, попавшие в «мертвую», или «серую», зону неразличения, они до сих пор ждали нашего внимания и своего обнаружения на фоне помех, наложенных временем.

Тем важнее сегодня именно беспристрастное научное изучение как объектов исторического и психологического анализа тех примеров переписки, мемуаров и других документов, которым удалось уцелеть в домашних и профессиональных архивах. Причем наименее известные материалы, истории и судьбы, наиболее частные случаи, деятели вторых и более дальних «эшелонов» сейчас кажутся наиболее интересными для изучения. Не удержусь от цитаты: «только на малых высотах, в “слепых пятнах” и “зонах радиомолчания” и бурлит настоящая жизнь. Назовем эти районы “территорией нулевой степени” – это, так сказать, своего рода антимир, изобилующий событиями, но приберегаемый про запас» [Маккарти: 7]. Иногда требуется минимум усилия, чтобы сдвинуть границу зоны неразличения, настроить оптику, и когда это удастся, путешествие за край слепого пятна оказывается небезуспешным.

По мере накопления публикаций в различных печатных журналах, альманахах и сборниках материалов научных конференциях стало ясно, что они образуют общий цикл статей; все эти статьи были в конце концов сведены вместе, обнародованы в сети – на авторской странице международного научного сайта *academia.edu* – и номинированы на

литературную премию им. Александра Пятигорского (длинный список 2017/2018 года).

В данной статье, в продолжение начатого, предпринимается попытка дополнить цикл новым эпизодом и воссоздать биографию еще одного близкого автору героя – палеозоолога и фотографа Бориса Владимировича Милорадовича (1907–1948).

Борис Владимирович – неродной дед автора, второй муж бабушки по материнской линии – отчим матери, которого та искренне любила, часто вспоминала и звала всегда только Дядей Борей. В семье сохранились авторские фотографии Бориса Владимировича, пара его фотокамер, несколько научных книг, оттиски статей и немного собранных им минералов и окаменелостей.

Борис Владимирович полагал, что его семья, как и другие, более известные Милорадовичи, происходят от единого сербского рода из Герцоговины, но подтверждением этого не располагаю. Сам Борис Милорадович родился в городе Козлове (в настоящее время – Мичуринск) Тамбовской губернии в марте 1907 года. Мать – вначале учительница, потом домохозяйка. Отец, Владимир Сергеевич, – на момент рождения сына студент, затем инженер-путеец, после переезда семьи в Москву служил в Московском земстве, увлекался и подрабатывал изготовлением и росписью шкатулок из папье-маше в стиле традиционной русской лаковой миниатюрной живописи. Дед, художник Сергей Дмитриевич Милорадович (1851–1943), исторический и жанровый живописец, педагог, член Товарищества передвижных художественных выставок. Судьба С. Д. Милорадовича – показательный пример сочетания таланта, настойчивого труда и работы «социального лифта» в Императорской России: сын сельского дьякона, он прошел путь от семинариста, классного надзирателя, на протяжении 25 лет псаломщика церкви Воскресения в селе Гончары Московского уезда Московской губернии, учащегося

воскресных классов Центрального Строгановского училища технического рисования – до студента и затем педагога Московского училища живописи, ваяния и зодчества (впоследствии Высших художественных мастерских – ВХУТЕМАСа) и академика живописи.

В 1925 году Борис окончил в Москве среднюю школу № 65, еще школьником стал одним из организаторов детского кружка биологов Московского зоосада, гидробиологически исследовал реку Язу, делал в Зоопарке научные доклады, увлекся фотографией, вел антирелигиозную работу в балтийских общинах Москвы. С 1923 года Милорадович занимался палеонтологией под руководством академиков Алексея Петровича Павлова и Марии Васильевны Павловой в Московском университете, называвшемся тогда 1-м Московским государственным университетом, в 1925 году поступил туда учиться по ходатайству отдела агитпропа ЦК ВКП(б) – на геологическое отделение физико-математического факультета. Специализировался в Геологическом институте МГУ, получил хорошую общую подготовку по биологическим вопросам, к которым проявил большую склонность, был организатором биологических кружков при школах, в 1924–1925 годах участвовал в работе археологических экспедиций под руководством профессора В.А. Городцева, подрабатывал коллектором, затем геологом в Народном комиссариате земледелия СССР (Наркомземе СССР, 1926), в Геологическом комитете (Геолкоме, в Москве и Ленинграде, 1928–1929), в облисполкоме области Коми в Сыктывкаре. Участвовал в экспедициях в Поволжье, под Брянском, на Тимане и Полярном Урале. В 1930-м году закончил университет по специальности «палеонтология» и по путевке университета был распределен на работу геологом-палеонтологом в Ленинград в Нефтяной геологоразведочный институт (НГРИ). Легко представить этого юношу рубежа 1920–30-х годов стоящим с новым, только что поступившим в продажу, фотоаппаратом

«Фотокор № 1» на груди перед строящимся зданием Наркомзема – образцом конструктивизма – в десяти минутах ходу напрямик по Мясницкой улице от здания ВХУТЕИНа (еще недавно ВХУТЕМАСа), где Борис жил в квартире (дом 21, кв. 30) своего деда–художника, и прощающимся с Москвой, будучи увлеченным доисторическим прошлым, но устремленным в будущее и открытым новым северным ветрам.

В Ленинграде Борис Милорадович жил на 15-й линии Васильевского острова, д.48, кв. 10, работал начальником геологической партии, в 1931 году был избран действительным членом Российского (с 1933 г. – Всесоюзного) минералогического и Русского (с 1933 г. – Государственного Всероссийского) палеонтологического обществ, с января 1935 года – его секретарь. В 1933 году Борис Владимирович перешел по собственному желанию во Всесоюзный Арктический институт и стал участником, затем начальником геологических партий и научным сотрудником Арктического института на архипелаге Новая Земля. С 20 февраля 1933 года он – участник Новоземельской экспедиции, с 3 апреля того же года – начальник её Восточной партии на северной оконечности Новой Земли (участок работ от мыса Желания до мыса Спорый Наволок, северо-восточное побережье Северного острова Новой Земли), с 1 января 1934 года – научный сотрудник Новоземельской экспедиции по обработке коллекций.

Экспедиция на Новую Землю 1933 года под руководством Милорадовича обнаружила в Ледяной гавани на северо-восточном побережье Северного острова следы стоянки голландского мореплавателя и исследователя Виллема Баренца. Вещи, принадлежащие экспедиции В. Баренца и найденные Милорадовичем вместе с сотрудницей экспедиции Еленой Константиновной Сычуговой (остатки сруба, а также несколько предметов, из которых наибольший интерес представлял глиняный кувшин), пролежали на Новой Земле

337 лет: «кованые гвозди, деревянная и металлическая подошвы, кованый ключ, петля от двери, слой разлившегося по земле пека, донышко глиняного сосуда с остатками вязкой, тягучей массы, крупные восьмигранные куски пробки и черепки старинного глиняного кувшина художественной работы (работникам Эрмитажа удалось его отреставрировать) с гербом и монограммой PS. Ближе к берегу были обнаружены остатки небольшой лодки – два полусгнивших шпангоута, обломок грубо сделанного весла и гарпун неупотреблявшейся к тому времени формы» [Находка: 20]. Милорадович произвел обмеры остатков строения, когда-то возведенного голландскими моряками, названного ими Behouden Huys (Дом спасения), от которого уцелело только четыре бревна (по периметру) нижнего венца постройки, и опубликовал описание района зимовки Баренца и найденных предметов [Милорадович: 8].

Возвращаясь в 1934 году с Новой Земли через Архангельск, Милорадович встретил там научного сотрудника местного краеведческого музея – Северного краевого музея – Ольгу Викторовну Карпову (1907–1996), недавно расторгнувшую брак с Борисом Ивановичем Рудухиным (бабушка и дед автора статьи). Милорадович и Карпова, у которой было двое детей от первого брака – Ксения (1928–2020) и Виктор (1930–2008), составили новую семью; в сентябре 1934 года Ольга Викторовна переехала с детьми в Ленинград, взяла фамилию нового мужа, работала копировщицей в чертежном отделе Беломорско-Балтийского канала, а затем младшим научным сотрудником в отделе археологии Государственного Эрмитажа [Голубинов: 2].

С 1 марта 1936 года Борис Милорадович – научный сотрудник Геологического отдела (камеральная обработка) Арктического института. В том же году Милорадович – начальник геологической экспедиции на Новую Землю (губа Черная), где он занимался картографией, исследовал фауну

нижнепермской эпохи, готовил маршруты экскурсии для участников Геологического конгресса 1937 года.

С 5 января 1937 года Милорадович получил ученое звание старшего научного сотрудника по специальности «палеонтология» на основании утверждения Высшей аттестационной комиссии Всесоюзного Комитета по делам Высшей школы при СНК СССР (приказ 107 от 14.05.1937), 17 марта 1937 года был утвержден в ученой степени кандидата геолого-минералогических наук без защиты диссертации (приказ № 12/17 Комитета по делам Высшей школы, приказ по ВАИ № 180 за 1937 год) – по совокупности научных трудов и заслуг. Коллеги высоко оценили научную работу Милорадовича. Референт ВАК профессор А. А. Чернов назвал его «крупным палеонтологом», опубликовавшим много новых данных по геологии, палеонтологии и стратиграфии (определении относительного геологического возраста) верхнепалеозойских отложений исследованных им районов: Южного Тимана (часть Тиманского кряжа – возвышенности, расположенной на северо-востоке Восточно-Европейской равнины), бассейна реки Березовой на западном склоне Урала, северо-восточного побережья и островов Северный и Междушарский архипелага Новая Земля. Научный руководитель Милорадовича профессор Б. К. Лихарев отметил у своего ученика «способность тонко наблюдать и логично мыслить над разнообразными объектами, начиная от внутреннего строения брахиоподы до тектоники Арктики» [Милорадович: 6].

В июле – августе 1937 года Борис Милорадович участвовал, как один из организаторов, в работе XVII Международного геологического конгресса в Москве, но уже 25 февраля 1938-го молодой и перспективный, только что получивший ученую степень и новый научный статус, блестяще показавший себя в науке, полевой работе и организационных мероприятиях, военнообязанный, но правда, беспартийный, специалист был уволен из Арктического института «в

связи с сокращением объема работ». Сведений о каких-либо подлинных мотивах увольнения (сокращение штатов, предупреждение и подозрения в отношении представителей научной интеллигенции в связи с общей гнетущей общественно-политической обстановкой и репрессиями того времени или что-то иное) выявить не удалось.

В 1938-м году Милорадович вместе с женой – участники экспедиций по нефтеразведке на Урале, затем семья Милорадовичей переехала в Москву. С 1938 по 1941 годы Борис Владимирович был доцентом в палеонтологической лаборатории Московского университета (под руководством А.П. Гартман-Вейнберг), которая, как написано в автобиографии Милорадовича, в 1941 году переехала в Ленинград, а Милорадович с женой остался в Москве, перешел работать руководителем палеонтологической группы в Московский геолого-разведочный трест – с 1947 года филиал Всероссийского научно-исследовательского геологоразведочного института (ВНИГРИ), ныне Всероссийский научно-исследовательский геологический нефтяной институт (ВНИГНИ). В 1938 году был избран действительным членом Московского общества испытателей природы. В разные годы преподавал в различных институтах Ленинграда: на курсах повышения квалификации при Центральном научно-исследовательском геологоразведочном институте ЦНИГРИ (1930–1931), в Рабочем университете (1931–1932), в Горном институте (1931–1933); а также в Иркутском университете (1938–1939, и.о. профессора) и Московском геологоразведочном институте им. Серго Орджоникидзе.

Милорадович владел английским и немецким языками, публиковал научные статьи и монографии в трудах Нефтяного геологоразведочного института и других изданиях [Милорадович: 8–19]. Объектом его первоочередного научного интереса была верхнепалеозойская фауна, более всего – брахиоподы, или плеченогие, небольшие морские

беспозвоночные животные, известные с нижнего кембрия (т.е. начиная с 570 миллионов лет тому назад). Милорадович, по свидетельствам коллег-современников, умел быстро ориентироваться в геологическом разрезе, хорошо разбирался в тектонике. Палеонтологические диагнозы его были обстоятельными, тщательными, подробными, ученый не ограничивался описанием своего специального материала, но и подходил к нему в качестве биолога, применял новые самостоятельно разрабатываемые методы исследования.

В первые дни Великой отечественной войны Милорадович пошел добровольцем в московское ополчение (с 7 июля 1941 года), затем как специалист нефтеразведки получил «бронь», на фронт не призывался, а был направлен на Урал на поиски новых месторождений нефти. В 1942-м вернулся в Москву для обработки материалов экспедиции. Осенью 1943 года после смерти деда, художника и преподавателя живописи, Борис Милорадович переехал с семьей на улицу Маросейка, дом 15, кв. 4.

Борис Милорадович был прекрасным фотографом, самостоятельно сделал себе большую зеркальную фотокамеру, фотографировал природу, а также изучаемые палеонтологические образцы. Сохранился альбом его фотографий обитателей Московского зоопарка и другие снимки птиц и насекомых. В нашей семье считалось, что Милорадович оформил своими фотоработами одну из книг детского писателя-анималиста Веры Чаплиной о ее воспитанниках-животных, но проверить это не удастся. Родственник и библиограф Веры Чаплиной – Максим Тавьев, занимающийся ее архивом, никогда не встречал такого издания или упоминания о нем. Косвенным подтверждением может служить пока только сохранившийся в домашнем архиве сделанный Милорадовичем фотопортрет сотрудницы и подруги Веры Чаплиной – Олимпиады (Липы) Паневиной с лисенком на руках. Существует другая книга с несколькими фотографиями

Милорадовича – том «Членистологии» (1939) в советской пятитомной адаптации «Жизни животных» Альфреда Брэма 1937–1948-х годов (под общей редакцией академика А. Н. Северцова). Увлечение фотографированием насекомых чуть не стоило Милорадовичу свободы, если не жизни. Делая снимок какой-то бабочки или стрекозы на железнодорожных рельсах, фотограф привлек внимание бдительных очевидцев и был задержан милицией. Немалого труда стоило ему объясниться и избежать ареста и обвинения в шпионаже, о чем он всегда потом, правда, вспоминал со смехом.

Борис Милорадович был очень жизнерадостный человек, «большой эрудиции, страстно влюбленный в палеонтологию» [Громов: 3]. Он прекрасно знал и любил Москву, русскую природу, литературу, оперу, пословицы и поговорки; любимыми произведениями его были «Москва и москвичи» В. А. Гиляровского, «Конек Горбунок» П. П. Ершова, которого знал наизусть, и опера «Рассвет на Москве-реке» М. П. Мусоргского. Милорадович прекрасно ладил с детьми: как с родной дочерью Натальей от первого брака (жена – Татьяна Дмитриевна), так и с детьми своей второй жены – Ольги Викторовны. Читал детям стихи, рассказывал о Севере, не удивительно, что одной из любимых книг его падчерицы, матери автора статьи, стал роман «Два капитана» (1938–1944) Вениамина Каверина – центральное произведение советского Арктического мифа.

На почве переутомления Милорадович вначале заболел неврастением, а в конце – онкологическим заболеванием. Во время болезни, от которой ему не было суждено оправиться, он диктовал текст своей незаконченной докторской диссертации своему молодому другу и ученику Алексею Стеклову, который впоследствии посвятил учителю свою докторскую монографию. Борис Владимирович Милорадович скончался вскоре после операции на пищеводе 4 июля 1948-го в Москве в возрасте 41 года. Похоронен на Даниловском кладбище.

По словам Ольги Милорадович – вдовы ученого, по окончании войны ожидалось, что Борис Владимирович будет представлен к правительственной награде за его работу по нефтеразведке и организации работы московского филиала Всероссийского научно-исследовательского геологоразведочного института (ВНИГРИ), а после смерти Милорадовича его ученики и коллеги ходатайствовали перед министерством о присвоении созданному в 1947 году в Москве Всероссийскому научно-исследовательскому геологическому нефтяному институту (ВНИГНИ) имени Б.В. Милорадовича. Ни того, ни другого не произошло. Возможно, это были беспочвенные ожидания, обоснованность которых проверить уже не представляется возможным. Возможно, как считала вдова, сказала излишне громкая, а в свете культа декабристов в СССР даже одиозная фамилия – Милорадович.

Заканчиваю текст и пишу эти строки, глядя на кристалл горного хрусталя в пол-ладони величиной из скромного собрания минералов и окаменелостей, принадлежащих когда-то Борису Милорадовичу. Сейчас в информатике именно кристаллам выпала роль служить хранилищами огромных массивов данных. Вдруг и этот горный хрусталь содержит сведения о своем бывшем владельце? И как тогда извлечь скрытое и неведомое? Что сделать, чтобы преодолеть границу между немым материальным сувениром и говорящей памятью о времени и человеке? Может, написать статью?

Благодарю за отклики и помощь в поиске информации: архив управленческой документации ФГБУ Научно-исследовательский институт Арктики и Антарктики (Санкт-Петербург), архив отдела кадров Всероссийского научно-исследовательского геологического нефтяного института (Москва), Государственный архив Российской Федерации и ФКУ «Центр хранения страхового фонда» (Ялutorовск).

Литература

1. Бугаева Л. Арктический миф в советской культуре 1930-х годов и его возрождение // Звезда. 2018, № 8. С. 220–243.

2. Голубинов В.В. Мой семейный археолог. О.В. Милорадович (1907–1996) // Музей и революция 1917 года в России: судьба людей, коллекций, зданий (из цикла «Музей и война»): сборник докладов всероссийской конференции, 15–17 ноября 2017 г. / Государственный Эрмитаж, Екатеринбургский музей изобразительных искусств. Екатеринбург. 2017. С. 48–52.

3. Громов В.И., Мерлин Р.Л. Алексей Анатольевич Стеклов (1924–1967) // Палеонтологический журнал. 1968. № 3. С. 159.

4. Милорадович Б.В. Личная карточка в документах уволенных сотрудников АНИИ в 1937–1950 годах // Архив управленческой документации Федерального государственного бюджетного учреждения научно-исследовательский институт Арктики и Антарктики (ФГБУ «ААНИИ»)

5. Милорадович Б.В. Листок по учету кадров // Министерство нефтяной промышленности. Московский филиал Всероссийского нефтяного научно-исследовательского геологоразведочного института (ВНИГРИ) – в наст. вр. Всероссийский научно-исследовательский геологический нефтяной институт (ВНИГНИ), Москва. Отдел кадров. Личные дела рабочих и служащих, в т.ч. номенклатурных работников. Дело К 08/41. Буква «М». 1-е дело. С. 788–792.

6. Милорадович Б.В. Личное дело // ГАРФ (Центр хранения страхового фонда). Ф. 9506. Оп. 23. Ед. хр. 2317. 20 л.

7. Маккарти Т. Тинтин и тайна литературы. Пер. с англ. С. Силаковой. М., 2013. С. 34.

8. Милорадович Б.В. Посещение зимовки В. Баренца в Ледяной гавани на Новой Земле // Arctica. Кн. II, 1934. С. 187–188.

9. Милорадович Б.В. Материалы к изучению верхнепалеозойских брахиопод северного острова Новой Земли. Серия Труды Арктического Института. Том XIX. Л.: Изд-во Глав. упр. Сев. морского пути, 1935. 167 с.

10. Милорадович Б.В. О тиллитоподобных отложениях верхнего силура Новой Земли // Проблемы советской геологии. 1935. № 11. С. 1030–1036.

11. Милорадович Б.В. Очерк геологического строения бассейна р. Березовой (западный склон Сев. Урала, Ныробский район) / Труды Нефтяного геолого-разведочного института. Л., М., 1936, выпуск № 66 (серия Б). 24 с.

12. Милорадович Б.В. Геологический очерк северо-восточного побережья северного острова Новой Земли // Материалы по геологии и петрографии Новой земли. Труды Арктического института (Геология). Т. 38. Л.: Изд-во Глав. упр. Сев. морского пути, 1936. 152 с.

13. Милорадович Б.В. Нижнепермская фауна острова Междушарского (южный остров Новой Земли). Л.: Изд-во Глав. упр. Сев. морского пути, 1936. Т. 37. С. 3782.

14. Милорадович Б.В. Геологическое строение Джеджимской пармы (Южный Тиман). Труды Нефтяного геолого-разведочного института. Выпуск № 53 (серия А). Л., М.: Государственное научно-техническое издательство нефтяной и горно-топливной литературы, 1938. 35 с.

15. Милорадович Б.В. Изучение микростроения палеонтологических объектов методом целлулоидных отпечатков // Известия Академии наук СССР. Серия геологическая. 1940. Вып. 4. С. 171–175.

16. Милорадович Б.В. Некоторые данные по морфологии раковин продуктид // Известия Академии наук СССР. Отделение биологических наук. 1945. № 4. 486–500.

17. Милорадович Б.В. О двух новых родах брахиопод из верхнего палеозоя Арктики // Бюллетень Московского

Общества испытателей природы. Отделение геологии. Т. 22 (3). 1947. С. 91–99.

18. Милорадович Б.В. Количественное распределение брахиопод на границе Карбона и Перми // Доклады Академии Наук СССР. 1949. Том 27, № 9. С. 1007–1010.

19. Милорадович Б.В., Ильина Н.С. Литолого-палеонтологическая характеристика каменноугольных и нижнепермских отложений Приуралья / М-во нефт. пром-сти СССР. Моск. филиал ВНИГРИ. М., Л.: Гостоптехиздат, 1951. 106 с.

20. Находка реликвий экспедиции Баренца на Новой Земле // Бюллетень Арктического института СССР. № 12. Л., 1933. С. 423–424.

21. Хирш М. Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста. М.: Новое издательство. 2020.

VIKTOR GOLUBINOV

Beyond the boundary of the zone of nondiscrimination

Abstract. The article provides a brief overview of the author's research work related to the recreation of the biographies of a number of persons of historical importance, but for a number of reasons fell out of cultural memory. As an example, a short biography of one of the heroes of the study – paleozoologist Boris Vladimirovich Miloradovich (1907–1948) – is reproduced bit by bit.

Key words: history of science, family history, postmemory, paleontology, B. V. Miloradovich.

Literatura

1. Bugaeva L. Arkticheskij mif v sovetskoj kul'ture 1930-h godov i ego vozrozhdenie // Zvezda. 2018, № 8. S. 220–243.
2. Golubinov V.V. Moj semejnyj arheolog. O.V. Miloradovich (1907–1996) // Muzej i revolyuciya 1917 goda v Rossii: sud'ba lyudej, kollekcij, zdaniy (iz cikla «Muzej i vojna»): sbornik dokladov vserossijskoj konferencii, 15–17 noyabrya 2017 g. / Gosudarstvennyj Ermitazh, Ekaterinburgskij muzej izobrazitel'nyh iskusstv. Ekaterinburg. 2017. S. 48–52.
3. Gromov V.I., Merlin R.L. Aleksej Anatol'evich Steklov (1924–1967) // Paleontologicheskij zhurnal. 1968. № 3. S. 159.
4. Miloradovich B.V. Lichnaya kartochka v dokumentah uvolennyh sotrudnikah ANII v 1937–1950 godah // Arhiv upravlencheskoj dokumentacii Federal'nogo gosudarstvennogo byudzhetnogo uchrezhdeniya nauchno-issledovatel'skij institut Arktiki i Antarktiki (FGBU «AANII»)
5. Miloradovich B.V. Listok po uchetu kadrov // Ministerstvo Neftyanoj promyshlennosti. Moskovskij filial Vserossijskogo neftyanogo nauchno-issledovatel'skogo geologorazvedochnogo instituta (VNIGRI) – v nast. vr. Vserossijskij nauchno-issledovatel'skij geologicheskij neftyanoj institut (VNIGNI), Moskva. Otdel kadrov. Lichnye dela rabochih i sluzhashchih, v t. ch. nomenkulaturnyh rabotnikov. Delo K 08/41. Bukva «M». 1-e delo. S. 788–792.
6. Miloradovich B.V. Lichnoe delo // GARF (Centr hraneniya strahovogo fonda). F. 9506. Op. 23. Ed. hr. 2317. 20 l.
7. Makkarti T. Tintin i tajna literatury. Per. s angl. S. Silakovoj. M., 2013. S. 34.
8. Miloradovich B.V. Poseshchenie zimovki V. Barenca v Ledyanoj gavani na Novoj Zemle // Arctica. Kn. II, 1934. S. 187–188.
9. Miloradovich B.V. Materialy k izucheniyu verhnepaleozojskih brahiopod severnogo ostrova Novoj Zemli. Seriya

Trudy Arkticheskogo Instituta. Tom XIX. L.: Glavseviiorputi, 1935. 167 s.

10. Miloradovich B.V. O tillitopodobnyh otlozheniyah verhnego silura Novoj Zemli // Problemy sovetskoj geologii. 1935. № 11. S. 1030–1036.

11. Miloradovich B.V. Oчерк геологического строения бассейна р. Березовой (западный склон Сев. Урала, Нырбский район) / Trudy Neftyanogo geologo-razvedochnogo instituta. L., M., 1936, выпуск № 66 (seriya B). 24 s.

12. Miloradovich B.V. Геологический очерк северовосточного побережья северного острова Новой Земли // Materialy po geologii i petrografii Novoj zemli. Trudy Arkticheskogo instituta (Geologiya). T. 38. L.: Izd-vo Glav. upr. Sev. morskogo puti, 1936. 152 s.

13. Miloradovich B.V. Nizhnepерmskaya fauna острова Междушарского (yuzhnyj ostrov Novoj Zemli). L.: Izd-vo Glavn. upr. sev. mor. puti, 1936. T. 37. S. 3782.

14. Miloradovich B.V. Геологическое строение Дзедзхимской горы (YUzhnyj Timan). Trudy Neftyanogo geologo-razvedochnogo instituta. Vypusk № 53 (seriya A). L., M.: Gosudarstvennoe nauchno-tehnicheskoe izdatel'stvo neftyanoj i gorno-toplivnoj literatury, 1938. 35 s.

15. Miloradovich B.V. Изучение микростроения палеонтологических объектов методом целлюлоидных отпечатков // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya geologicheskaya. 1940. Vyp. 4. S. 171–175.

16. Miloradovich B.V. Nekotorye dannye po morfologii раковин продуктид // Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otdelenie biologicheskikh nauk. 1945. № 4. 486–500.

17. Miloradovich B.V. O dvuh novyh rodah brahiopod iz verhnego paleozoya Arktiki // Byulleten' Moskovskogo Obshchestva ispytatelej prirody. Otdelenie geologii. T. 22 (3). 1947. С. 91–99.

18. Miloradovich B.V. Kolichestvennoe raspredelenie brahiopod na granice Karbona i Permi // Doklady Akademii Nauk SSSR. 1949. Tom 27, № 9. S. 1007–1010.

19. Miloradovich B.V., Il'ina N.S. Litologo-paleontologicheskaya harakteristika kamennougol'nyh i nizhnepermskih otlozhenij Priural'ya / M-vo neft. prom-sti SSSR. Mosk. filial VNIGRI. M., L.: Gostoptekhizdat, 1951. 106 s.

20. Nahodka relikvij ekspedicii Barenca na Novoj Zemle // Byulleten' Arkticheskogo instituta SSSR. № 12. L., 1933. S. 423–424.

21. Hirsh M. Pokolenie postpamyati. Pis'mo i vizual'naya kul'tura posle Holokosta. M.: Novoe izdatel'stvo. 2020.

Электронный адрес автора:
viktorgolubinov@gmail.com

МАРИЯ ЗАХАРОВА

*Россия, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

Эпатажные рекламные кампании: как определить границы дозволенного?

Аннотация. Всё чаще в конкурентной борьбе не только малые и средние компании, но и лидеры рынка стали использовать приёмы эпатажного маркетинга для продвижения своих брендов. Эпатажные рекламные кампании, как правило, привлекают внимание большого числа потенциальных потребителей. Малый и средний бизнес прибегает к этому приёму из-за отсутствия больших бюджетов, однако перенасыщение рынка рекламой однотипных товаров заставляет крупные компании пробовать новые инструменты продвижения. В попытке выделиться среди множества различных рекламных кампаний, маркетологи, не чувствуя, где проходит граница дозволенного, совершают ошибки, неумело используя приёмы эпатажного маркетинга. Поскольку не существует чётких правил создания эпатажной рекламы, которая бы шокировала аудиторию, но не нарушала морально-этические границы, а также не существует «конкретной линейки», по которой можно было бы измерить эти границы, очень важно понимать, почему одни рекламные кампании были неудачными, а другие привели к успеху. В статье приводится большое количество различных примеров неудачных

шокирующих рекламных кампаний, а также описаны эпатажные кампании, которые можно считать успешными.

Ключевые слова: эпатажный маркетинг, малобюджетный маркетинг, эпатажная реклама, шокирующая реклама, провокационные рекламные слоганы, морально-этические границы.

Ещё в 20 веке маркетологи начали искать нестандартные механики в маркетинге, позволяющие за счёт креативного подхода обратить на себя внимание как можно большего количества покупателей, но при этом позволяющие не тратить огромное количество денежных средств. Очень активно стало использоваться креативное продвижение, которое выделялось из общей однообразной и стандартной рекламы, тем самым заставляя обращать на себя внимание. Рекламные кампании заходили всё более и более далеко, шокируя потребителей. Так появилось понятие «эпатажный маркетинг», основой которого является эпатажная, скандальная, провокационная, шокирующая рекламная кампания, привлекающая внимание покупателей.

Сегодня многие специалисты в этой области считают, что эпатажный маркетинг является одним из направлений малобюджетного маркетинга. Это связано с тем, что изначально к таким нестандартным рекламным решениям прибегали компании с ограниченным бюджетом, для них это был практически единственный шанс привлечь внимание большого числа потребителей. Со временем рынок настолько стал перенасыщен аналогичными товарными предложениями, что даже крупные компании, обладающие большими бюджетами, стали обращаться к инструментам эпатажного маркетинга, чтобы хоть как-то выделиться среди конкурентов. Иногда вместо термина «эпатажный маркетинг» употребляется такие его синонимы как «провокационный» или «провоцирующий» маркетинг.

Поскольку эпатажный маркетинг, это всегда «игра на грани», то есть с его помощью можно как привлечь внимание к товару большого числа потребителей, так и вызвать негативную реакцию у них. С помощью провокации можно проникнуть в сознание потребителей и закрепиться в нём. Однако чёткой инструкции когда целесообразно использовать данный инструмент, а когда нет не существует, поэтому использовать его надо предельно аккуратно.

Успех провокационной рекламы базируется на двух составляющих:

- внезапность;
- новизна.

Проанализировав различную провокационную рекламу можно сделать вывод, что она чаще строится вокруг слога, чем вокруг изображения. Слоган быстрее запоминается и проще передаётся другим. На основе проведённого анализа различной провокационной рекламы, использовавшейся в России на телевидение, в Интернете, в наружной рекламе в SMS и email-рассылках, можно выделить несколько основных видов провокационных слоганов:

- аморальный;
- оскорбительный;
- возмутительный;
- с сексуальным подтекстом;
- кроважидный.

Часто можно встретить мнение, что основной риск провокационной рекламы связан с тем, что её могут запретить. Любой человек или организация, которая сочтёт рекламу оскорбительной может пожаловаться на неё, написав лично заявление в ФАС или отправив его по электронной почте. В жалобе описывается суть претензии и прикладываются фото или видео материалы. В зависимости от сложности проверки разбирательство может длиться от месяца до года. Когда ответ не совсем очевиден, прибегают к лингвистической

экспертизе и даже проводят соцопросы, если и после этого решение остаётся спорным, то собирают экспертный совет, который может принимать решение два-три месяца, так как одновременно может рассматривать несколько заявлений. [www. adindex. ru]

Однако риск быть оштрафованным не самый страшный, намного хуже вызвать негативную реакцию аудитории, которая в последствии откажется от сотрудничества с компанией. С другой стороны некоторые компании, работающие с молодой аудиторией, которая ждёт чего-то «хайпового» специально прибегают к провокационным кампаниям, стоимость штрафов в таких случаях может быть сразу заложена в общий бюджет кампании.

Попробуем разобраться как развивалось данное направление рекламы в России. Первопроходцем использования эпатажных слоганов, являвшихся основой рекламных кампаний, была компания «Евросеть», которую основал Евгений Чичваркин в 1997 году. Компания стремительно развивалась и уже через несколько лет образовалось 5000 торговых точек по всей территории России. Такому бурному развитию способствовали эпатажные рекламные кампании с использованием намёка на ненормативную лексику. Эти кампании строились на ярких и запоминающихся слоганах, как правило, провокационных, а картинка их сопровождающая была достаточно спокойной. Реклама компании «Евросеть» в то время выглядела очень вызывающе.

Одними из самых запоминающихся и провокационных слоганов стали слоганы: «Евросеть – цены просто о...!» или «Евросеть, Евросеть – цены просто ... Новый год». Также запомнился слоган: «Ни... себе все людям». [www. retailer. ru]

Компании удалось использовать такие провокационные слоганы некоторое время, прежде чем ФАС обратил на это своё внимание. Разбирательства длились несколько месяцев, что опять же способствовало раскрутке и продвижению

бренда. Первые штрафы компания выплатила в 2004 году, но тогда они составляли пару сотен тысяч рублей, что для компании такого размера было незначительной суммой.

Свою эпатажную политику компания применяла не только во внешних коммуникациях, обращённых к потребителю, но и во внутренних коммуникациях. Евгений Чичваркин считал, что подобный «креатив» должен способствовать укреплению корпоративного духа сотрудников. К тому же ограничения в рекламе для потребителей не распространялись на корпоративные сувениры.

Компания «Евросеть» эпатировала аудиторию не только рекламой и сувенирной продукцией, но и акциями. Стоит вспомнить нашумевшую акцию «Разденься за телефон», по условиям которой потребителю необходимо было полностью раздеться во флагманском магазине на Тверской улице, за это первые 20 покупателей получали телефон Motorola C350. Бюджет данной акции был минимальный: затраты на рекламный баннер над магазином и 20 телефонов, по данным основателя компании они потратили 1320 долларов. Однако эффект от этой акции был ошеломительным, толпы народа приехали посмотреть на людей, которые выполняли условия акции. Столь успешную акцию компания повторила на следующий год уже в нескольких городах. Обсуждение этой акции длилось несколько лет и даже сейчас иногда её вспоминают, также про неё написали более чем в 60 странах мира.

В июне 2018 года компания «Евросеть» прекратила своё существование, однако её эпатажные рекламные кампании обсуждаются до сих пор.

Компания «Евросеть» на протяжении всего своего существования продвигала свой бренд за счёт эпатажных рекламных кампаний, в основе которых были слоганы с намёком на ненормативную лексику. Эта рекламная стратегия приносила компании результаты, компания несколько лет активно развивалась и даже была одним из лидеров рынка,

поэтому с точки зрения продвижения мы можем считать её вполне успешной. Однако культурный уровень российской аудитории менялся и столь эпатажные слоганы уже не были так востребованы, но компания «Евросеть» не стала менять рекламное направление и продолжала эксплуатировать их.

Ещё один кейс, который хочется рассмотреть, это продвижение стейк-хаусов GOODMAN, которые открылись в Москве в начале 2000х. Сегодня это стабильно развивающаяся и одна из крупнейших концепций стейк-хауса в России. При запуске концепции на ранке рекламного бюджета компании хватало только на несколько перетяжек и размещения небольшого ролика на плазменных экранах. Руководством компании было принято решение, что привлечь дополнительное внимание к рекламе можно только за счёт креативной составляющей. В связи с этим рекламная стратегия базировалась на двух составляющих: профессионализм поваров и креативный подход, то есть надо было показать потребителю, что в ресторанах работают профессионалы в области приготовления блюд и мяса, используя яркую и креативную рекламу. Были разработаны провокационные слоганы «Умеем делать миньон!» и «Займитесь стейком с профессионалом», которые вызвали довольно бурную реакцию со стороны потребителей. Многим эти слоганы показались эпатажными, они требовали запретить эту рекламу. Рекламу оценили в профессиональной среде, она стала лауреатом премии «Золотой слоган» [www.sostav.ru].

Через несколько лет GOODMAN провёл рекламную кампанию «Ешь стейки. Будь человеком», в рамках которой люди в одежде из натурального мяса эпатировали своим внешним видом публику. Но рекламные изображения, содержащие такой посыл, многие потребители сочли излишне агрессивными. Несмотря на это, кампания привлекла к себе внимание, потребители стали говорить о стейках из качественного мяса, что и было основной целью рекламной кампании.

Столь успешно проведённые кампании и акции позволили стейк-хаусам закрепиться на рынке и занять свою нишу. Проведя анализ целевой аудитории, компания решила её расширить за счёт привлечения женской аудитории. Специалисты компании впервые разработали изящные женские стейки небольшого размера с утончённым французским акцентом. В рекламе использовался образ современной деловой женщины, которая либо излишне сексуально смотрит на стейк и прикасается к нему, либо очень кровожадно пытается его укусить. При этом более ярким цветом выделялся сам стейк и губы женщины, что усиливало задуманный эффект.

На протяжении всего периода своего существования стейк-хаусы использовали единый стиль и цветовую палитру в рекламе. Сочный кусок мяса являлся центральным элементом, вокруг которого строилось рекламное изображение. Потребители привыкли к определённому рекламному стилю и обращению. Все это принесло успех стейк-хаусам GOODMAN на российском рынке.

Однако существует достаточно примеров, когда чрезмерный креатив или эпатаж использовали компании, которым это не свойственно, к сожалению, не всегда удачно. Такие ошибки особенно часто встречались в начале двухтысячных, когда рекламный рынок в России активно развивался, но и в наше время можно найти примеры нелепых ошибок рекламщиков, вызывающих недоумение и шок.

Наиболее часто эпатажная реклама апеллирует к сексуальному подтексту. Как правило, такая двусмысленность вызывает у потенциального потребителя негативную реакцию, но рекламщики надеются получить большой резонанс за счёт двусмысленности используемых слоганов или изображений. Как известно тема секса привлекает людей, она вызывает особый интерес. Эротические изображения приковывают наше внимание. Рекламные изображения с оголёнными мужчинами или женщинами, как правило, отсылают

к интимной стороне жизни, о которой не принято говорить, а это явно способствует повышению внимания со стороны потребителя. Разберём некоторые примеры подобной рекламы, которую использовали в разное время известные российские компании.

Например, в 2004 году компания «Эльдорадо», один из ведущих ритейлеров бытовой техники в России, разместила по всей Москве билборды с рекламой дешёвой модели пылесоса. Слоган данной рекламы «Пыль сосу за копейки» был напечатан разными цветами, слово «пыль» напечатано бледно-оранжевым цветом, поэтому не бросается в глаза, при этом вторая часть слогана «сосу за копейки» выделена более жирным чёрным цветом. В данной рекламе речь идёт о пылесосе, но за счёт цветового разделения при быстром просмотре глаз выхватывает только вторую часть слогана, потом обращает внимание на картинку, на которой изображён сам пылесос и только потом читается весь текст. Изображение размещалось на баннерах наружной рекламы, то есть время контакта с ним было достаточно ограничено, поэтому большинство увидевших рекламу в первый раз даже не успевали понять её истинный смысл. [www.sostav.ru]

Также решил воспользоваться эпатажной рекламой с сексуальным подтекстом популярный сайт с объявлениями «Из рук в руки». На баннере, размещённом на сайте и рекламировавшем раздел с объявлениями о недвижимости говорилось: «Раньше покупать квартиру любовнице было неудобно, теперь удобно». Этот баннер нарушает закон «О рекламе», так как «демонстрирует образ социального поведения, оскорбительный для убеждений граждан об институте семьи, как высшей ценности человечества». [www.sostav.ru]

Однако стоит отметить, что в рамках данной рекламной кампании были сделаны изображения с другими слоганами, например:

— «Раньше продавать дом с привидениями было неудобно, теперь удобно»;

— «Раньше искать мужа с пропиской и машиной было неудобно, теперь удобно»;

— «Раньше продавать свадебные подарки было неудобно, теперь удобно»;

— «Раньше покупать бензопилу вместе с хоккейной маской было неудобно, теперь удобно»;

— «Раньше покупать машину круче, чем у босса, было неудобно, теперь удобно»;

— «Раньше покупать кожаные шорты было неудобно, теперь удобно».

Эта серия рекламных слоганов была отмечена на новосибирском рекламном фестивале «Идея!».

Известная российская сеть продовольственных магазинов «Пятёрочка» использовала двусмысленный рекламный слоган «Удар по яйцам! Всего за 21.90». Эта двусмысленность возникла из-за прямого и жаргонного значения слова «яйца». Изображение на баннере куриного яйца даёт чёткое понимание, о чём идёт речь в рекламе, однако белое яйцо на белом фоне не сразу привлекает к себе внимание, зато яркий слоган, выделенный чёрным двойным шрифтом, считывается мгновенно, что усиливает непристойность подтекста рекламного изображения. Мужская аудитория явно испытывала лёгкий шок от такой рекламы. Эта реклама стала победителем конкурса «Антиреклама-2010» в категории «Наружная реклама». [www.lenta.ru]

Но не только сексуальный подтекст используется в эпатажной рекламе, иногда слоганы и изображения шокируют и вызывают негативную реакцию, потому что реклама носит оскорбительный характер. Изображения или слоганы, используемые в такого рода рекламе могут оскорбить чувства и достоинство потребителей.

Рассмотрим, как отличился торговый дом ЦУМ, один из известнейших магазинов Москвы и продавец товаров роскоши в России, расположенный в семиэтажном историческом здании в центре, принадлежащий компаниям группы Mercury. Серия рекламных изображений, размещённых на плакатах на фасаде здания к первому сентября несколько лет назад нарушило сразу несколько пунктов закона «О рекламе».

Основу этой кампании составили провокационные слоганы «Кто не в Prada – тот лох!» (слово «лох» очень быстро было замазано, сейчас практически невозможно найти рекламный плакат в первоначальной версии), «Вот я и в школу! Теперь меня интересуют только шмотки. А вы, два старых урода, мне больше не нужны!» («старые уроды» использовалось как обращение к старым игрушкам), «Свет мой, ЦУМ, скажи, я ль в школе всех моднее?», «Папочка! Если ты меня правда любишь, купи! Купи! Купи! Мне туфли, платье, шляпку!!! D&G, Armani, Prada». [www.gazeta.ru]

На одном из постеров, несовершеннолетняя девочка, обращаясь к своим игрушкам говорит: «Вот я и в школу! Теперь меня интересуют только шмотки. А вы, два старых урода, мне больше не нужны!», в этой фразе употребляется слово «уроды», которое нарушает общие требования к рекламе. «Согласно пункту шестому 5-й статьи закона «О рекламе» в рекламных сообщениях не допускается использование бранных слов, непристойных и оскорбительных образов, сравнений и выражений».

Ещё одна фраза из этой рекламной серии, где маленькая героиня заявляет: «Кто не носит PRADA – тот лох!», нарушает 5-ю статью закона «О рекламе», а именно, что «реклама не должна формировать негативное отношение к лицам, не пользующимся рекламируемыми товарами, или осуждать таких лиц».

Стоит также отметить ещё фразу маленькой героини, с которой она обращается к папе с просьбой купить ей «туфли,

шляпку, платье» прямо нарушает предписание о том, что «в рекламе не допускается побуждение несовершеннолетних к тому, чтобы они убедили родителей или других лиц приобрести рекламируемый товар».

Фраза, которая гласит, что в классе «от зависти все лопнули», и тем самым «создает у несовершеннолетних впечатление о том, что обладание рекламируемым товаром ставит их в предпочтительное положение перед их сверстниками», также противоречит закону. [www.gazeta.ru]

Один из последних неудачных примеров использования эпатажной рекламы, которая оскорбила чувства потребителей, является рекламная кампания в России спортивного бренда Reebok.

В своей кампании бренд попытался привлечь внимание потенциальных потребителей к ценностям феминизма, используя неожиданный приём. Рекламная кампания была направлена на то, чтобы показать женщин, занимающихся видами спорта, которые традиционно считаются мужскими, таким образом разрушив гендерный стереотип, что у женщин есть особое предназначение и она должна заниматься традиционными женскими занятиями. Основной посыл заключался в том, что не стоит загонять женщин в какие-либо рамки. [www.sostav.ru]

Для реализации был придуман хештег #НИВКАКИЕРАМКИ, под которым в инстаграме бренда были опубликованы рекламные фотографии. В рекламе снялись российские спортсменки и активистки: чемпионка Европы по спортивной борьбе Анжелика Пиляева, боец ММА Юстина Грачык и создательница феминистского телеграм-канала «Женская власть» и издания Breaking Mad Залина Маршенкулова. Фотография Залины сопровождалась рекламным слоганом «Пересядь с иглы мужского одобрения на мужское лицо», позже эта фотография была удалена из официального аккаунта компании. Данный слоган оказался слишком провокационным

и вызывающим для пользователей социальной сети. Через несколько часов обсуждений компания заменила его на более нейтральный слоган «Не вписываюсь ни в какие рамки». В кампании использовались и другие слоганы, вызвавшие неоднозначное отношение «Когда говорят «носить на руках», представляю, что меня носят в гробу» и «Принимаю себя раз в день (после еды)».

Рекламная кампания #НиВКакиеРамки – это российская адаптация международной кампании #BeMoreHuman, в основе которой лежит идея быть более человечными, она сфокусирована на личности человека, чувствах и характере, «никогда не извиняйся за свою силу». Сильной и самодостаточной личности для самоутверждения не нужен другой человек, при желании каждый способен изменить мир к лучшему. В российской версии явно прослеживается призыв к женщинам проявлять агрессию по отношению к мужчинам, что и стало причиной столь негативного отношения российских потребителей к данной рекламе. [www.esquire.ru]

Тема стереотипного отношения к женщинам не новая, её использовали и другие компании. Чуть ранее скандальной рекламы спортивного бренда Reebok вышла рекламная кампания Nike Russia «Сделана из...», в основе которой лежала идея отказаться от стереотипов, окружающих женщину. Основой кампании стал двухминутный мотивирующий ролик, где известные российские спортсменки показали, как они меняют «культуру спорта». Авторы ролика показали, что стереотипное распределение ролей «мальчикам – сила и наука», а «девочкам – нежность и домашнее рукоделие» в наши дни несколько устарело, так как мешает женщинам делать свободный выбор. Ролик сопровождался известной советской песней «Из чего же сделаны наши девчонки?» и показывал целеустремлённых сильных российских спортсменок, стремящихся к победе. За первые сутки на ютуб-канале ролик посмотрели более 500 тысяч раз, огромное количество

репостов в социальных сетях и восторженные отзывы. [www.meduza.io] Также стоит отметить, что рекламный ролик «Из чего же сделаны наши девчонки?» получил Золотого Льва. [www.sostav.ru]

Большинство описанных выше примеров демонстрируют ошибки рекламщиков, так как эпатаж перешёл грань дозволенного и вызвал негативную реакцию потребителей.

Однако существуют случаи, когда использование приёмов эпатажа не только не вредит бренду, а наоборот привлекает внимание аудитории и расширяет её. Попробуем выделить случаи, когда стоит задуматься о возможности использования эпатажного маркетинга.

Прежде всего стоит обратить внимание на целевую аудиторию, если это подростки, а коммуникации между брендом и аудиторией предполагают эпатажные и шокирующие обращения, то использование эпатажной рекламы возможно.

Примером такой коммуникации могут служить рекламные кампании бренда Burger King в России, рассчитанные на молодую аудиторию. Аудитория бренда ждёт эпатажных рекламных обращений, а бренд остаётся верен своей аудитории, выпуская на рынок всё более и более эпатажные изображения и слоганы. Так ОАО «Максима Телеком» (оператор сети wi-fi в столичном метро) отказался размещать рекламу недорогого кофе Бургер Кинг «Почему утром стоит?», так как посчитал сообщение очень пошлым. В официальном письме оператор указал, что отказ – это проявление заботы о людях, которые имеют соответствующие проблемы со здоровьем, и таких людей достаточно много.

Неоднократно УФАС разбирали провокационные рекламные слоганы бренда, иногда признавая их законными, несмотря на возмущение со стороны граждан, а иногда – нет. [www.advertology.ru]

Например, слоган «Смотри не обострись!», используемый в рекламе в местах продаж, и слоган, используемый

в рекламном баннере при подключении в московском метро к сети wi-fi, «Налижемся!» признали законными. [lenta.ru] Юристы и лингвисты подчеркнули, что данные слоганы не перешли рамки закона, так как сопровождалась изображениями соответствующих блюд, что чётко давало понять значение используемой в рекламе игры слов. [lenta.ru] А вот слоган «Коля из Бургер Кинга раздаст по Е-баллам за кофе» был признан ненадлежащим, УФАС посчитал эффект присутствия ненормативной лексики в рекламе усиливается заглавной буквой «Е» и отсутствием точной информации о проведении акции. [www.m24.ru]

Такая рекламная стратегия оправдывает себя, ведь целевая аудитория получает от бренда ожидаемую рекламу, а штрафы, которые возможно иногда выплачивает компания незначительны для её бюджета в целом. Зачастую провокационная реклама становится обсуждаемым информационным поводом, а это усиливает эффект от рекламной кампании в целом. Компания в какой-то степени понимает, что за цену штрафа она привлекает к себе внимание практически всех СМИ.

Ещё один интересный кейс, который привлёк внимание специалистов в области коммуникаций. Зимой 2021 года компания «Чистая линия» запустила на телевидение яркую и нестандартную рекламную кампанию, целью которой было привлечение новой целевой аудитории. Зима – не самый лучший период для производителей мороженого, поэтому кампания должна привлекать к себе внимание чем-то нестандартным и быть запоминающейся.

В основу был положен креативный подход, который чётко и ясно доносит идею бренда. Словосочетание «вкусовые сосочки» является биологическим термином, однако второе слово имеет неоднозначное восприятие. Для усиления весёлой подачи были разработаны смешные персонажи, которые олицетворяют «вкусовые сосочки». С одной

стороны они должны быть милыми и смешными, а с другой – немного напоминать этот орган чувств. Основу кампании составили два видеоролика: имиджевый и ассортиментный. Имиджевое видео «Порадуй свои вкусовые сосочки!» демонстрирует, как вкусовые рецепторы управляют человеческими желаниями. Ассортиментный ролик «Выбор» демонстрирует потребителю как ему сложно придётся выбирать мороженное из нескольких видов, выпускаемых компанией «Чистая линия».

В результате такого креативного подхода эта рекламная кампания стала самой обсуждаемой зимой 2021 года. Огромное количество пользователей социальных сетей писали о смелости и креативности, положительных эмоциях, которые у них вызвали данные видеоролики. Однако стоит отметить, что негативной реакции и упрёков в пошлости также было достаточно. По заявлениям самой компании большая часть потребителей всё таки отмечали юмор и оригинальность, а не пошлость. Также результатом данной компании можно считать, что за месяц тиктоки с хештегом #вкусовые-сосочки набрали почти 3 млн. просмотров. Люди активно снимали видео и выкладывали в сеть. На YouTube появились ролики со смешной озвучкой, ускоренным звуком и другими изменениями, на платформе TikTok появилось огромное количество версий персонажей роликов, которые выкладывали пользователи, также потребители снимали отзывы на продукцию компании и её рекламу.[www.sostav.ru]

Описанные рекламные кампании бренда Burger King и производителя мороженого «Чистая линия» можно считать успешными, так как они достигли поставленных целей. Однако какие-то кампании явно не были рассчитаны на то, что вызовут отрицательную реакцию со стороны потребителей, например, рекламная кампания спортивного бренда Reebok. Поэтому как уже отмечалось ранее, неумелое использование инструментов эпатажного маркетинга может привести

к серьёзным негативным последствиям. Таких примеров на российском рынке огромное количество.

Не существует чётких правил создания эпатажной рекламы, которая бы шокировала аудиторию, но не нарушала морально-этические границы. Также стоит отметить, что не существует «конкретной линейки», по которой измеряют морально-этические границы. Как правило, всё сводится к частному мнению экспертов, принимающих решение относительно конкретной рекламной кампании. То есть при создании эпатажной рекламы рекламщик должен полагаться на своё «чутьё» и ощущение границы дозволенного.

Литература

1. В соцсетях возмутились из-за новой рекламы Burger King // Материалы новостного интернет-издания www.lenta.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2016/04/25/bk/>. Дата обращения: 12.11.2020.

2. Займитесь стейком с профессионалом»: история бренда GOODMAN // Материалы интернет-издания о рекламе, маркетинге и PR www.sostav.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.sostav.ru/publication/istoriya-brenda-goodman-26099.html>. Дата обращения: 10.01.2021.

3. Из чего же сделаны наши девчонки? Nike выпустили феминистский ролик. Все (ну, почти все) в восторге // Материалы интернет-издания www.meduza.io [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2017/02/18/iz-chego-zhe-sdelany-nashi-devchonki>. Дата обращения: 12.01.2021.

4. Как вкусовые сосочки обрели популярность в TikTok: кейс «Чистая Линия» и Contrapunto // Материалы интернет-издания о рекламе, маркетинге и PR www.sostav.ru [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.sostav.ru>

ru/publication/chistaya-liniya-i-contrapunto-47387. html. Дата обращения: 10.01.2021.

5. Как «Евросеть» эпатировала Россию 2000-х // Материалы информационного портала [www. retailer. ru](http://www.retailer.ru) [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://retailer. ru/kak-evroset-jepatirovala-rossiju-2000-h-fotopodborka/](https://retailer.ru/kak-evroset-jepatirovala-rossiju-2000-h-fotopodborka/). Дата обращения: 10.01.2021.

6. Названы победители конкурса «Антиреклама-2010» // Материалы новостного интернет-издания [www. lenta. ru](http://www.lenta.ru) [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://lenta. ru/news/2010/10/19/anti/](https://lenta.ru/news/2010/10/19/anti/). Дата обращения: 10.01.2021.

7. «Обострись», но не «раскурачь»: почему ФАС возбудила дело против сети фастфуда // Материалы новостного портала [www. m24. ru](http://www.m24.ru) [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://www. m24. ru/articles/obshchestvo/17062019/155696](https://www.m24.ru/articles/obshchestvo/17062019/155696). Дата обращения: 12.11.2020.

8. Пассажиры метро изумил новый рекламный слоган Burger King «Налижемся!» // Материалы новостного интернет-издания [www. lenta. ru](http://www.lenta.ru) [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://lenta. ru/news/2016/04/08/lets_lick/](https://lenta.ru/news/2016/04/08/lets_lick/). Дата обращения: 10.01.2021.

9. «Пересядь на лицо»: как феминистская реклама оскорбила всех // Материалы интернет-издания [www. gazeta. ru](http://www.gazeta.ru) [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://www. gazeta. ru/lifestyle/style/2019/02/a_12173083. shtml](https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2019/02/a_12173083.shtml). Дата обращения: 10.01.2021.

10. «Пересядь с иглы мужского одобрения»: как отреагировали на рекламу Reebok и в чем тут скандал // Материалы интернет-издания [www. esquire. ru](http://www.esquire.ru) [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://esquire. ru/articles/83092-peresyad-s-igly-muzhskogo-odobreniya-kak-otreagirovali-na-reklamu-reebok-i-v-chem-tut-skandal/#part1](https://esquire.ru/articles/83092-peresyad-s-igly-muzhskogo-odobreniya-kak-otreagirovali-na-reklamu-reebok-i-v-chem-tut-skandal/#part1). Дата обращения: 10.01.2021.

11. Реклама на грани фола: плюс или минус // Материалы информационного портала [www. adindex. ru](http://www.adindex.ru) [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://adindex. ru/publication/opinion/right/2014/08/4/113398. phtml](https://adindex.ru/publication/opinion/right/2014/08/4/113398.phtml). Дата обращения: 10.01.2021.

12. Реклама Nike взяла Золотого Льва // Материалы интернет-издания о рекламе, маркетинге и PR [www. sostav. ru](http://www.sostav.ru) [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://www. sostav. ru/publication/reklama-nike-vzyala-zolotogo-lva-27189. html](https://www.sostav.ru/publication/reklama-nike-vzyala-zolotogo-lva-27189.html). Дата обращения: 12.01.2021.

13. Рекламу «Почему утром стоит?» от Бургер Кинга не пустили в метро // Материалы информационного портала [www. advertology. ru](http://www.advertology.ru) [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://www. advertology. ru/article141823. htm](http://www.advertology.ru/article141823.htm). Дата обращения: 10.11.2020.

14. ФАС: Реклама Irr. ru посягнула на институт семьи // Материалы интернет-издания о рекламе, маркетинге и PR [www. sostav. ru](http://www.sostav.ru) [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://www. sostav. ru/news/2012/02/10/cod2/](https://www.sostav.ru/news/2012/02/10/cod2/). Дата обращения: 10.01.2021.

15. ФАС сделала рекламу ЦУМу // Материалы новостного интернет-издания [www. gazeta. ru](http://www.gazeta.ru) [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://www. gazeta. ru/business/2007/09/28/2199935..shtml](https://www.gazeta.ru/business/2007/09/28/2199935.shtml). Дата обращения: 10.01.2021.

16. ЦУМ ответит за «лохов» // Материалы новостного интернет-издания [www. gazeta. ru](http://www.gazeta.ru) [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://www. gazeta. ru/2007/08/08/oa_246588..shtml](https://www.gazeta.ru/2007/08/08/oa_246588.shtml). Дата обращения: 10.01.2021.

17. Шоковый маркетинг // Материалы интернет-издания о рекламе, маркетинге и PR [www. sostav. ru](http://www.sostav.ru) [Электронный ресурс] Режим доступа: [https://www. sostav. ru/blogs/30901/1457/](https://www.sostav.ru/blogs/30901/1457/). Дата обращения: 10.01.2021.

MARIA ZAKHAROVA

Shocking advertising campaigns: how to define the limits of what is permitted?

Abstract. Increasingly, in the competition, not only small companies but also market leaders began to use shocking marketing techniques to promote their brands. Outrageous advertising campaigns tend to attract the attention of a large number of potential consumers. Small businesses resort to this technique, due to the lack of large budgets, but the oversaturation of the market with advertising of the same type of goods forces large companies to try new promotion tools. In an attempt to stand out among the many different advertising campaigns, marketers, not feeling where the border of the permissible lies, make mistakes clumsily using shocking marketing techniques. Since there are no clear rules for creating outrageous advertising that would shock the audience, but did not violate moral and ethical boundaries, and there is also no “specific ruler” by which these boundaries could be measured, it is very important to understand why some advertising campaigns were unsuccessful, while others have led to success. The article provides a large number of different examples of unsuccessful shocking advertising campaigns, and also describes shocking campaigns that can be considered successful.

Key words: shocking marketing, low-budget marketing, shocking advertising, shocking advertising, provocative advertising slogans, moral and ethical boundaries.

Literatura

1. V socetyah vozmutilis' iz-za novej reklamy Burger King // Materialy novostnogo internet-izdaniya www.lenta.ru [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://lenta.ru/news/2016/04/25/bk/>. Data obrashcheniya: 12.11.2020.

2. Zajmites' stejkom s professionalom»: istoriya brenda GOODMAN // Materialy internet-izdaniya o reklame, marketinge i PR www.sostav.ru [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://www.sostav.ru/publication/istoriya-brenda-goodman-26099.html>. Data obrashcheniya: 10.01.2021.

3. Iz chego zhe sdelany nashi devchonki? Nike vypustili feministskij rolik. Vse (nu, pochtii vse) v vostorge // Materialy internet-izdaniya www.meduza.io [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://meduza.io/feature/2017/02/18/iz-chego-zhe-sdelany-nashi-devchonki>. Data obrashcheniya: 12.01.2021.

4. Kak vkusovye sosochki obreli populyarnost' v TikTok: kejs «Chistaya Liniya» i Contrapunto // Materialy internet-izdaniya o reklame, marketinge i PR www.sostav.ru [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://www.sostav.ru/publication/chistaya-liniya-i-contrapunto-47387.html>. Data obrashcheniya: 10.01.2021.

5. Kak «Evroset'» epatirovala Rossiju 2000-h // Materialy informacionnogo portala www.retailer.ru [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://retailer.ru/kak-evroset-jepatirovala-rossiju-2000-h-fotopodborka/>. Data obrashcheniya: 10.01.2021.

6. Nazvany pobediteli konkursa «Antireklama-2010» // Materialy novostnogo internet-izdaniya www.lenta.ru [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://lenta.ru/news/2010/10/19/anti/>. Data obrashcheniya: 10.01.2021.

7. «Obostris'», no ne «raskuryach'»: pochemu FAS vozбудila delo protiv seti fastfuda // Materialy novostnogo portala www.m24.ru [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://www.m24.ru/articles/obshchestvo/17062019/155696>. Data obrashcheniya: 12.11.2020.

8. Passazhirov metro izumil novyj reklamnyj slogan Burger King «Nalizhemsya!» // Materialy novostnogo internet-izdaniya www.lenta.ru [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://lenta.ru/news/2016/04/08/lets_lick/. Data obrashcheniya: 10.01.2021.

9. «Peresyad' na lico»: kak feministskaya reklama oskorbila vsekh // Materialy internet-izdaniya www.gazeta.ru [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2019/02/a_12173083.shtml. Data obrashcheniya: 10.01.2021.

10. «Peresyad' s igly muzhskogo odobreniya»: kak otreagirovali na reklamu Reebok i v chem tut skandal // Materialy internet-izdaniya www.esquire.ru [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://esquire.ru/articles/83092-peresyad-s-igly-muzhskogo-odobreniya-kak-otreagirovali-na-reklamu-reebok-i-v-chem-tut-skandal/#part1>. Data obrashcheniya: 10.01.2021.

11. Reklama na grani fola: plyus ili minus // Materialy informacionnogo portala www.adindex.ru [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://adindex.ru/publication/opinion/right/2014/08/4/113398.phtml>. Data obrashcheniya: 10.01.2021.

12. Reklama Nike vzyala Zolotogo L'va // Materialy internet-izdaniya o reklame, marketinge i PR www.sostav.ru [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://www.sostav.ru/publication/reklama-nike-vzyala-zolotogo-lva-27189.html>. Data obrashcheniya: 12.01.2021.

13. Reklamu «Pochemu utrom stoit?» ot Burger Kinga ne pustili v metro // Materialy informacionnogo portala www.advertology.ru [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <http://www.advertology.ru/article141823.htm>. Data obrashcheniya: 10.11.2020.

14. FAS: Reklama Irr. ru posyagnula na institut sem»i // Materialy internet-izdaniya o reklame, marketinge i PR www. sostav. ru [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://www.sostav.ru/news/2012/02/10/cod2/>. Data obrashcheniya: 10.01.2021.

15. FAS sdelala reklamu CUMu // Materialy novostnogo internet-izdaniya www. gazeta. ru [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://www.gazeta.ru/business/2007/09/28/2199935.shtml>. Data obrashcheniya: 10.01.2021.

16. CUM otvetit za «lohov» // Materialy novostnogo internet-izdaniya www. gazeta. ru [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: https://www.gazeta.ru/2007/08/08/oa_246588.shtml. Data obrashcheniya: 10.01.2021.

17. SHokovyj marketing // Materialy internet-izdaniya o reklame, marketinge i PR www. sostav. ru [Elektronnyj resurs] Rezhim dostupa: <https://www.sostav.ru/blogs/30901/1457/>. Data obrashcheniya: 10.01.2021.

Адрес электронной почты автора:

mariaza@inbox.ru

ОКСАНА ЛАБАЩУК, ТАТЬЯНА РЕШЕТУХА

Украина, Тернопольский национальный педагогический университет им. Владимира Гнатюка

Рождение ребенка как пересечение границы между мирами в рассказах современных матерей

Аннотация. В статье рассмотрено, каким образом в современном родильном обряде отражаются черты архаического ритуала перехода. Материалом для исследования стали персональные рассказы около 500 женщин о их личном опыте беременности и родов, записанных методом нарративного интервью. Текст интервью – натальный нарратив – рассматривается с точки зрения семиотики как знак культуры. Среди основных черт ритуала перехода, о которых вспоминают наши современницы, можем выделить: рассказ о дороге в родильный дом, исполненную препятствий и трудностей, прохождение санпропускника, «страшный роддом», лишение женщины обычного статуса в виде замены одежды, расплетания волос, снятия украшений, развязывания шнурков; сравнение боли во время родов с пытками, ужасами, войной; радость и ощущение эйфории во время возвращения домой вместе с ребенком. Изменения в медицине, социуме, психологии женщин оставляют неизменным восприятие родов как пересечения границы между мирами.

Ключевые слова. Граница, лиминарный, материнство, натальный нарратив, устная традиция.

Вместе с описательными и сравнительно-описательными исследованиями беременности и родов в начале XX века появляются первые попытки аналитического исследования родильного обряда. Прежде всего рождение ребенка рассматривается в контексте других обрядов семейного цикла. Принципиальное значение здесь имеет работа А. ван Геннепа «Ритуалы перехода» («Les rites de passage»). Согласно концепции ван Геннепа, все обряды можно рассматривать как обряды перехода из одного состояния в другое, из одного мира в иной. В рамках перехода можно выделить три фазы: прелиминарную, лиминарную, постлиминарную [Геннеп: 15]. Ритуалы семейно-бытового цикла имеют общую структуру, которая состоит из трех частей: сепарация лиминарного лица, переход, интеграция в социум. Человек, осуществляющий ритуал перехода, превращается в существо лиминарное (от французского слова *limen* – порог), то есть он приближается к чрезвычайно напряженной, как семантически, так и эмоционально, пороговой ситуации, которая в традиционной культуре рассматривается как граница между жизнью и смертью, между тем и этим миром.

Одним из наиболее интересных и наименее изученных ритуалов родильного цикла является рождение ребенка. По мнению исследователей, родильный обряд – наиболее закрытый в сравнении со всеми другими ритуалами семейного цикла [Щербак: 60]. Этот ритуал отмечен двойной лиминарностью, поскольку он знаменует не только приход младенца в этот мир, но и получение женщиной нового статуса – статуса матери [Белоусова].

Взгляд на родильный обряд с точки зрения ритуальной теории оказался продуктивным для современных этнологических и антропологических исследований. Одним из ключевых выводов современных исследователей ритуала является вывод о его присутствии в современной культуре: «все возможные инновации и модификации, как правило, касаются

только поверхностные уровни ритуала (касающиеся плана выражения), в то же время как глубинные содержательные схемы отличаются поразительной стойкостью и однообразием» [Байбурин: 11].

Именно как модификацию традиционного ритуала исследует родильный обряд русский антрополог Екатерина Белоусова. В поле ее исследовательского внимания попадает процесс социализации матери и новорожденного в современном родильном доме, болевые ощущения во время родов, а также имянаречение новорожденного [Белоусова]. Современный родильный обряд исследовательница рассматривает как непосредственное наследие традиционного ритуала: «в оформлении и осмыслении современных родов в родильном доме можно достаточно явственно увидеть преемственность относительно родин в традиционной культуре. Некоторые механизмы функционирования мифологического мышления, которые традиционно считались его определяющими характеристиками, сохраняются неизменными, и глубина, содержательная схема ритуала отличается постоянством и повторяемостью» [Белоусова с. 7]. Для женщины сущностью ритуала рождения является ее символическое «открепление» от коллектива, получение ею в процессе родов «переходного» статуса, а также интеграция в социум в новом, высшем статусе матери.

Объект нашего исследования – устные рассказы женщин о их опыте ожидания и рождения ребенка, зафиксированные в форме нарративного интервью. Единицей анализа будет выступать текст записи нарративного интервью. Такой рассказ мы будем называть натальным нарративом (от лат. *natalis* – рожденный, связанный с рождением).

В работе с материалом мы исходим из контекстуального подхода, предложенного в работах Е. Файн [Fine], А. Брициной [Брицина]. Оптимальным для нашего исследования оказалось использование метода нарративного интервью. Нам

удалось опросить около 500 женщин, имеющих личный опыт беременности и родов. Записи были проведены на протяжении 2006–2016 годов. Наши информанты – женщины, проживающие преимущественно в западных областях Украины. По этическим причинам при публикации материалов исследования мы зашифровали личные данные рассказчиц. В нашей системе ссылок на источники вначале указана фамилия собирателя и год записи, следующий индекс указывает на личные данные рассказчицы, далее указано ее возраст в момент записи, а также количество рожденных ею детей. Например: (Лабашук: 2006, ДИС, 50 лет, двое детей).

В статье мы планируем рассмотреть три наиболее показательных момента современного родильного обряда – дорога в родильный дом, сам процесс родов и возвращение из родильного дома.

Мотив трудной дороги в родильный дом занимает центральное место в рассказах значительной части женщин-матерей. Рассматривая этот мотив, стоит вспомнить, что роды и в традиционной, и в современной культуре принадлежат к ритуалам перехода. Подчеркнем, что современный «родильный обряд предусматривает именно ритуальное, а не ритуализированное, то есть игровое поведение. Он не разыгрывается, все события происходят «на самом деле», в особой ритуальной реальности» [Белоусова 1]. Отметим, что соответственно концепции А. ван Геннепа, ритуалы перехода по своей структуре делятся на три фазы: обряды сепарации, обряды лиминарные (переправы или перехода), обряды объединения (агрегации) [Геннеп: 15]. В обрядах, которые в архаических обществах сопровождают процесс беременности и родов, можем отыскать все три фазы, однако наиболее ярко выражена именно фаза переправы [Геннеп: 43].

Мария Маерчик в исследовании, посвященном структурно-семантическому анализу украинских обрядов семейного цикла, ставит вопрос о целесообразности рассматривать

роды в традиционной культуре как переход из одного места в другое, ведь роженица никуда не идет. Однако в отдельных записях, например материалах В. Ястребова, находим информацию о том, сто роды должны происходить практически «на ходу», роженица должна постоянно ходить, ей не дают спать [Маерчик: 78]. Эти действия исследователи интерпретируют как имитацию дороги с препятствиями.

Ці дії дослідники інтерпретують як імітацію дороги з перешкодами. Стефанія Гвоздевич наводить приклад дій при важких пологах, записаний І. Вагилевичем: «Якщо пологи тяжкі, баба обкурює поліжницю свяченим зіллям і обводить її навколо діжі» [Вагилевич: 284]. Роділля, як наречена у весільному обряді, долає важку дорогу, її заставляють переступати через різні предмети, одяг тощо. Вона шукає «правильну дорогу», її ходіння має на меті знайти «щасливе місце» [Маерчик: 79].

Дорога как символ родов появляется в ритуальных формулах, которыми обменивается роженица с женщинами, пришедшими проведать ее после родов: «Как хлеб дают роженице, то говорят: “Будь здорова по дороге, сестра!” А она скажет: “Да было всюду, було и по дороге!”» [Фольклорні записи: 162]. У болгар о женщине, особо легко родившей, говорят: «Родила на дороге» [Седакова: 43].

В традиционной украинской культуре эвфемизмом для обозначения родов было выражение привести ребенка. В записях Марка Грушевского читаем: «если много людей будет знать, то тяжело будет вести ребенка» [Дитина в звичаях: 43].

Похожее наблюдение есть и у Александры Кондратович: «О женщине, родившей ребенка, на Западном Полесье чаще всего говорят привела» [Кондратович: 22].

Сравним, как мотив дороги вербализируется в историях наших современниц:

Вот представь себе такой длиннющий коридор, и вот они там в самом конце коридора столик, и они за тем столиком

сидят, разговаривают между собой, напротив того столика – вход в родзал. И рядом с тем входом холодильник стоит. А в другом конце коридора – кровать. <...> Я так от этой кровати отойду, схватка... так за него взялась, потянулась, переждала, прошло. Потихоньку пошла в другой конец. Как раз дошла до холодильника – вторая схватка. Повисла на холодильнике. Переждала <...>. Прошла, пошла назад гулять. Так я гуляла от кровати до холодильника. Но в какой-то момент я уже подхожу, повисла на холодильнике. Они так на меня смотрят: «Так. В родзал! Она уже родит!» Говорю: «Как?» – «Давай быстро на стол!» (Лабашук: 2006, ДИС, 50 лет, двое детей).

О дороге в родильный дом женщины чаще всего вспоминают как о сложной дороге, полной трудностей и преград. На важность этого мотива указывает хотя бы то, что рассказ о родах – это довольно часто рассказ о дороге в роддом.

Пошли мы на скорую, ну, я не знала, что со мной происходит, оказывается, отошли воды <...>. На скорой все врачи бежали, какая-то там была страшная суета, я тогда поняла: что-то, наверное, чрезвычайное <...>. Мы звали шурина, машину, взяли с собой акушерку и поехали в Тернополь, Мы поехали, очень быстро ехали, потому что говорили, ну, чем быстрее, время же шло на часы ([Балицкая: 2011, БНМ, 32 года, двое детей).

А вот когда рожала во второй раз – это уже было с приключениями. Я была дома, а муж мой был на работе <...>. И когда я почувствовала, что, наверное, пора рожать, я позвонила мужу. А тут, как говорят, без приключений не обошлось. Он задержался, он, были пробки, когда он приехал с работы, я, мне было тяжело, я еще была в депрессии, я на него кричала, почему так долго. По дороге ми тоже довольно быстро ехали, милиция остановила, конечно. <...> но, как говорят, я лучше всего запомнила те моменты, как вот дорога с мужем (Витяк: 2011, ЮИВ, 23 года, двое детей).

Обратим внимание, что женщины очень часто рассказывают о преградах (именно физического характера), которые возникали на пути в родильный дом.

Меня начал болеть низ живота, дико болела спина. Я сказала папе, он позвал бабушку. Пока бабушка бегала за докторшей, папа помогал мне. А это же ночь, февраль месяц! Метет так, что ничего не видно. Докторша вызвала скорую, потому что телефонов не было столько, как сейчас – четыре-пять в одном доме. Был один на все село, и тот у почтальонши. Дорогу замело, скорая заехать в село не может. Мы шли в другой конец села к скорой. Как приехали в роддом, я уже ничего не хотела от боли (Когут: 2011, КМИ, 46 лет, двое детей).

Он нанял машину, мы поехали. Еще на КПП милиция нас остановила, увидели: женщина рожает и пустили нас (Бабьяк: 2011, БПП, 48 лет, трое детей).

Как полагает Мирча Элиаде, по космогоническим представлениям народов мира процесс творения может произойти только в сакральном центре мира. Дорога к такому «сакральному центру» исполнена трудностей и преград: «Дорога, ведущая к центру, – “трудная дорога”... Дорога эта изнурительна, исполнена опасностей, потому что по своей сути она является переходом от мирского к сакральному, от эфемерного и иллюзорного к реальности и вечности; от смерти к жизни; от человека к божеству» [Элиаде: 36].

В то же время рождение ребенка в дороге осмысливается как счастливое рождение в счастливом месте. В нашем материале этот мотив встречается только единожды и касается рассказа о преодолении трудностей материнства другой женщиной.

Мне на работе рассказывали, что у одной женщины было очень много проблем со здоровьем и врачи сказали, что если она хочет жить, то должна сделать аборт. И тогда ей приснился сон, ей казалось, что это был даже не сон, а это было наяву. Что у нее явилась Божья Матерь и просто сказала ей, что все

будет хорошо, я тебя охраняю. Женщина сильно сомневалась, но она оставила ребенка. И когда подошло время рожать, так случилось, что она почти до больницы не доехала и родила в дороге, в скорой, сама нормального здорового ребенка. И все было хорошо, и никаких проблем не было (Питула: 2009, ИЛГ, 41 год, двое детей).

В очень многих женских историях присутствует детальное описание всего, что предшествовало началу родов. Это ода из наиболее развернутых, детально проработанных сцен натального нарратива. Создается впечатление, что женщина хочет рассказать мельчайшие детали того дня. Нарисованная женщиной «картинка» несколько напоминает известный эпический прием ретардации, известный еще со времен Гомеровской «Илиады», используемый, в частности, при описании боевого снаряжения богатыря или же его сборов в дальнюю дорогу. В натальном нарративе этот старый прием замедленного действия наполняется новым смыслом, отображающим актуальную для рассказчицы ситуацию.

Муж пошел в ночную смену, я легла спать, но уснуть уже не могла, разболелась спина. Вышла во двор, кругом красиво, видно, как днем. Один сосед коптит колбаску, запах идет на всю улицу, другая соседка Мирося печет торты, печенье к празднику. Это была последняя неделя поста, все готовились к большому празднику. А поскольку все каждый день ходили на работу, каждый где-то работал – кто на фабрике, кто на заводе. Поэтому все домашние работы выполняли вечером или ночью. Так вот я вышла, походила по двору, спина перестала болеть, я пошла, легла спать. Немного полежала, снова походила. Так я дождалась мужа с ночной смены. Он приехал с работы, и я говорю, что меня уже болит спина, наверное, что нужно ехать в больницу. Муж пошел к соседу, попросил его отвезти в роддом. Конечно же, Михаил сразу согласился. Он завел свою «Волгу», приехал, стал у ворот и ждет. Я вышла, чтобы идти в роддом <...> Иду к машине и плачу,

волнуюсь, еду в роддом. Папа мой тоже заплакал (Олейник: 2011, ООЮ, 49 лет, двое детей).

Рассмотрим, каким образом в натальном нарративе реализуются женские воспоминания, касающиеся непосредственно родов. Для текстов, в которых реализована ситуация *ritas de passage*, характерным является четкое семиотическое противопоставление своего и чужого пространства. В рассказах о родах оно становится особенно значимым. В натальном нарративе мы встречаемся с оппозицией «родной дом – роддом». При этом последний приобретает семантические характеристики чужого мира, в котором все чужое и враждебно настроено по отношению к роженице. Ужасные условия родильного дома противопоставляются родному дому. Подтверждением такого противопоставления является то, что часто рассказ о родах начинается со сборов в дорогу, а заканчивается возвращением домой.

Я очень хорошо помню, что несколько дней перед родами драила все дома как дура, навела невероятную чистоту, потому что очень хотела, чтобы мы с доченькой вернулись в чистый дом. Мне кажется, что такой чистоты в доме я больше никогда не наводила, как тогда. Просила еще мужа: сразу все складывай по местам, все убирай, смотри, как у нас чисто, нужно, чтобы всегда так было. А потом, когда мы вернулись с роддома, этой чистоты уже не было и следа, и я очень сердилась из-за этого на мужа. Очень была разочарована, ведь мне так хотелось привезти доченьку в идеально чистый дом (Лабащук: 2013, ХЛБ, 43 года, четверо детей).

Представлению о родильном доме как о «страшном» месте в некоторой степени способствовали практики деторождения, используемые советской официальной медициной. Родильный дом был «закрытым» заведением: туда не могли входить посторонние, женщина не имела права ни на собственную одежду, ни на личные вещи, а коммуникация с внешним миром осуществлялась при помощи записок

и передач. Современные изменения в перинатальной медицине несколько сгладили это представления, однако окончательно не ликвидировали страх перед родильным домом.

Те стены морально убивают, морально убивают, только переступишь порог больницы... а еще тогда в тот период. Сейчас немного иначе. А тогда уже <пауза> такое впечатление, что... не самые приятные воспоминания. Меня морально убивали эти халаты, которые выдавали. Неизвестно на скольких роженицах они были, ну их вроде бы с целью дезинфекции, поддержания значит... режима больницы, чтобы чисто было, их стерилизовали и давали снова эти грязные рубашки. Ужас... Это меня морально убивало, и не разрешали в домашней одежде (Зимницкая: 2011, ЗАС, 44 года, двое детей).

Истории о «страшном роддоме» в рассказах о родах Е. Белоусова считает отображением ритуального унижения неопфита, которое осуществляется в процессе ритуала. Впрочем, это полностью соответствует репрессивно-уничужительному характеру советского строя вообще. Американская исследовательница Р. Девис-Флойд полагает, что во время ритуала рождения происходит трансляция женщине ном и ценностей, присущих определенному обществу [Белоусова 1].

Рассказ о «страшном роддоме» реализуется при помощи ряда мотивов. Первое испытание, ждущее женщину на пути к материнству – это прохождение санпропускника.

Санпропускник – это какие-то ворота с рая в ад. Это такие ворота, которые нужно пройти, когда тебя унижают, унижают твоё достоинство. Ой, не хочу обо всем этом рассказывать, наверное, те женщины, которые рожали об этом знают, что такое клизма знают, что такое, когда у тебя анализы крови берут, это все, грех с ним, можно пройти все это, но санпропускник – это очень страшная штука. Поверьте мне, лучше сразу идти рожать! (Савчук: 2011, ДММ, 40 лет, трое детей).

Особенно гнетущее впечатление оказывает на женщин больничная рубашка, которую их заставляют одевать сразу после прохождения санпропускника.

Меня отвели тогда саму одну так, будто бы в какую-то тюрьму. Дали мне рубашку, разрез от горла до самого, до самого пупка. Я ходила полностью голой. Над моими тапочками поиздевались, потому что у меня были такие пушистые собачки. Они сказали, что так, будто бы я собралась на какой-то концерт, а не в родзал (Гецнар: 2011, НРС, 23 года, один ребенок).

Вот... и хотя уже все... Мы приехали в приемное отделение роддома. Нас приняли, все... переодели... ну это для меня, ну... очень впечатляюще и не совсем позитивно. Почему? Потому что переодеваться в их одежду, какая (не очень важно, да ладно) одежда такая уже застиранная, чувствуешь себя не особо комфортно и уютно в нем – ночная рубашка с таким вырезом... ну, так должно быть, но не особо приятно... Мужа заставили одеть бахилы, такую шапку, халат вот... (Вовк: 2011, СЮБ, 26 лет, один ребенок).

В некоторых женских историях значительная часть рассказа посвящена именно ужасной рубашке в родильном доме. Так, в одном из нарративов рассказчица вспоминает, что у нее полностью прекратились схватки после того, как ее переодели в старую рубашку с пятнами:

Рубашка простая, она должна быть белого цвета, но она была желтая, серая <неразб.> но она разорвана вот так до...<...> И они мне говорят: «Давай, быстренько одевай...» Я говорю: «Что, это? Я такое не одену». – «Как?» Я говорю: «Все, я пошла домой». – «Да ты можешь по дороге родить!» Я говорю: «У меня начался обратный процесс и вообще я не знаю, кого я рожу, если одену эту рубашку!» Она мне говорит: «Ану, не выдумывай! Ану, поищите другую рубашку». Кароче, изо всего того выбрали вроде бы лучшее з того худшего. Я говорю: «Как такое можно одеть? <неразб.> Ну дайте позвонить, пускай мне принесут рубашку». – «Да ты что, тут нельзя...»

<...> одели меня в ту рубашку. «Боже, я как мертвая!» – «Что такое говоришь!» Я говорю: «Вы знаете, даже немцы Зое Космодемьянской лучшую рубашку дали!» – «Боже, – говорит, – за Сталина ты бы уже села» <смеемся>. Я говорю: «Знаете...» – «Иди, скоро будут воды!» То-се... Я говорю: «У меня уже ничего в этой рубашке не будет. Я не могу в этой рубашке...» Люди там о схватках, о чем-то, а я о рубашке. Господи Боже, взяла я ее, сняла, одела халат, те пришли... смешалось... ну и действительно у меня схватки перестали – Мне вызывали роды. Принесли мне потом новую рубашку... Это был кошмар, ужас. Меня больше всего поразило разорвано так, я говорю, как на смертника. Показывали иногда в кино, в тюрьмах раздевают этих... (Лабашук: 2009, ТНЮ, 50 лет, двое детей).

В истории другой рассказчицы возможность «по знакомству» одеться в новый, еще с этикеткой халат, является предметом особой гордости:

В роддоме знаешь какие халаты были? Жу-у-уткие! Они все были короткими. Они садились при стирке, или что. Почему-то они были короткие, широкие и без пояса. Подвязывались почему-то бинтом! Это такое! Такой дурдом! И так женщина страшно в том роддоме выглядит, е еще эти халаты страшные такие. Застиранные. Мне выдали временно, а сказали маме, что можно пойти, купить новый. Только новый, чтобы с этикеткой был (Лабашук: 2006, ДИС, 50 лет, двое детей).

Значимо, что в современных этнологических исследованиях находим свидетельства о том, что в традиционной культуре рубашке служит воплощением человека и ее телесных свойств. В частности, одев рубашку многодетной женщины, можно было излечиться от бесплодия. А если сжечь вою рубашку, можно было обречь себя на бесплодие [Маерчик: 143–144].

По свидетельству антропологов, исследующих родильный обряд, одежда и драгоценности являются свидетельством

социального статуса женщины. Поступая в роддом, женщина избавляется от собственной одежды, что позволяет медработникам подчеркнуть ее лиминарный статус [Белоусова 1]. Е. Белоусова обращает внимание, что избавление иницианта его статуса – а именно это происходит с женщиной при госпитализации в родильный дом – согласно трехчленной схеме переходного обряда, предложенного А. ван Геннепом, происходит в первой фазе ритуала [Геннеп]. Исследовательница акцентирует: «В современном родильном доме ритуальное унижение женщины имеет четко выраженную ременную локализацию: большинство действий медработников, имеющих целью унижение, происходит во время прихода женщины в приемное отделение, при санитарной обработке и “подготовке к родам”» [Белоусова 1].

Однако, в отличие от данных, приведенных в работах Екатерины Белоусовой, наш материал, собранный преимущественно среди жительниц Западной Украины, свидетельствует скорее о позитивном восприятии женщинами требования медицинских работников снять с себя украшения, часы, развязать шнурки – по убеждениям наших информанток это должно ускорить процесс родов.

Ну, во-первых, я уже знала, что нельзя ничего, что опоясывает тебя вокруг шеи, рук: ни кольца, ни часов держать возле себя (Денега: 2011, РОМ, 32 года, двое детей).

Когда уже пришло время рожать, моя свекровь очень плакала, переживала, говорила мне обязательно расплести волосы, снять все украшения, обручальное кольцо, сережки, цепочки – все снять, на одежде развязать все шнурки, чтобы ничего не сдерживало (Петраш: 2011, ГМЕ, 23 года, один ребенок).

Сели мы в «скорую», приехали в больницу, а там как раз была женщина, мамина соседка, из Ясеня, ну и говорит мне: «Поснимай кульчики, снимай кольцо, чтобы на тебе ничего

не было, чтобы легче родила (Федора: 2011, ФММ, 48 лет, четверо детей).

Рекомендация для роженицы расплести волосы, развязать узлы, снять украшения – характерная черта традиционного родильного обряда [Борисенко: 82–83; Гвоздевич: 621–622; Гузий, Горошко: 611; Маерчик: 167–169]. Запрет для роженицы иметь на себе завязанные узлы, пояс, украшения в виде замкнутого круга связан с так называемой магией Алкмены, у которой, согласно с древнегреческими мифологическими представлениями, также были тяжелые роды при рождении Геракла. Поскольку целью таких магических действий также является облегчение определенных процессов, развязанные узлы должны символизировать открытые родовые пути женщины и ускорить роды [Kowalcki: 300–302]. По мнению Татьяны Щепанской, снятие с роженицы колец, сережек, пояса, развязывание всех узлов на одежде, расплетание косы – это один из способов кодирования материнской символики, которое происходит в процессе родов [Щепанская: 154].

Мотивом, который выразительно свидетельствует о пограничном статусе родов, является страх смерти, который ощущают женщины, приближаясь к «вечному порогу».

И бабушка <...> приносила, что там я хочу покушать, потому что я вообще не знала... будто бы умирать готовилась (Денега: 2011, РОМ, 32 года, двое детей).

Это настолько была такая боль, это настолько была, что я говорила маме, что я не выдержу, что я умру, что заберешь, что поможешь воспитывать ребенка, что поддержишь <...>. Мама смеется, что не сочиняй, все прошли и ты это пройдешь (Мостовая: 2011, ЦИМ, 24 года, один ребенок).

А вот я помню где-то полпервого ночи, я уже кончаюсь просто. Думаю, смерть мне сейчас наступит (Вовк: 2011, НЛИМ, 23 года, один ребенок).

Для традиционного общества также было свойственно восприятие роженицы как существа иного мира или существа, лишённого души: «Открытие тела роженицы рассматривали как открытия иного мира, а тело роженицы, соответственно, – как открытый путь в иной мир» [Маерчик: 125–126]. Именно с этими представлениями связано традиционное высказывание о том, что для роженицы до шести недель открыта могила [Маерчик: 125–126]. Т. Щепанская наводит пример, что в традиционной культуре рожениц, прежде чем идти в баню, где происходили роды, прощается со всеми домашними [Щепанская].

Интересно, что современный натальный нарратив имеет примеры мотива прощания женщины перед родами с родными и подругами. В приведенном ниже примере сам факт прощания рассказчица оценивает как признак приближения родов:

У меня еще не было никаких схваток, у меня еще ничего не было, но я помню, что начала почему-то прощаться со всеми и просить Алку с Галкой не оставить моего ребенка в случае чего. И мне еще Алка говорит: «Ты что, с ума сошла, тебе еще три недели, чего ты? И, во-первых, нормально родишь, а во-вторых, чего ты прощаешься, тебе еще три недели» (Лабащук: 2008, ПИМ, 39 лет, двое детей).

Другая рассказчица в своем нарративе припоминает прощание с мужем:

Какое-то такое у меня было ощущение, я чувствовала, что я... что я умру... Какое-то такое чувство... И я просила его... что... «Я тебя очень прошу <...> я чувствую, что я умру, – говорю, – я тебя очень прошу, хотя бы не родной этот ребенок <старшая дочь рассказчицы>, но я тебя очень прошу, чтобы ты хорошо к ней относился, чтобы ты ее не обижал...» А он говорит: «Да что ты такое говоришь, такие глупости!» А я говорю: «Да я просто чувствую – я умру. Я просто чую это... Ну, и я очень сильно боюсь», – я говорю: «Я как первого ребенка

шла рожать, то я не боялась, а сейчас я очень боюсь и я чувствую просто... такая у меня в душе, такая какая-то большая печаль... такая печаль... Я чувствую, что я так, что это мой последний день» (Бончак 2011, НВВ, 43 роки, двое детей).

Последний этап каждого из обрядов перехода – интеграция в социум, возвращение к прежней жизни.

После рождения ребенка, особенно первенца, женщины отмечают появление у них ощущения особой материнской гордости: у них теперь есть собственное дитя. В историях наших рассказчиц появляется мотив социальной значимости материнства, того особенного трепета, с каким в современном обществе воспринимается рождение ребенка.

Ощущения... Первое – гордость... Выходишь из машины, всьо, я уже... Посмотрите, у меня есть ребенок <...> Но вот гордость... Такая уже гордость, что я мама... Все, у меня уже есть ребенок... И от будет плакать, и соседи будут слышать, что у меня есть ребенок... (Соляк: 2011, ШНЛ, 32 года, один ребенок).

Ощущение радости, праздника, особого приподнятого настроения сопровождает момент возвращения домой:

Возвращались мы из родильного дома так смешно. Все лди понимали, что мы едем с новорожденным ребенком. Муж мой и пел, и кричал, и смеялся, и вся наша машина была в этих шарах Так грандиозно мы возвращались с этого родильного дома <смеется> (Петраш: 2011, ГМЕ, 23 года, один ребенок).

Таким образом современный родильный обряд, как следует из рассказов наших современниц сохранил все этапы и основные черты ритуала перехода, свойственного для традиционного общества. Значительное место в рассказах женщин принадлежит рассказам о дороге в родильный дом. На значимость этого эпизода указывает хотя бы то, что среди нашего материала есть записи, в которых женщина, рассказывая о своих родах, говорит исключительно

о дороге в родильный дом. Это знаковое перемещение мифологизируется в рассказах женщин. Дорога в родильный дом – трудная дорога, исполненная трудностей и испытаний. Вспоминая о родах, женщины используют типичные мотивы: «страшный роддом», рубашка в родильном доме, снятие украшений, развязывание шнурков, расплетение волос, прощание с родными и близкими; «страшная боль» во время родов, роды – пытки, ужас, война. Возвращение домой, наоборот, окрашено радостью, эйфорией, гордостью за пребывание в статусе матери.

Значительные изменения в жизни общества, которые произошли за последние сто лет, оставили неизменными восприятие родов как пересечения границы между мирами и остаются актуальными в рассказах наших современниц.

Литература

1. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб: Наука, 1993.
2. Белоусова Е.А. Представления и верования, связанные с рождением ребенка: современная городская культура: автореф. дис. на соискание ученой степени канд. культурологии: спец. 24.00.01 «Культурология». М., 1999.
3. Белоусова Е.А. (1) Современный родильный обряд. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/belousova4.htm>. Дата обращения: 2.08.20.
4. Борисенко В.К. Обряди перших років життя людини // Народна культура українців: життєвий цикл людини: історико-етнографічне дослідження: у 5 т. / наук. ред. М. Гримич. Т. 1: Діти, дитинство. Дитяча субкультура. К.: Дуліби, 2008. С. 82–95.
5. Бріцина О.Ю. Українська усна традиційна проза: питання текстології та виконавства. К.: Інститут мистецтвознавства,

фольклористики та етнології ім. М. Т. Рильського НАН України, 2006.

6. Вагилевич І. Бабини у слов'ян // Гвоздевич С. З архіву Івана Вагилевича / перекл. з польськ. М. Гвоздевич // Народознавчі зошити. 2009. № 1–2. С. 281–284.

7. Гвоздевич С. Пологи та ритуальні дії баби-повитухи при народженні дитини в українців Молдови // Народознавчі зошити. 2010. № 5–6. С. 618–629.

8. Геннеп А. ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов / пер. с фр. Ю. Ивановой, Л. Покровской; послесл. Ю.В. Ивановой. М.: Восточная литература РАН, 2002.

9. Гузій Р., Горошко Л. Родильні звичаї та обряди на Старосамбірщині: за матеріалами польових досліджень // Народознавчі зошити. 2010. № 5–6. С. 611–617.

10. Дитина в звичаях і віруваннях українського народу. Матеріали з полудневої Київщини / [зібрав Мр. Грушевський; обробив З. Кузеля] // Матеріали до українсько-руської етнології. – Львів. – 1906. – Т. 8. – 220 с.; 1907. – Т. 9. – 144 с.

11. Кондратович О.П. Народини, або Дарована Богом свіча: родильні звичаї Західного Полісся. Луцьк: Волинська обласна друкарня, 2004.

12. Маєрчик М. Ритуал і тіло. Структурно-семантичний аналіз українських обрядів родинного циклу. К.: Критика, 2011.

13. Седакова И. А. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М.: Индрик, 2007.

14. Фольклорні записи Марка Вовчка та Опанаса Марковича / упоряд. О.І. Дей. К.: Наукова думка, 1983.

15. Щепанская Т.Б. Сокровенное материнство // Секс и эротика в русской традиционной культуре / сост. А.Л. Топорков. М.: Ладомир, 1996.

16. Щербак І. Діти у народній термінології: лексика і символіка // Народна культура українців: життєвий цикл людини: історико-етнографічне дослідження: у 5 т. / наук. ред.

М. Гримич. Т. 1: Діти, дитинство. Дитяча субкультура. К.: Дуліби, 2008. С. 50–59.

17. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость / пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. СПб: Алетейя, 1998.

18. Fine E. C. The Folklore Text: From Performance to Print. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1994.

19. Kowalcki P. Dziecko // Kultura magiczna: omen, przesąd, znaczenie. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2007. S. 471–476.

OKSANA LABASHCHUK, TETIANA RESHETUKHA

Childbirth as a crossing the border between the worlds in modern mothers' stories

Abstract. The article examines how the features of the archaic ritual of transition are reflected in the modern maternity rite. The material for the study was the personal stories of about 500 women about their personal experiences of pregnancy and childbirth, recorded using the method of narrative interview. The text of the interview, a natal narrative, is viewed from the point of view of semiotics as a sign of culture. Among the main features of the transition ritual, which our contemporaries mention, we can single out the story of the road to the maternity hospital full of obstacles and difficulties, passing the sanitary inspection, the «terrible maternity hospital», depriving a woman of her usual status in the form of changing clothes, unweaving her hair,

removing jewelry, untying shoelaces; the comparison of pain during birth with torture, horror, war; joy and euphoria when returning home with the child. Changes in medicine, society, and women's psychology leave the perception of childbirth as crossing the border between the worlds unchanged.

Key words: border, liminar, motherhood, natal narrative, mythological representations, oral tradition.

Literatura

1. Bajburin A.K. Ritual v tradicionnoj kulture: strukturno-semanticeskij analiz vostochnoslavjanskij obryadov. SPb: Nauka, 1993.
2. Belousova E.A. Predstavleniya i verovaniya, svyazannye s rozhdeniem rebenka: sovremennaya gorodskaya kultura: avtoref. dis. na soiskanie uche-noj stepeni kand. kulturologii: spec. 24.00.01 «Kulturologiya». M., 1999.
3. Belousova E.A. (1) Sovremennyj roditelnyj obryad. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.ruthenia.ru/folklore/belousova4.htm>. Data obrasheniya: 2.08.20.
4. Borysenko V.K. Obriady pershykh rokiv zhyttia liudyny // Narodna kultura ukraintsiv: zhyttievyy tsykl liudyny: istoryko-etnohrafichne doslidzhennia: u 5 t. / nauk. red. M. Hrymych. T. 1: Dity, dytynstvo. Dytiacha subkultura. K.: Duliby, 2008. S. 82–95.
5. Britsyna O. Yu. Ukrainska usna tradytsiina proza: pytannia tekstolohii ta vykonavstva. K.: Instytut mystetstvoznavstva, folklorystyky ta etnolohii im. M.T. Rylskoho NAN Ukrainy, 2006.
6. Vahylevych I. Babyny u slovian // Hvozdevych S. Z arkhivu Ivana Vahylevycha / perekl. z polsk. M. Hvozdevych // Narodoznavchi zoshyty. 2009. № 1–2. S. 281–284.
7. Hvozdevych S. Polohy ta rytualni dii baby-povytky pry narodzhenni dytyny v ukraintsiv Moldovy // Narodoznavchi zoshyty. 2010. № 5–6. S. 618–629.

8. Gennep A. van. Obryady perehoda: sistematicheskoe izuchenie obryadov / per. s fr. Yu. Ivanovoj, L. Pokrovskoj; poslesl. Yu. V. Ivanovoj. M.: Vostochnaya literatura RAN, 2002.

9. Huzii R., Horoshko L. Rodylni zvychai ta obriady na Starosambirshchyni: za materiala-my polovykh doslidzhen // Narodoznavchi zoshyty. 2010. № 5–6. S. 611–617.

10. Dytyna v zvychaiakh i viruvanniakh ukrainskoho naroda. Materiialy z poludnevoi Kyivshchyny / [zibrav Mr. Hrushevskiy; obrobyv Z. Kuzelia] // Materialy do ukransko-ruskoj etnologii. Lviv. 1906. T. 8; 1907. T. 9.

11. Kondratovych O. P. Narodyny, abo Darovana Bohom svicha: rodylni zvychai Zakhidnoho Polissia. Lutsk: Volynska oblasna drukarnia, 2004.

12. Maierchuk M. Rytual i tilo. Strukturno-semantychnyi analiz ukrainskykh obriadiv rodynnoho tsyклу. K.: Krytyka, 2011.

13. Sedakova I. A. Balkanskie motivy v yazyke i kulture bolgar. Rodinnyj tekst. M.: Indrik, 2007.

14. Folklorni zapysy Marka Vovchka ta Opanasa Markovycha / uporiad. O. I. Dei. K.: Naukova dumka, 1983.

15. Shepanskaya T. B. Sokrovennoe materinstvo // Seks i erotika v ruskoj tradicionnoj kulture / sost. A. L. Toporkov. M.: Ladomir, 1996.

16. Shcherbak I. Dity u narodnii terminologii: leksyka i symbolika // Narodna kultura ukrainsiv: zhyttievyi tsykl liudyny: istoryko-etnografichne doslidzhennia: u 5 t. / nauk. red. M. Hrymych. T. 1: Dity, dytynstvo. Dytiacha subkultura. K.: Duliby, 2008. S. 50–59.

17. Eliade M. Mif o vechnom vozvrashenii. Arhetipy i povtoryaemost / per. s fr. E. Morozovoj, E. Murashkincevoj. SPb: Aletejya, 1998.

18. Fine E. C. The Folklore Text: From Performance to Print. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1994.

19. Kowalcki P. Dziecko // Kultura magiczna: omen, przesąd, znaczenie. Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 2007. S. 471–476.

Адрес электронной почты авторов:

lagoshnyak@ukr.net, reshtetyana@gmail.com

ОЛЕГ ЛЕЩАК

Предметные и субъектные границы человеческого опыта: металогика – логика – семантика

В статье рассматривается категория границы на трех уровнях обобщения – металогическом, логическом и семантическом (когнитивном). На металогическом уровне граница рассматривается как критическая точка отношения различия / тождества и одна из базовых категорий человеческой психомыслительной деятельности. Концептуальной базой металогических размышлений являются работы И. Канта, В. Джемса, И.А. Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра. На уровне логическом граница концептуализируется как производная трех логических процедур: демаркации, лимитации и терминации. Основной акцент в статье делается на анализ категории границы на семантическом уровне. В первую очередь анализируются понятия предметной и субъектной границы. Автор приходит к выводу, что предметные границы всецело зависят от информационных и прагматических субъектных границ (прежде всего личностных), а также что категория границы является информационным инструментом формирования картины мира.

Ключевые слова: граница, отношение, различие, демаркация, лимитация, терминация, предметные и субъектные границы.

Концепт или концептуальная категория границы может рассматриваться на нескольких уровнях обобщения и на каждом из них понимание этой функции нашего мышления будет несколько иным. Мне видится, как минимум, три таких уровня или три различных поля концептуализации идеи границы – металогическая (базовая), собственно логическая (теоретическая или методологическая) и семантическая (когнитивная), которую можно считать практической или утилитарной. Понятно, что мышление о границе как пространственном феномене, т.н. «ничейной земле» или «нейтральной полосе», расположенной между территориями стран, является лишь одной из множества собственно семантических (утилитарных) понятийных реализаций логической (мыслительной) категория границы, при этом не всегда покрывающейся с собственно топографическим или правовым пониманием границы как умозрительном представлении о разделении пространств государств. Возможны также другие утилитарные и когнитивные (т.е. определяемые обыденной картиной мира) представления о границах (условных разделительных линиях или точках) между вещами, лицами, их совокупностями, между понятиями или представлениями или же представления о пределах каких-то объектов¹. Все они так или иначе сводятся к логическим категориям разграничения или разделения пространства или времени (ведь мысленные границы можно проводить не только в реальном или интеллигибельном пространстве, но и во времени).

Металогическое понимание границы как критической точки отношения различия / тождества

Для того, чтобы устанавливать или искать разного рода условные или реальные границы, необходимо обладать механизмами членения опыта – как сенсорного, так

¹ Анализ словарных и энциклопедических определений границы был уже мною предпринят в одной из работ [Leszczak 2014].

и когнитивного, как объектного (внешнего), так и субъектно-го (внутреннего). А это могут обеспечить только категории, названные выше *металогическими*.

С позиций функционально-прагматической (антропоцентрической и реляционистской) методологии [см. Лещак 1996; Заика 2006: 3–13; Лещак 2008; Leszczak 2008; Stefański 2014: 9–85; Król 2014: 87–129; Просяник 2018a: 51–62], металогический уровень упорядочения человеком опыта является основанием и условием *sine qua non* бытования опыта как такового. Базовой первичной категорией этого методологического подхода является *отношение* (связь – взаимность – взаимодействие – функция) *различия / тождества*. Различие в этом способе мировидения становится основанием бытования любого вида информации, как сенсорно-когнитивной информации о энергоматериальных объектах, так и эмоционально-волевой информации о самом себе как субъекте. Отсутствие различия порождает эффект отсутствия информации. Неразличение звуков, цветов или форм ведет к существованию в беззвучном, бесцветном и бесформенном мире, неразличение же понятий ведет к их отсутствию. Различие – онтологическая база бытования опыта, неразличение же – есть информационная пустота.

В основе различения сенсорных данных, согласно И. Канту, лежат категории пространства и времени. Без них мы бы не выделили во внешнем опыте ни одного объекта и не отличили бы объектов друг от друга, а также не отличили бы прежних состояний объектов от последующих (а значит, не замечали бы изменений). В свою очередь, без категориального различения количественных (единство vs. множество), качественных (наличие vs. отсутствие) и реляционных (субстанция – акциденция vs. причина – следствие) понятий у нас не было бы никаких представлений о вещах и их свойствах, а также о процессах и их обстоятельствах. То же касается и модальных категорий возможного / невозможного

vs. действительного / недействительного, без разграничения которых человек не отличил бы реальности от вымысла и сна от яви.

Аналогично выглядят и основания формирования аксиологических категорий (идеалов чистого разума, ценностей, максим), а также категорий социализации (политики в широком понимании этого термина). Как заметил польский философ политики Рышард Стефаньски,

«(...) оценка не может состоять в простом акте отношения к определенному объекту здесь-и-сейчас, а предполагает более сложную систему отношений и первым таким отношением является противопоставление одного субъектного отношения другому, а в итоге – противопоставление данного оцениваемого объекта другому объекту нашей оценки» [Stefański 2014: 52], а

«Каждый элемент политического пространства (...) понимается как совокупность функциональных отношений разного типа в их тесной связи друг с другом» [Stefański 2014: 10]

Как видим, функционально-прагматическая реляционистская парадигма представляет собой своеобразное «противоядие» как для крайнего атомизма, так и для крайнего холизма. Таким образом, если рассматривать стороны чувственных и понятийных функций человеческого опыта как актанты отношений, то в этом, металогическом смысле граница – это не что иное, как *критическая точка различия или тождества*, т.е. то место / тот момент времени, в котором некоторые объекты различаются, или то место / тот момент времени, преодолев / устранив которые, они отождествляются.

У представляемой здесь позиции три теоретических источника – критический трансцендентализм И. Канта, прагматизм В. Джемса и семиологический функционализм Ф. де Соссюра и И. А. Бодуэна де Куртенэ.

Обратим внимание на Кантово понимание ключевых категорий – пространства и времени, субстанции и процесса, возможности и действительности, сознания и материи, составляющих основу нашего опыта и наших представлений о мире:

«(...) пространство, которое вместе со всем, что в нем содержится, состоит из одних лишь формальных или же реальных отношений (...)» [Кант 2006: 445];

«Все, что в нашем познании принадлежит к созерцанию (...), содержит одни лишь отношения, а именно отношения мест в созерцании (протяжение), | отношения перемены мест (движение) и законы, по которым определяется эта переменная (движущие силы). Но то, что находится в данном месте, или то, что действует в самих вещах, кроме перемены места, этим не дано. Между тем вещь сама по себе не познается из одних только отношений. Отсюда вполне можно сделать вывод: раз внешнее чувство дает нам лишь представления об отношении, то и оно может содержать в своем представлении только отношение предмета к субъекту, а не то внутреннее, что присуще объекту самому по себе» [Кант 2006: 129];

«Внутренние же определения субстанции, являющейся [нам] в пространстве (*substantia phaenomenon*), суть не что иное, как отношения, и сама такая субстанция целиком есть совокупность одних лишь отношений» [Кант 2006: 423];

«Действование уже означает отношение субъекта причинности к действию [следствию]» [Кант 2006: 341];

«(...) все, что мы знаем о материи, сводится к одним лишь отношениям» [Кант 2006: 445];

«(...) единство сознания есть то, что составляет одно лишь отношение представлений к предмету, стало быть, их объективную значимость, следовательно, превращение их в познания; на этом единстве, стало быть, основывается сама возможность рассудка» [Кант 2006: 209];

«Но поскольку возможность была лишь позицией вещи в отношении к рассудку (к эмпирическому употреблению его), постольку действительность есть вместе с тем связь вещи с восприятием» [Кант 2006: 383],

и, как результат:

«В самом деле, законы существуют не в явлениях, а только в отношении к субъекту, которому явления присущи, поскольку субъект обладает рассудком, точно так же как явления существуют не сами по себе, а только в отношении к тому же существу, поскольку оно имеет чувства» [Кант 2006: 241].

О чем свидетельствует это упорное выдвигание Кантом категории отношения на передний план рассуждений о сущности человеческого опыта и сущности его объекта (мира)? Только о том, что основанием любого сущего-для-нас является отношение, а это последнее имеет место только там, где есть различие и возникает только тогда, когда появляется различие, т.е. там и тогда, где и когда возникает / устанавливается граница.

Сходное металолическое понимание человеческого опыта взаимодействия с миром, другими существами и самим собой было у Вильяма Джемса. Основу его составила идея информационной относительности чувственного и понятийного опыта, а также относительности всякого знания (и дискурсивного, и интуитивного) как в социальном, так и в деятельностном отношении:

«Наш ум ... стиснут между гранями, которые ему полагают явления чувственного мира, с одной стороны, и умственные, идеальные отношения – с другой» [Джемс 1995: 105];

«Всякий из нас по-своему разделяет мир на две половинки, и для каждого почти весь интерес жизни сосредоточивается на одной из них, но пограничная черта между обеими половинками одинакова: «я» и «не-я» (...) Каждый из нас раздваивает мир по-своему» [Джемс 1991: 78].

«... нет ни научного, ни иного метода, с помощью которого люди могли бы благополучно проплыть между двумя противоположными опасностями: недостатком и избытком веры» [Джеймс 1997: 6];

«(...) социальная эволюция является результатом взаимодействия двух совершенно различных факторов – личности, которая обязана своими дарованиями игре физиологических и других внесоциальных сил, но таит в себе силу инициативы и порождения – и социальной среды, обладающей силой принимать или отвергать личность с ее дарованиями. (...) Оба фактора необходимы для изменений: общество коснеет без импульсов, идущих от личностей, а импульсы замирают без поддержки общества» [Джеймс 1997: 147].

Фундаментальную значимость понятия различия для Джемса может проиллюстрировать несколько казусный пример, связанный с опытами ученого с веселящим газом, которые он проводил над своим сознанием. Единственной осмысляемой фразой, записанной им в состоянии измененного сознания оказалась: *There are no differences but differences of degree between different degrees of difference and no difference* [James 1882].

Принципиально реляционистскую позицию в вопросах онтологии человеческого языкового опыта (в первую очередь в области фонетики и фонологии, т.е. дисциплин, максимально связанных с сенсорной стороной языковой деятельности) занимал и польско-русский языковед И. А. Бодуэн де Куртенэ:

«Подлинные звуки языка (...) суть оформленные, поставленные в известные взаимные отношения друг к другу (...)» [Бодуэн де Куртенэ 1963, I: 259];

«(...) жизнь языка заключается в ассоциации представлений в самых различных направлениях» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 59];

«Усиление же как работоспособности органов верхних и передних, так и относящейся к ним психической различаемости объясняется свойственной им определенностью, ясностью и выразительностью (...) Общая же сложная различаемость разлагается на следующие частные различаемости: различаемость звука как объективного, физического явления; различаемость мускульного чувства; различаемость акустических впечатлений; различаемость фонетических представлений» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 126–127];

«Разные формы известного слова не образуются во все одна из другой, а просто сосуществуют. Конечно, между ними устанавливается взаимная психическая связь, и они друг друга обуславливают и путем ассоциации одна другую вызывают» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 143];

Практически все фонетические, грамматические или семантические анализы Бодуэна строятся на оперировании терминами *различение*, *противопоставление* и *взаимное влияние*, а сама языковая деятельность (или *языковое мышление*) понимается как отношение психо-социальной деятельности

с психофизиологической работой организма (а в перспективе – с нейропсихофизиологической работой мозга).

Еще более радикально к вопросу о различии или разнице как основополагающем принципе онтологии семиотического опыта подходил Фердинанд де Соссюр. Естественно, я опираюсь не на довольно сомнительный текст «Курса общей лингвистики», созданный Альбером Сеше в соавторстве с Шарлем Балли, а на «Заметки по общей лингвистике» и, в первую очередь, на рукопись «О двойственной сущности языковой деятельности» („De l'essence double du langage”) [Saussure 2002].

То, на что здесь следует обратить внимание, это радикальный реляционизм концепции Соссюра, заключающийся в определении всех лингвальных единиц как негативных величин (*quantités négatives*), разного рода функций отношения (*relation, quantités relatives, rapport*), оппозиций (*opposition*) и разнородностей (*diversité*). Но ключевым понятием соссюровской концепции онтологии языковой деятельности все же следует считать понятие *différence* (‘различие, разница’), понимаемое им как отношение, конституирующее все лингвальные факты, начиная от фонетической фигуры и формы знака, а также смысла и значения слова, заканчивая предложениями и текстами (подробнее анализ соссюровского реляционизма см. в работе: [Проряник 2018б: 128–199]). Приведу лишь несколько характерных цитат из указанного источника:

«(...) c'est là la première application rudimentaire, mais déjà incontestable, du principe des OPPOSITIONS, ou des VALEURS RÉCIPROQUES, ou des QUANTITÉS NÉGATIVES et RELATIVES qui créent un état de langue» [Saussure 2002: 25];

«(...) la science du langage soit placée à part: en ce que les objets qu'elle a devant elle n'ont jamais de réalité en soi, ou à part des autres objets à considérer; n'ont

absolument aucun substratum à leur existence hors de leur différence ou en DES différences de toute espèce que l'esprit trouve moyen d'attacher à LA différence fondamentale (mais que leur différence réciproque fait toute leur existence à chacun): mais sans que l'on sorte nulle part de cette donnée fondamentalement et à tout jamais négative de la DIFFERENCE de deux termes, et non des propriétés d'un terme» [Saussure 2002: 65];

«On ne saurait assez insister sur ce fait que les valeurs dont se compose primordialement un système de langue (un système morphologique), un système de signaux ne consistent ni dans les formes ni dans les sens, ni dans les signes ni dans les significations. Elles consistent dans la solution particulière d'un certain rapport général entre les signes et les significations, fondé sur la différence générale des signes plus la différence générale des significations plus l'attribution préalable de certaines significations à certains signes ou réciproquement» [Saussure 2002: 28–29],

В конце концов Соссюр фактически определяет не только всякий смысл (знание, содержание, информацию) через понятие разницы:

«Sens = valeur différente» [Saussure 2002: 28],

но и каждый лингвальный факт определяет как совокупность отношений

«Tout fait linguistique consiste en un rapport, et consiste en rien d'autre qu'en un rapport» [Saussure 2002: 262],

а первым универсальным свойством языковой деятельности считал существование в форме различий:

«Le premier caractère universel du langage est de vivre au moyen de différences et de différences seules, sans aucunement mitigation comme celle qui proviendrait de

l'introduction d'un terme positif quelconque à un moment quelconque» [Saussure 2002: 264].

Таким образом, в металолическом отношении границу можно определить как производную *отношений*, в первую очередь, отношения различия, конституирующего все без исключения элементы человеческого опыта.

Логические аспекты понимания границы как демаркации, лимитации и терминации опыта

Логический уровень опыта можно определить как сферу определения мыслительной стратегии опытной деятельности. Как же на этом уровне можно мыслить границу? Мне видятся три такие возможности. Граница мыслится:

а) либо как линия размежевания пространств или временной разрыв, переходная «зона» между смежными пространствами или отрезками времени и одновременно место перехода из одного в другое (такое понимание можно назвать *демаркационным*),

б) либо как линия, замыкающая и ограждающая внутреннее пространство от внешнего, или же временная цезура, т.е. две точки на шкале времени, ограждающие внутренний временной отрезок от внешних, которые являются преградой во взаимодействии внутреннего и внешнего пространства / отрезка времени (назовем такую трактовку границы *лимитационной*),

в) либо как крайний предел возможностей функционирования в реальном или виртуальном пространственно-временном континууме (это тип понимания границы можно назвать *терминационным*).

Впрочем, ничто не мешает объединять эти три видения в более комплексную трактовку границы, хотя обычно демаркация предполагает противостояние или разведение выделенных объектов, лимитация – ограничение и обособление

объекта на определенном фоне, а терминация – стремление объекта к достижению чего-либо или же недопущения чего-либо в ходе его функционирования. Несложно понять, что это довольно различные стратегии, влияющие на способ мышления и организации деятельности. Если демаркация предвидит дуальную оппозицию по смежности и предвидит лишь процедуры размежевания, отделения или разделения, то лимитация носит, скорее, изолирующий (атомизирующий) или дискретизирующий характер и сосредоточена на процедурах установления отдельности объекта, поиска его особенностей, сущностных характеристик, его индивидуализации и выделения из системы. В последнем же случае (при терминации) объект мыслится не столько системно или структурно, как в первых двух случаях, сколько функционально, а граница служит положительным (предел устремлений) или отрицательным (избегаемый предел) целевым маркером деятельности объекта.

Последствиями установки на демаркацию могут быть процедуры дробления целого, отделения пространств (реальных или виртуальных), размежевания предметов или явлений, разделения смежных понятий или суждений, раздела компетенций, разграничения обязанностей, отделение сторон и под. Лимитация влечет за собой выделение части из целого, очерчивание силуэта целостного объекта, установление границ некоторого единства, сосредоточение на внутренних признаках в противопоставлении внешнему фону, изоляции объекта от окружения. Наконец, терминация ведет к поиску целеполаганий, точки отсчета или пункта назначения в деятельности, предполагает стремление к достижению предела и его преодолению.

Установление всех остальных, более конкретных в семантическом отношении границ является уже производной этой логической дистрибуции.

Семантическое понимание границы как инструмента концептуализации предметного и субъектного опыта

Сосредоточимся на когнитивных основаниях семантического наполнения категории границы при формировании обыденной или обиходно-бытовой картины мира.

В первую очередь на этом уровне концептуализации человек отличает предметные (объектные или функциональные) границы от границ чисто информационных, т.е. субъектных или прагматических. В очень большом упрощении можно сказать, что предметные границы мы ищем и находим (обнаруживаем), основываясь на прежнем опыте, а субъектные – устанавливаем, исходя из целевых установок. Казалось бы, предметные границы должны каким-то образом коррелировать с энергоматерией и сенсорным опытом, а информационные (субъектные) – с опытом понятийной концептуализации. Но это было бы слишком упрощенное понимание дуализма человеческого опыта. Рассмотрим это на примере опыта демаркации, лимитации и терминации чувственной эмпирии, направленной на интеракцию человека с миром вещей. В этом мире обычно принято выделять разного рода субстанциальные объекты: природные (натрфакты) или искусственные (артефакты). Основа разграничения такого рода объектов носит чисто пространственный характер и состоит в установлении более четких (дискретных) или менее четких (плавных) границ, т.е. демаркации и лимитации, что неизменно порождает проблему пространственной самоидентифицируемости данного объекта.

В принципе, демаркацию и лимитацию артефактов можно было бы элиминировать при рассмотрении этой проблемы, т.к. они по определению созданы по информационному образцу и плану, а значит, их дискретность полностью производна от информационной, субъектной и прагматической установки создавшего их человека. Проблемным, однако, остается размежевание друг от друга и выделение из

естественной среды натурфактов, их частей и свойств, поскольку мир природы представляет собой пространственно-временной континуум, на что в свое время обращал внимание Вильям Джемс в своей «Психологии», обсуждая сущность потока сознания:

«Из того, что само по себе представляет беспорядочное неразличимое сплошное целое, лишенное всяких оттенков и различий, наши органы чувств, отвечая на одни движения и не отвечая на другие, создали мир, полный контрастов, резких ударений, внезапных перемен и картинных сочетаний света и тени» [Джемс 1991: 77].

При этом сам чувственный опыт созерцания не дает нам возможности установления четких границ в мире природы, тем более установления в нем родо-видовых отношений (установления таксономических и типологических границ). Сам этот мир становится миром множества натурфактов и природных процессов, свойств и обстоятельств только благодаря нашей мыслительной способности разграничивать и выделять объекты при помощи понятий. Об этом Джемс писал в «Прагматизме»:

«Что мы называем вещью? По-видимому, это дело нашего полного произвола, ибо мы в зависимости от своих потребностей выделяем, что угодно, подобно тому как мы выделяем созвездия (...) мы по своему произволу делим поток чувственного опыта на вещи. Мы создаем субъекты как наших истинных, так и ложных суждений» [Джемс 1995: 125–126];

««Мир (...) по существу своему ὕλη [бесформенная материя – О. Л.], он то, чем мы его делаем. Бесплезно было бы определять его через то, чем он был первоначально, или через то, что он такое отдельно от нас; он есть то, что из него делают. Таким образом мир пластичен» [Джемс 1995: 120].

При помощи логических операций установления границ среди натурфактов можно выделять собственно холитивные (целостные дискретные предметы) и коллективные феномены (ряды и агрегаты), а также феномены партитивные (части дискретных предметов, рядов и агрегатов). К партитивным феноменам можно отнести части тел, организмов и пространственных феноменов (полей, гор, лесов, пустынь, воздуха, водоемов). При этом большинство партитивных и коллективных феноменов не обладает четкими физическими границами, являясь континуальными сущностями. Их партитивность или коллективность определяется лишь степенью познанности данных объектов человеком, а в еще большей степени – их функциональностью и прагматичностью для человеческого опыта. Следовательно как партитивные, так и коллективные объекты производны от инфофактов (сведений, образуемых умственными спекуляциями, проще говоря, понятий).

Растения по определению недискретны (кроме плодов, иногда становящимися холитивами). Их корневая система уходит в землю и не дана нам в сенсорном восприятии. Более того, в функционально-процессуальном отношении растения всегда часть экосистемы (т.е. партитивы) и, будучи отделенными от нее, гибнут. Аналогичны и многие животные особи, неотделимые от своей среды существования. Однако в субстанциальном отношении то, что может перемещаться с места на место без деструкции внутренней структуры, можно назвать холитивным предметом (например, особь животного, плод растения, обособленную часть некоторого целого, продукт физиологической деятельности и под.).

Однако даже в случае холитивов мы сталкиваемся с гораздо более важным механизмом таксономии (классификации или типологизации), который демонстрирует невозможность информационной дискретизации особи в пределах вида, рода, класса или типа. Отдельные объекты мы идентифицируем по

их атрибутам и окружению (т.е. по референтивным признакам), а не по их классификационным признакам. Не оценив черт данной особи или данной вещи, мы не можем отделить одну от другой в рамках одного класса, если в нашем эмпирическом поле не находится одновременно два таких объекта. Но выделение референтивных признаков объекта (равно как и установление его категориальной отнесенности) – это чисто информационные процедуры, состоящие в установлении информационных границ. Так определения *коричневый, высокий, круглый, шершавый, громкий, правый, нижний, третий, приятный, веселый, старый, лесной, водный* и под. требуют установления понятийной границы между самим объектом и приписываемым ему атрибутом. Аналогично и с приписыванием атрибутов процессуального плана – *летит, сидит, лежит, оторвался, сломался, постарел, вернулся, засох* и под. Все перечисленные свойства предмета, мыслимые как физические, имманентны ему и не отделены от него какими-либо границами.

На это также в свое время обращал внимание Джемс:

«Постоянная „вещь“, „та же самая“ вещь и ее различные „явления“ и „изменения“; различные «роды» вещей, вещь как „субъект“, по отношению к которому „род“ является „предикатом“, – все это понятия, с помощью которых мы вносим порядок в запутанное чувственное многообразие, в поток нашего непосредственного опыта. И в конце концов человек с помощью этих логических инструментов вводит порядок только в незначительнейшую часть своего опыта (...) Роды и тождество родов – какими могучими логическими орудиями, помогающими нам ориентироваться в мире многого, являются для нас эти понятия!» [Джемс 1995: 90].

Вывод – весь мир природы с наличествующими в нем границами между отдельными объектами – это лишь видимость

системы дискретных (разграниченных) натурфактов. Все эти границы – результат прагматически (каузально и телеологически) определенной психомыслительной опытной деятельности субъекта картины мира, а значит и само понятие границы – исключительно информационное.

Насколько решение проблемы предметной границы зависит от квалификации объекта, которого она касается, настолько же проблема границы информационной зависит от квалификации субъекта, который эту границу устанавливает в рамках своего опыта.

Возникает два вопроса: *кто этот субъект* (и насколько границы, которые он устанавливает внутри своего опыта, отличаются от границ, устанавливаемых другим субъектом) и *где проходят границы* опыта этого субъекта с опытом других субъектов (замечу, что разговор об интерперсональных границах между самими субъектами автоматически возвращает нас в область рассуждений о физических границах между объектами).

Можно выделить лишь три вида субъектности – *индивидуальную* (касающуюся каждого субъекта в отдельности), *видовую* (касающуюся всех субъектов данного вида или категориального класса) и *популяционную* (касающуюся только определенной группы таких субъектов) (идея тройственности субъектности заимствована мной у Р. Стефанского [Stefański 2013]). А значит теоретически можно говорить о трех видах границ – видовых, популяционных и индивидуальных (в случае человека – личностных). А беря во внимание то, что каждый опыт может и должен отделяться от другого опыта, можно также говорить о границах межвидовых, межпопуляционных и межличностных.

Видовые границы касаются прежде всего информационных возможностей представителей данного вида (определяются способом организации информационных механизмов – сенсорики, когниции, эмоциональности и волитивности). При

всем разнообразию людей, все они обладают сенсорным восприятием, эмоциональностью, волевыми механизмами и способностью мышления, включая речемышление. Различия же носят обычно либо популяционный, либо индивидуальный характер. Основная проблема видовых границ – это межвидовая граница человеческого опыта с опытом нечеловеческим (теоретически – других видов мыслящих существ, практически же – животных).

В конце XVIII века И. Кант, рассуждая о видовой границе человечества, резонно указал на невозможность говорить о ней в категориях рода разумных существ, т.к. других разумных существ мы не знаем:

«Пусть высшим родовым понятием будет понятие *живущего на земле* разумного существа, но тогда мы не сможем определить его характер, так как мы ничего не знаем о разумном, неземном существе, чтобы указать особенность его и таким образом быть в состоянии характеризовать земное существо среди разумных существ вообще» [Кант 1999: 1506],

поэтому единственное, что нам остается, – это провести границу между нами как животными разумными и другими животными:

«Следовательно, для того чтобы указать человеку его класс в системе живой природы и таким образом охарактеризовать его, нам ничего не остается, как только утверждать, что он обладает характером, который он сам себе создает, будучи в состоянии совершенствоваться согласно своим самому себе поставленным целям; тем самым он, как животное, наделенное способностью быть разумным (*animal rationabile*), может сделать из себя *разумное* животное (*animal rationale*)» [Кант 1999: 1506]

и тут же указывает на существеннейшие черты этого разграничения:

«Среди живых *обитателей земли* человек своими техническими (механическими, связанными с сознанием) задатками (для пользования вещами), своими прагматическими (для умелого использования других людей ради своей цели) и *моральными* задатками в своей сущности (для действий согласно принципу свободы под законами по отношению к себе и другим) заметно отличается от всех остальных природных существ; каждая из этих трех ступеней может уже сама по себе служить характерным отличием людей от других обитателей земли» [Кант 1999: 1507].

Но что мы можем сказать об опыте животных в отвлечении от нашего собственного опыта, т.е. в отрыве от отношений, устанавливаемых между нами самими? Можно экспериментировать над животными и исследовать их опыт исключительно в наших, человеческих опытных категориях, антропологизируя их поведение.

Следовательно, Кант был прав – наша видовая граница проходит там, где мы ее сами устанавливаем с учетом наших знаний и опыта интеракций с животными или же с учетом наших спекулятивных представлений о внечеловеческих субъектах (религиозно-мифологических или внеземных).

Гораздо больше возможностей дает нам исследование границ *межпопуляционных*, хотя они весьма условны и размыты, предвидят обширные переходные зоны и, признаемся честно, нерелевантны для нашей проблемы, поскольку не являются собственно границами. Это, скорее, целые пограничные области. Относительны все межпопуляционные границы – межцивилизационные, межкультурные, межкастовые, межклассовые (социальные), межэтнические, межкогортные (межвозрастные), межгрупповые, межрасовые, гендерные и любые другие. Все популяционные границы определяются ценностями, а таковые всегда вырабатываются в опыте

путем воспитания или консенсуса, поэтому системы ценностей никогда не бывают целостными и тождественными в качественном и количественном отношении. А значит информационные границы между популяциями всегда условны и могут сильно варьироваться. Степень жесткости таких границ зависит от степени кибернетизма системы общественного управления: чем больше в ней кибернетических механизмов разграничения, тем четче границы, чем более система синергетична, тем более эти границы размываются, что доказывает их виртуальность. Недаром чувство отнесенности к какой-то популяционной группе Бодуэн де Куртенэ называл *фикцией коллективности* или *фикцией общества* [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 190], а реальную личностную определенность конкретного человека – *коллективной индивидуальностью* [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 207] и *психично-общественным явлением* [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 200–201]. Каждый человек представляет собой микросообщество как в опытном, так и в собственно языковом плане:

«(...) все люди пользуются различными языками в различные моменты жизни; это зависит от различных душевных состояний, от различного времени дня и года, от различных возрастных эпох жизни человека, от воспоминании о прежнем индивидуальном языке и от новых языковых приобретений» [Бодуэн де Куртенэ 1963, II: 200]

Поэтому сосредоточимся на понятии *личностной* границы, которая в филогенетическом отношении определяет видовые границы человечества (человек как вид таков, каковы отдельные люди), а в отношении онтогенетическом определяется популяцией и человечеством (каждый из нас становится таковым, какие представления о человеке и его популяциях проявляются в среде его становления и существования, а также какие общечеловеческие и популяционные характеристики оказываются у него врожденными). Это

в каузальном отношении. В телеологическом же плане личностный опыт представляет собой единственную экзemplификацию как видового, так и популяционного опыта.

Если говорить о личностных границах, выражающихся в разного рода восприятиях и разных степенях осознания своей отдельности, то их можно разделить на телесные и собственно информационные (хотя телесное чувство отдельности по сути своей также опирается на сенсорную информацию, чувство эмоционального комфорта или дискомфорта, личностные волевые предпочтения и нужды, а также на принятые в данном культурно-цивилизационном сообществе нормы телесного контакта). Телесные границы самым непосредственным образом связаны с идеей физической неприкасаемости или неприкосновенности, проблемами вторжения в личное телесное пространство, соблюдения (или несоблюдения) физической дистанции, реакциями на внешние раздражители. Роль физической личностной границы выполняет не только собственно тело, но и ряд физиологических факторов, вроде ДНК, папиллярных линий, сетчатки глаза и под.

Однако более сложными и проблемными оказываются собственно информационные границы личности – характер, темперамент, картина мира, языковой и поведенческий идиостиль. С этим типом границы связаны такие понятия, как личная собственность, личные данные, имущественные и неимущественные права человека, личное пространство, интимность, тайны и под.

Личностные границы (так же, как и все остальные) представляют собой производную отношений: в данном случае отношений данной личности с другими, поэтому при их установлении должны учитываться как интуитивное или сознательное самоопределение личности, так и мнение более близкого или более далекого окружения. Множественность интеракций человека с социальной средой (т.е. с другими

людьми и их суррогатами, например, институциями) может служить одновременно фактором утверждения и размывания личностных информационных границ. В этом плане возникает парадоксальное раздвоение информационных функций в эссенциальном и каузальном плане. Понятно, что если я что-то ощущаю, переживаю, хочу, знаю или о чем-то думаю, то это мои ощущения, эмоции, проявления воли, знания или мысли. Но в каузальном отношении не всегда легко понять, собственно ли наши эти мысли, идеи, убеждения, чувства, ощущения, или же они у кого-то заимствованы, кем-то нам навязаны или спровоцированы. Большинство информационных черт-маркеров нашей индивидуальности априори носит социальный или социализированный характер: родство, дружба, любовь, ненависть, неприязнь, знакомство, статус, роль, должность, место в иерархии – все это не только требует наличия другого или других (в качестве нетождественной с нами стороны отношений) Даже наиболее ассертивный и творческий нонконформист или индивидуалист-эгоцентрик несвободен в своей информационной деятельности от окружения и не способен быть полностью оригинальным. Это касается не только происхождения или целевого использования информации, относимой к нашему «Я» (находящейся в границах нашего «Я»), но часто и самой онтологии информационной личностной границы. Нередко возникает вопрос: действительно ли какой-то предмет, свойство, процесс, идея относятся к нашему «Я» (т.е. они действительно включены в границы нашего «Я»), или же это нам только так кажется, а может, мы обманываем других и себя, что это наше, а на деле это нам чуждо или не принадлежит. Это может относиться прежде всего к внутреннему определению своих популяционных границ: своей расовой, национальной, социальной, классовой, политической, идеологической принадлежности, однозначности в определении своего пола или гендера, когортной принадлежности,

очерченности характера и темперамента. А значит, оговаривая проблему личностных границ, стоит вспомнить еще два ее аспекта – единство и целостность личностного опыта. Сколько индивидуального и сколько популяционного есть в нашем «Я»? Насколько это «Я» в своих границах едино и целостно? Сколько субъектов опыта находится в его границах? Я говорю о слаженности многообразия выполняемых нами ролей, хотя некоторые исследователи вспомнили бы также патологическое явление множественности личностей. Упомянувшийся уже выше Вильям Джемс в свое время заметил:

«Образует ли река свои берега или же, наоборот, берега образуют реку? Ходит ли человек больше правой ногой или левой? Точно так же невозможно отделить в развитии нашего познания объективный фактор от фактора субъективного» [Джемс 1995: 124].

Оказывается, что информационные границы личности довольно условны и относительны. Но даже при такой постановке вопроса важнее другое. Все популяционные, да и видовые границы – это не что иное, как производные личностных границ (отношения между отношениями). В их основании лежит механизм личностного определения или самоопределения. Только конкретная личность может считать кого-то или себя членом какой-то группы, представителем какого-то народа, какой-то культуры или цивилизации, да и вообще – считать человеком или нет. Таким образом на семантическом (собственно когнитивном) уровне граница как производная операции различения является одним из базовых информационных инструментов формирования карты мира.

Литература

1. Бодуэн де Куртенэ, Иван Александрович. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. Москва, АН СССР, 1963.
2. Джемс, Вильям. Прагматизм. Киев, Україна, 1995.
3. Джемс, Уильям. «Поток сознания». Психология. Москва, Педагогика, 1991, с. 56–80.
4. Джеймс, Уильям. Воля к вере. Москва, Республика, 1997.
5. Заика, Владимир Иванович. Очерки по теории художественной речи. Великий Новгород, НовГУ, 2006.
6. Кант, Иммануил. «Антропология с прагматической точки зрения» Метафизические начала естествознания. Москва, Мысль, 1999, с. 1281–1520.
7. Кант, Иммануил. «Критика чистого разума», Сочинения на немецком и русском языках. Москва, Наука, 2006, т. II, ч. 1.
8. Лещак, Олег. Основы функционально-прагматической теории языкового опыта: аналитика, критика, типология. Тернополь, ТЭИПО, 2008.
9. Лещак, Олег. Языковая деятельность. Основы функциональной методологии лингвистики. Тернополь, Підручники і посібники, 1996.
10. Просяник, Оксана. Фердинанд де Соссюр: деміфологізація концепції. Харків, ХІФТ, 2018б.
11. Просяник, Оксана Петровна. Наукова концепція Ф. де Соссюра: досвід реінтерпретації. Київ, КНУ, 2018а.
12. James, William, Subjective effects of nitrous oxide. *Mind: A Quarterly Review of Psychology and Philosophy*. Oxford, 1882, vol. 7.
13. Król, Martyna. *Typologia homonimii językowej w aspekcie onomazjologiczno-dyskursywnym*. Kielce, UJK, 2014.
14. Leszczak, Oleg. *Lingwosemiotyczna teoria doświadczenia. Tom pierwszy. Funkcjonalno-pragmatyczna metodologia badań lingwosemiotycznych*. Kielce, UJK, 2008.

15. Leszczak, Oleg. „Ontologia czasu i przestrzeni w definicjach słownikowych i encyklopedycznych: analiza konceptualna”. *The Peculiarity of Man*. 2014. nr 19, s. 15–42.

16. Saussure, Ferdinand de. *Écrits de linguistique générale*. Paris, Galimard, 2002.

17. Stefański, Ryszard. „Fundamentalne wartości w realnych dziedzinach ludzkiej działalności. Wartości witalne, ekonomiczne i społeczno-polityczne”. *The Peculiarity of Man*. 2013, 18, s. 245–262.

18. Stefański, Ryszard. *Granice europejskości. Analiza aksjologiczno-politologiczna*, Toruń, Adam Marszałek, 2014.

Object and subject boundaries of human experience: metalogic–logic – semantics

The paper focuses on the category of boundary on the three levels of generalization – metalogic, logical, and semantic (cognitive) ones. On the metalogic level, boundary is considered a critical point of the relation of sameness-difference and one of basic categories of human psychomental activity. The conceptual basis for metalogic reflections are the works by I. Kant, W. James, I.A. Baudouin de Courtenay, and F. de Saussure. On the logical level, boundary is conceptualized as a derivative of three logical procedures: demarcation, limitation, and termination. Special attention is paid to an analysis of the category of boundary on the semantic level. The notions? (ideas?) of objects and subject boundaries are analyzed in the first place. The author comes to a conclusion that object boundaries depend totally on informative and pragmatic subject boundaries (personal most of all) and suggests that the category of boundary is an informative instrument in formation of a picture of the world.

Key words: boundary, relation, difference, demarcation, limitation, termination, object and subject boundaries.

Literature

1. Baudouin de Courtenay, Ivan Aleksandrovich. *Izbrannie trudi po obschemu yazikoznaniyu*: V 2-kh t. Moskva, AN SSSR, 1963.
2. James, William. *Pragmatizm*. Kiev, Ukrayina, 1995.
3. James, William, Subjective effects of nitrous oxide. *Mind: A Quarterly Review of Psychology and Philosophy*. Oxford, 1882, vol. 7.
4. James, William. *Volya k vere*. Moskva, Respublika, 1997.
5. James, William. „Potok soznaniya”. *Psikhologiya*. Moskva, Pedagogika, 1991, С. 56–80.
6. Zaika, Vladimir. Ivanovich. *Ocherki po teorii khudozhestvennoy rechi*. Velikiy Novgorod, NovGU, 2006.
7. Kant, Immanuel. „Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya”. *Metafizicheskie nachala estestvoznaniya*. Moskva, Misl', 1999, s. 1281–1520.
8. Kant, Immanuel. „Kritika chistogo razuma”. *Sochineniya na nemetskom i russkom yazikakh*. Moskva, Nauka, 2006, t. II, ch. 1.
9. Leszczak, Oleg. *Yazikovaya deyatel'nost'. Osnovi funktsional'noy metodologii lingvistiki*. Ternopol', Pidruchniki i posibniki, 1996.
10. Leszczak, Oleg. *Osnovi funktsional'no-pragmaticheskoy teorii yazikovogo opita: analitika, kritika, tipologiya*. Ternopol', TEIPO, 2008.
11. Prosyaniuk, Oksana Petrovna. *Naukova kontseptsiya T. de Saussure'a: dosvid reinterpretatsiyi*. Kiyiv, KNU, 2018a
12. Prosyaniuk, Oksana. *Ferdinand de Saussure: demifologizatsiya kontseptsiyi*. Kharkiv, KhIFT, 2018b.
13. Król, Martyna. *Typologia homonimii językowej w aspekcie onomazjologiczno-dyskursywnym*. Kielce, UJK, 2014.
14. Leszczak, Oleg. *Lingwosemiotyczna teoria doświadczenia. Tom pierwszy. Funkcjonalno-pragmatyczna metodologia badań lingwosemiotycznych*. Kielce, UJK, 2008.

15. Leszczak, Oleg., „Ontologia czasu i przestrzeni w definicjach słownikowych i encyklopedycznych: analiza konceptualna”. *The Peculiarity of Man*. 2014. nr 19, s. 15–42.

16. Saussure Ferdinand. de. *Écrits de linguistique générale*. Paris, Galimard, 2002.

17. Stefański, Ryszard. „Fundamentalne wartości w realnych dziedzinach ludzkiej działalności. Wartości witalne, ekonomiczne i społeczno-polityczne”. *The Peculiarity of Man*. 2013, 18, s. 245–262.

18. Stefański, Ryszard. *Granice europejskości. Analiza aksjologiczno-politologiczna*. Toruń, Adam Marszałek, 2014.

Адрес электронной почты автора:
olegleszczak@o2.pl

КСЕНИЯ ЛУЧЕНКО

*Россия, Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ*

Просветительские платформы самообразования как медийный продукт

Аннотация. В российском сегменте интернета работают два проекта цифрового просвещения, не имеющие мировых аналогов – онлайн-платформы самообразования «Арзамас» и «Постнаука». В статье выдвинута гипотеза, что они могут служить примером того, как научное знание получает легитимацию в условиях культуры соучастия – новой цифровой среде, где девальвированы экспертные статусы и другие традиционные критерии научности. Используя теоретический ресурс Ж.-Фр. Лиотара и Г. Дженкинса, автор демонстрирует, что медийный нарратив позволяет представить научные знания понятным и убедительным для потребителей цифрового контента образом. В тексте сформулированы основания, позволяющие провести разграничения между онлайн-платформами самообразования и сервисами институционализированного онлайн-обучения, и признаки их медийности.

Ключевые слова: цифровое просвещение, онлайн-платформы самообразования, легитимация знания, культура соучастия, медийный нарратив, «Арзамас», «ПостНаука».

Постановка задачи

Концепция культуры соучастия (партиципации), которую применительно к цифровым практикам информационного общества сформулировал и развил американский культуролог и исследователь медиа Генри Дженкинс [Jenkins, 2006, Jenkins, 2009], описывает социум через вовлечённость в производство и распространение самого разнообразного контента. Благодаря многократно усилившимся с развитием цифровых технологий горизонтальным связям, каждый, кто имеет доступ к гаджетам и через них к информационной среде, способен создавать и распространять информацию в разных сферах от политических и гражданских инициатив, до творчества или знаний, вступать в интерактивное взаимодействие со множеством других производителей и распространителей информации, получать реакцию и признание. Культура соучастия предполагает высокую степень саморегуляции и неформальность отношений внутри онлайн-сообществ.

В процессе ретрансляции, так называемого «расшаривания», любым пользователем сообщений (текстовых, визуальных, звуковых), даже тех, в создании которых он не принимал участия, он неизбежно придаёт им новые смыслы, «прибавочную стоимость». Благодаря комментариям и другим формам выражения эмоционального отношения к контенту или его критики, этот контент доходит до конечного потребителя, обрастая дополнительными коннотациями и меняясь, в зависимости от контекста, в который попадает. То есть, в культуре партиципации автор (производитель контента) не просто сотрудничает с пользователями (потребителями, реципиентами), но и, хочет он того или нет, включает их в процесс формирования контента.

Горизонтальная коммуникация формально уравнивает, например, школьника и профессора, врача и пациента. Более того, за счёт лучшего владения технологиями, школьник

может оказаться в чём-то «компетентнее» профессора, ещё сократив тем самым дистанцию. Нарастает кризис традиционных иерархических структур и статусов, включая научные степени и учёные звания, которые имели большое значение для легитимации знания, до определённой степени гарантируя его научность, объективность, соответствие критериям истинности и ложности. Таким образом, в цифровой коммуникационной среде вне академического сообщества мы наблюдаем и размывание традиционных жанров, которые раньше маркировали научное знание, и девальвацию привычных критериев экспертности.

Проблема исследования

К проблеме бытования научного знания, которое посредством новых технологий отчуждается и от своего носителя (исследователя, учёного, преподавателя), и от реципиента (слушателя, студента) философы стали обращаться ещё в середине XX века, предвосхищая наступление цифровой эпохи. Об изменении статуса знания и необходимости его новой легитимации в современном мире рассуждал Жан-Франсуа Лиотар в работе «Состояние постмодерна» [Лиотар, 1998]. И Лиотар, и позже социологи науки Брюно Латур [Латур, 2014, Латур, 2002] и Мишель Каллон [Каллон, 2014] писали о том, что научная деятельность – это во многом перевод мира на язык, безусловно принятый разными категориями реципиентов как конвенциональный. Проблему этого «перевода», связанную с проблемой объективности научного знания, определения критериев истинности и ложности, исследует социология и философия науки. Мы не будем останавливаться на этом подробно, поскольку нас интересуют более узкие вопросы, связанные с трансляцией научного знания и просвещением в цифровой среде в условиях культуры участия (культуры партиципации), предполагающей новые формы легитимации через медийный нарратив.

Пользуясь теоретическим ресурсом Ж-Фр. Лиотара можно выдвинуть гипотезу, что в пространстве культуры партиципации научное знание нуждается в легитимации посредством нарратива, релевантного для этой культуры. В качестве такового можно рассматривать медийный нарратив. «Медийный нарратив» в широком смысле – это и форматы представления информации в медиа, и дискурс современных СМИ, и интерактивные практики. Другими словами, это способ представления мира, рассказа о его феноменах на языке, родном для «цифровых аборигенов» (digital natives, поколениям, родившимся в эпоху интернета) и хорошо понятном «цифровым мигрантам» (поколениям, которые восприняли цифровые технологии во взрослом возрасте). Концепцию «цифровых аборигентов» и «цифровых мигрантов» впервые ввёл американский исследователь Марк Пренски [Prensky, 2001].

Стоит попутно отметить, что популяризация науки (то есть, объяснение научного знания социуму, широкой аудитории) развивалась в контексте медиатизации общества, здесь невозможно отделить один процесс от другого и от самых разных социальных, культурных и даже политических факторов.

Методологические подходы

В качестве базового методологического подхода в нашей работе мы используем индустриальный исследовательский подход, характерный для значительной части современных медиаисследований. Это связано с тем, что мы рассматриваем онлайн-образование в широком контексте современной медиасферы, относящейся к медиаконтенту как к продукту. Этот подход проблематизирован, например, в работе ведущей кафедрой социологии массовых коммуникаций факультета журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, доктора социологических наук В.П. Коломийца, который развивает

на современном этапе тезисы П. Бурдые о том, что поле медиаисследований разделено на академическое и индустриальное. По мнению Коломийца, хотя «противоречия между академическими и индустриальными медиаисследованиями объективны, именно сегодня необходима их интеграция» [Коломиец, 2015, с. 51]. Он также предполагает, что «медиаисследователи, бэкграундом которых выступает журналистика, могут претендовать (...) на целостное видение функционирования медиаиндустрии, выступать тем интегратором, который может связать академические и индустриальные медиаисследования» [Коломиец, 2015, с. 56].

Кроме современных походов к исследованиям, опирающихся на научный аппарат социологии и экономики медиа, а так же медиаменеджмента, для нас актуален и классический отечественный филологический (с точки зрения жанров и творческих приемов) подход к исследованиям просветительского медиаконтента. Здесь можно упомянуть, например, авторские коллективы факультета медиакоммуникаций НИУ ВШЭ, выпустившие учебник «Мультимедийная журналистика» [Качкаева, Шомова, 2017] и факультета журналистики МГУ, издавших учебное пособие «Интернет-СМИ: теория и практика» [Лукина, 2010].

Не стоит забывать, что просвещение посредством масс-медиа началось задолго до эпохи дигитализации. На советском телевидении был специальный учебный канал («четвёртая кнопка»), одной из самых популярных передач центрального телевидения была «Очевидное-невероятное», которую вёл академик Капица. Позже появились игровые программы, такие как «Что? Где? Когда?» и телевизионные викторины. Большими тиражами выходили журналы, например, «Наука и жизнь». Наблюдая и описывая современные образовательные и просветительские проекты внутри медийного нарратива, не стоит забывать об этом доцифровом опыте и о том, что на федеральных телевизионных каналах

продолжают выходить аналогичные передачи, например, цикл «Академия» на канале «Культура».

Исследовательская часть

Мы рассмотрим, как может происходить «перевод» научного знания в медийный нарратив, на примере двух уникальных российских онлайн-платформ самообразования – сайтов «Арзамас» и «Постнаука».

По данным исследования, проведённого Институтом статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ совместно с Левада-центром и опубликованного в июле 2017 года, 24% россиян в возрасте от 25 до 64-х лет участвуют в непрерывном образовании, включая различные формы онлайн образования [Бондаренко, 2017, с. 10]. Ранее исследователи изучили роль интернета в самообразовании и пришли к выводу, что 9% самостоятельно получающих образование делают это только онлайн, а ещё 37% комбинируют обучение в интернете и офлайн [Фурсов, Чернович, 2014]. То есть, запрос на гибкие образовательные онлайн-форматы существует.

Однако в случае двух проектов, которые находятся в фокусе нашего внимания, речь идёт не об онлайн-образовании как таковом, но о цифровом просвещении, несмотря на то что они используют в качестве базовой единицы контента классический академический формат лекций, а создатели сайта «Арзамас» даже описывают идею сайта через соответствующую образовательную лексику – «университет», «преподаватели», «курс», «раскрыть тему».

Есть существенные отличия просветительских платформ самообразования от сервисов онлайн-образования:

– Они не ставят своей задачей сформировать у пользователя компетенции или навыки. Нет контроля за усвоением материала, оценочных средств и критериев качества. Пользователям не нужно регистрироваться на курс и выполнять

промежуточные или итоговые задания, но и никаких сертификатов и дипломов, подтверждающих полученные знания, они не получают.

– Они не монетизируют контент напрямую, не зарабатывают на подписке, продаже лекций и других материалов. Пользователи получают знания бесконтрольно и бесплатно, а проекты существуют за счёт спонсорских вложений и партнёрского взаимодействия.

– Основные лекторы и другие производители контента могут быть, а могут не быть аффилированы с конкретной научной или образовательной структурой.

Участие в просветительских проектах подразумевает в большей степени эмоциональную и этическую мотивацию, как со стороны пользователей, так и со стороны создателей проекта, чем практическую, рациональную, ориентированную на профессиональное применение полученных знаний. Интенция бескорыстного просвещения более демократична, более органично вписывается в культуру соучастия, чем традиционные образовательные модели. Пользователь сам не фиксирует, в какой момент он от простого сёрфинга в социальных сетях в безотчётных поисках чего-то интересного, перешёл к получению знаний. Ему нет необходимости принимать решение, что он сейчас «прослушает курс», которое требуется при регистрации на сайте онлайн-образования. За счёт этого ещё больше сокращается дистанция между ним и лектором, который выступает скорее не в роли преподавателя, а в роли рассказчика, который, как путешественник, вернувшийся домой, делится полученными впечатлениями с друзьями и соседями.

«Постнаука» открылась в 2012-м году и позиционирует себя как «сайт о современной фундаментальной науке и учёных, которые её создают». За восемь лет здесь опубликовано больше 2000 лекций, в основном по естественным наукам, математике, экономике и технологиям, но довольно обширный

блок отведён и гуманитарным предметам. Длительность одной лекции редко превышает 15 минут, они сопровождаются текстовой расшифровкой, чтобы у читателя была возможность выбора, смотреть или читать, иногда – игровыми материалами. Изначально каждая лекция была отдельным продуктом, но со временем команда «Постнауки» стала продюсировать цикловые курсы лекций одного автора. Сейчас на сайте опубликовано несколько десятков авторских курсов (число лекций в каждом курсе не ограничено, есть курсы из 8, а есть из 20 лекций), которые сопровождают списки литературы, дополнительные материалы и тесты (тесты в игровом смысле, а не проверочные работы к усвоению содержания). Тематическое поле разнообразное – от генетики и астрономии до истории христианского востока. Летом 2017-го года «Постнаука» запустила подпроект по созданию анимационных роликов, отвечающих на вопросы вроде «Как напечатать орган на биопринтере?» и «Как обучить нейронную сеть?».

«Арзамас» начал работу в 2015-м году и редакция сразу сформулировала, что будет выпускать «гуманитарные сериалы». Раз в неделю по четвергам выкладывается новый курс. Курс состоит из лекций (в среднем в каждом курсе от 3 до 7 лекций длительностью в среднем 15 минут) и дополнительных материалов к ним (в среднем около 25-ти к каждому курсу). Эти дополнительные материалы – уникальный контент, созданный редакцией. Всего таких курсов вышло 85. Это могут быть как авторские курсы одного лектора, так и объединённые тематикой лекции разных авторов. Кроме того, на «Арзамасе» есть «Журнал», куда попадают материалы, собранные вне курсов, и «Спецпроекты», например, «Детская комната «Арзамаса»». В 2017-м году редакция практически отказалась от записи видеолекций, перейдя на аудиоформат, а затем открыла сервис подкастов «Радио Арзамас» и его детский «филиал» под названием «ГусьГусь».

Медийная специфика заключается в следующем:

– Подача материала. Формулировки тем по формату близки заголовкам СМИ («Лев Толстой против всех», «Как понять Россию?», «Жанна д'Арк: история мифа»). Контент структурирован и свёрстан, как тексты СМИ (лиды, выносы, гиперссылки). Читатель визуально опознаёт публикации как медиатексты.

– Форматы. Сами лекции смонтированы как видеоролики, привычные пользователям интернета. Лектор не ходит и даже не встаёт, как это привычно было бы для университетской аудитории, в кадре нет слушателей, студентов, к которым он бы адресовался, всё снято на двух планах – крупном и среднем, при минималистичных или отсутствующих декорациях, никак не намекающих на университетский или академический контекст. Хронометраж, как правило, не больше 15-ти минут – максимальное время концентрации среднего пользователя на одном видеосюжете. Дополнительные материалы к курсам тоже в форматах, характерных для журналистских текстов: интервью, «карточки», «справки», тесты и игры. Можно сравнить, например, с форматами, которые использует интернет-издание «Медуза» или американский BuzzFeed. Только СМИ в этих форматах рассказывают об общественно-политических проблемах текущего дня, а просветительские сайты – о научной проблематике.

– Смещение академичности и публицистичности, подчёркнутое пренебрежение формальными критериями научности ради увлекательности сюжета и его гуманистической ценности. На «Арзамасе» есть курсы, прочитанные докторами наук на основе их университетских лекций, а есть, например, курс «Инакомыслие в СССР», который создан как энциклопедия диссидентского движения, а лекции прочитаны непосредственным участником Александром Даниэлем. Или курс «Несоветская философия в СССР», прочитанный автором документального фильма о советских философах Александром Архангельским.

– Лекторы как медиа-персоны. Рейтинги популярности лекций и авторов на сайте могут коррелировать, а могут и не коррелировать с их статусом в научной среде – цитируемостью, другими данными наукометрии. Среди них есть молодые лекторы, есть доктора наук и профессора западных университетов, а есть школьные учителя. Отбор авторов – внутриредакционный процесс, основанный на интуиции и личных пристрастиях редакторов, риторических способностях и красноречии лекторов, том, насколько они способны представить сферу своих научных интересов в форме рассказа, увлекающего читателя.

– Авторский коллектив. Производством, продюсированием и распространением контента занимаются специалисты медийных профессий. Главный редактор и основатель проекта «Арзамас» Филипп Дзядко перед этим работал главным редактором журнала «Большой город». Другие сотрудники, включая дизайнеров, пришли из разных изданий – «Эскавайра», «Афиши», «Слон. ру» и так далее. В рубрике «Кто мы?» на «Постнауке» команда сайта названа «Редакцией» и перечислены должности – «шеф-редактор», «главный редактор», «продюсер», «редакторы», «дизайнер». То есть, сама номенклатура специальностей и компетенций характерна для медийных проектов, а не для менеджмента в сфере образования и науки.

– Формирование контекста. Лекции могут быть максимально научными, сконцентрированными на одной узкой исторической или культурной проблеме. Но дополнительные материалы, так называемая «обвеска», «вшивают» эту узко сформулированную тему в ткань эпохи и проблематику её изучения. Например, курс про Жанну д'Арк служит «точкой входа» в проблематику Средневековья, его конструирования и реконструирования в последующие эпохи, в изучение Школы Анналов. Посредством гиперссылок, от одного материала к другому, за счёт разнообразия форматов

и способов взаимодействия пользователя с текстом, удерживающих внимание, посетителя сайта проводят через чтение нескольких материалов курса, и он таким образом не только узнаёт о том, на что первоначально «кликнул», но и погружается в контекст, следуя сюжету сериала, придуманному редакцией.

– Три классических признака интернет-СМИ (онлайновых медиа): гипертекстуальность, мультимедийность, интерактивность. Ещё в 2005-м году исследователи факультета журналистики имени М.В. Ломоносова Мария Лукина и Ирина Фомичёва выделили три оригинальных свойства интернет-СМИ, отличающие их от «старых медиа» (печатных СМИ, телевидения и радио) [Лукина, Фомичёва, 2005]. Эти базовые свойства не утратили своей актуальности и развиваются вместе с развитием технологий и ими обладают оба рассматриваемых нами проекта. Гипертекстуальные связи использованы для навигации по сайту и выстраивания контекстуальных сюжетов. Мультимедийность обеспечивает сочетание видео-, аудио-, текстовых форматов, фотографии, анимации и других технологий представления контента. Интерактивность достигается за счёт тесного взаимодействия с пользователями, которые могут взаимодействовать с контентом сайта, играя в игры, проходя тесты и викторины.

– Элементы трансмедийного сторителлинга. И «Арзамас», и «Постнаука» нельзя отнести к трансмедийным проектам в полном смысле этого слова. Однако элементы трансмедийного сторителлинга присутствуют в обоих сайтах. Р. Гамбарато, Е. Лапина-Кратасюк и О. Мороз определяют трансмедийный сторителлинг как «медийный опыт, расширенный за счет размещения разного контента на нескольких платформах» [Гамбарато, Лапина-Кратасюк, Мороз, 2017]. Сюжеты «гуманитарных сериалов» «Арзамаса» параллельно развиваются на основных страницах сайта и в социальных сетях. SMM-редакторы не просто копируют ссылки на новые

курсы, лекции и материалы, но и разработали специальный контент для «расшаривания», например, тематические словари на каждый день («Запах дня», «Ария дня» и так далее). В каждой социальной сети своя стратегия вовлечения пользователей в тематику курсов с учётом аудитории и её интересов. Так, в «Инстаграмм» выкладываются выбранные дизайнерами сайта фотографии и живописные полотна с ироническими или познавательными подписями. Кроме того, команда «Арзамаса» разработала мобильное приложение *Emoji Poetry* (пользователь получает набор классических стихов с пробелами и картинки-эмодзи, которыми соответствующие пробелы надо заполнить) и стикеров для *Viber* и *Telegram* (эмоции, выраженные картинками из книжных иллюстраций XIX века, фотопортретов викторианской эпохи и рисунками мексиканских индейцев). «Постнаука» пошла по более консервативному пути – выпускала вкладку в печатной версии «Новой газеты» и запустила проект «Библиотека» – публикацию книг своих лекторов, связав таким образом офлайн и онлайн. Кроме того, оба проекта проводят офлайновые лекции. Только в «Академии Постнауки» это платные циклы дополнительного образования, а у «Арзамаса» – открытый лекторий «Запад и Восток: история культур».

Стоит также отметить, что аналогов этих проектов в мировом Интернете пока нет. Неслучайно «Постнаука» открыла сайт *SeriousScience* – англоязычную версию с лекциями учёных из разных университетов мира.

Выводы

Платформы самообразования целесообразно рассматривать именно как медийный продукт с функцией просвещения. От доцифровых форм научно-популярных информационных продуктов их отличает активная вовлечённость пользователя, широкие возможности самостоятельного выбора и навигации внутри разнообразного контента. Они

позволяют, с одной стороны, реализовывать концепцию непрерывного образования, столь востребованную в современном обществе, с другой – получать знания вне институционализированных структур, без системы контроля знаний, в тех формах потребления контента и взаимодействия с ним, которые привычны в информационном обществе.

Также платформы самообразования, созданные профессиональными журналистами и медиаменеджерами, демонстрируют, как в условиях культуры соучастия научное знание может чувствовать себя комфортно за счёт легитимации посредством медийного нарратива, как могут формироваться новые критерии экспертности, а старые принципы объективности, истинности и ложности переосмысляться в новых реалиях. Цифровое просвещение – одно из важных направлений развития новых медиа, которое потенциально может сохранить «старые знания» и авторитет академической науки.

Литература

1. Бондаренко Н.В. Становление в России непрерывного образования: анализ на основе результатов общероссийских опросов взрослого населения страны. Информационный бюллетень. – Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. – 28 с. – (Мониторинг экономики образования; № 5 (104))
2. Гамбарато Р.Р., Лапина-Кратасюк Е. Г., Мороз О.В. Панорама российских трансмедиа: опыт картирования мультиплатформенных инициатив // Шаги/Steps. – 2017. – Т. 3, № 2. – С. 20–46
3. Каллон М. (2014) Акторно-сетевая теория. – URL: [http://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/Каллон М. Акторно-сетевая теория. pdf](http://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/Каллон_М._Акторно-сетевая_теория.pdf)
4. Мультимедийная журналистика: учебник для вузов / под общ. ред. А.Г. Качкаевой, С.А. Шомовой; Нац. исслед.

ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – (Учебники Высшей школы экономики). – 413 с. – 1000 экз.

5. Коломиец В.П. Медиаисследования: индустриальные запросы и академические возможности // Вестник Московского Университета. Серия 10. Журналистика. – 2015. – № 5–6 (35) – с. 50–63

6. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014–384 с

7. Латур Б. Дайте мне лабораторию, и я переверну мир / пер. с англ. П. Куслий // Логос. – 2002. – № 5–6 (35) – С. 211–242;

8. Лиотар Ж-Ф. Состояние постмодерна. Пер. с франц. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998–160 с.

9. Лукина М.М., Фомичева И.Д. СМИ в пространстве Интернета. – М.: Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2005. – 87 с.

10. Интернет-СМИ. Теория и практика: Учеб. пособие для студентов вузов / Под. ред. М.М. Лукиной. – М.: Аспект Пресс, 2010

11. Фурсов К.С., Чернович Е.М. Тенденции непрерывного образования // Аккредитация в образовании. 2014. № 71. С. 62–63.

12. Jenkins, Henry. *Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century*. Cambridge: The MIT Press, 2009–145 p.

13. Jenkins, Henry. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: New York University Press, 2006–368 p.

14. Prensky M. *Digital Natives Digital Immigrants* // *On the Horizon*. MCB University Press, Vol. 9 No. 5, October 2001 – URL: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>

LUCHENKO KSENIA

*Head of the Department of Theory and Practice of
Media Communications*

Educational platforms for self-education as a media product

Abstract. In the Russian segment of the Internet, there are two digital education projects which have no analogues in the world – online self-education platforms Arzamas and Postnauka. The article hypothesizes that they can serve as an example of how scientific knowledge gets legitimized in the conditions of participatory culture – the new digital environment, where expert status and other traditional criteria of scientificity are devalued. Using the theoretical resource of J.-Fr. Lyotard and G. Jenkins, the author demonstrates that the media narrative allows to present scientific knowledge in an understandable and convincing way for consumers of digital content. The text formulates the grounds that allow making distinctions between online self-education platforms and services of institutionalized online learning, and signs of their mediality.

Keywords: digital education, online self-education platforms, legitimation of knowledge, participatory culture, media narrative, Arzamas, PostNauka

Literatura

1. Bondarenko N.V. Stanovlenie v Rossii nepreryvnogo obrazovaniya: analiz na osnove rezul'tatov obshcherossijskih

oprosov vzroslogo naseleniya strany. Informacionnyj byulleten'. – Moskva: Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», 2017.– 28 s.– (Monitoring ekonomiki obrazovaniya; № 5 (104))

2. Gambarato R.R., Lapina-Kratasyuk E. G., Moroz O.V. Panorama rossijskih transmedia: opyt kartirovaniya mul'ti-plattformennyh iniciativ // SHagi/Steps.– 2017.– T. 3, № 2.– S. 20–46

3. Kallon M. (2014) Aktorno-setevaya teoriya. – URL: [http://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/Kallon M. Aktorno-setevaya teoriya. pdf](http://www.hse.ru/data/2014/10/07/1100063024/Kallon_M._Aktorno-setevaya_teorija.pdf)

4. Mul'timedijnaya zhurnalistika: uchebnik dlya vuzov / pod obshch. red. A.G. Kachkaevoj, S. A. SHomovoj; Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki».– M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2017.– (Uchebniki Vysshej shkoly ekonomiki).– 413 s.– 1000 ekz.

5. Kolomic V.P. Mediaissledovaniya: industrial'nye zaprosy i akademicheskie vozmozhnosti // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 10. ZHurnalistika.– 2015.– № 5–6 (35) – s. 50–63

6. Latur B. Peresborka social'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu / per. s angl. I. Polonskoj; pod red. S. Gavrilenko; Nac. issled. un-t “Vysshaya shkola ekonomiki”.– M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2014–384 s

7. Latur B. Dajte mne laboratoriyu, i ya perevernu mir / per. s angl. P. Kuslij // Logos.– 2002.– № 5–6 (35) – S. 211–242;

8. Liotar ZH-F. Sostoyanie postmoderna. Per. s franc. N. A. SHmatko. M.: Institut eksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejya, 1998–160 s.

9. Lukina M.M., Fomicheva I.D. SMI v prostranstve Interneta. – M.: Fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2005.– 87 s.

10. Internet-SMI. Teoriya i praktika: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov / Pod. red. M.M. Lukinoj. – M.: Aspekt Press, 2010

11. Fursov K.S., Chernovich E.M. Tendencii nepreryvnogo obrazovaniya // Akkreditaciya v obrazovanii. 2014. № 71. S. 62–63.

12. Jenkins, Henry. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century. Cambridge: The MIT Press, 2009–145 p.

13. Jenkins, Henry. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York: New York University Press, 2006–368 p.

14. Prensky M. Digital Natives Digital Immigrants // On the Horizon. MCB University Press, Vol. 9 No. 5, October 2001 – URL: <https://www.marcprensky.com/writing/Prensky%20-%20Digital%20Natives,%20Digital%20Immigrants%20-%20Part1.pdf>

Адрес электронной почты автора:
xeniaray@gmail.com

ДАРЬЯ НЕРЕНЦ

Россия, Российский государственный гуманитарный университет

«Коллаборативная журналистика»: преодоление границ для создания масштабных проектов

Аннотация: Современные информационно-коммуникационные технологии и развитие Интернета порождают новые требования и запросы со стороны аудитории. СМИ, где освещение событий не выходит за границы города, региона или даже страны сейчас востребованы гораздо меньше редакций, публикующих международные масштабные проекты. В связи с этим, целевая установка журналиста на эксклюзив и оперативность сегодня подвергается существенным изменениям в сторону неторопливого детального исследования в сотрудничестве с коллегами, в том числе из других стран. Так, активно развивающаяся «коллаборативная журналистика» позволяет говорить о размытии границ в журналистской работе.

Ключевые слова: коллаборативная журналистика, сотрудничество, СМИ, размытие границ, редакция.

Коллаборативная журналистика или «журналистика сотрудничества» как отдельная практика является сравнительно новым явлением, о котором медиаисследователи и практики заговорили лишь в начале 2010-х годов. Подобная

практика представляет собой совместную работу журналистов из разных отделов, редакций, а также объединение специалистов разных профессий с целью создания общего аналитического материала. В этом случае речь идет именно о крупных исследовательских проектах, где один журналист не в силах переработать и систематизировать всю имеющуюся информацию, либо не обладает достаточными знаниями для полноценного анализа этой проблемы/явления, либо не имеет финансовых средств для завершения проектов (например, при необходимости ехать в международные командировки). Все эти факторы приводили редакции к необходимости сосредоточения на локальной тематике, без возможности создавать крупные масштабные международные проекты. Развитие Интернета и исчезновение границ, ограничивающих доступ к информации, привели к возможности создания проектов, затрагивающих несколько стран или даже все мировое сообщество. Другими словами, журналисты получили практически неограниченные ресурсы для воплощения своих идей и подтверждения гипотез.

Примеры сотрудничества между редакциями или отдельными журналистами можно увидеть уже в середине XX века, а первые шаги к сотрудничеству еще раньше. Например, известна история, когда в 1846 году шесть нью-йоркских ежедневных газет объединились с целью создания Associated Press. Цель этого союза состояла во взаимовыгодном сотрудничестве, иными словами журналисты делились друг с другом новостями, а также распределяли расходы между собой в равной степени. В двадцатом столетии в целом больше выделялась конкуренция, а не сотрудничество. Такая ситуация складывалась вследствие постоянной погони за оперативностью, эксклюзивом, желанием получить прибыль и признание. Лукас Грейвс и Магда Конечна в своей статье «Делимся новостями: журналистское сотрудничество как перезагрузка» указывают, что «в каждой эпохе журналистики

присутствуют формы конкуренции и сотрудничества... профессиональная и экономическая целевые установки журналистов прошлого века сделали первое более заметным, чем второе» [Konieczna, Graves: 1971]. Между тем, они добавляют, что в разгар прибыльности в конце двадцатого века, когда конкуренция, а не сотрудничество, была наиболее заметными отношениями между редакциями новостей, для журналистов было привычным делом сотрудничать, делясь заметками, обмениваясь советами и в целом помогая друг другу. Официальное сотрудничество в этот период было наиболее распространенным внутри организации, а не между ними [Konieczna, Graves: 1973]. Например, Cable News Network (CNN) была сформирована в 1980 году, а в 1988 году кодифицировала обмен информацией внутри новостных отделений – между национальной штаб-квартирой и филиалами телевизионных новостей (CNN Newsource).

В связи с описанной выше исторической практикой, которая активно применяется и в современном медиапространстве, можно сразу выделить два типа коллаборации: внутриредакционная и редакционная на местном уровне.

К внутриредакционной относится практика совместной работы над проектом журналистов из разных отделов. Например, в издании РБК в рамках рубрики «Спецпроекты» есть материалы с авторством 4 и более человек. Один из последних примеров – «Шесть лет санкций против России. Главное» [Сапронова, Линделл, Антипова] – является совместным проектом 9 человек. При этом к работе подключаются не только репортеры, но и дизайнеры, программисты, редакторы.

Американская сеть USA Today, которая собирает контент из местных отделов новостей по всей стране для единого национального издания, была преобразована в 2015 году с целью внедрения новейших технологий для обмена контентом. В этом ключе работает и российская корреспондентская сеть

ВГТРК, которая имеет более 80 региональных телерадиокомпаний, вещающих во всех субъектах Российской Федерации [О компании ВГТРК].

Второй вариант – сотрудничество между редакциями на местном уровне. Региональные издания с целью преодоления границ между журналистами и различными источниками информации объединяют свои усилия и обмениваются найденными фактами. Довольно часто подобная практика встречается в рамках работы над аналитическими исследованиями или журналистскими расследованиями. Например, подобная коллаборация журналистов для создания расследования «Обвинительные клоны» о том, как в России действует презумпция невиновности, проявилась в кооперации сразу трех изданий: пермского «Четвертого сектора», издания 7×7 и «Версия-Саратов». Еще один пример – расследование про похоронный бизнес Перми, состоящее из двух частей, создано в сотрудничестве «Четвертого сектора» с порталами 59.ru, ProPerm и интернет-журналом «Звезда». Американская «Расследовательская новостная сеть» (Investigative News Network) сотрудничает с крупнейшими СМИ регулярно, расследования этого центра нередко показывают в эфире CNN. Материал «Public Works. Hidden Violations» был опубликован в газете The Boston Globe и прошел в эфире CNN. На сайте wisconsinwatch.org можно найти различные примеры сотрудничества между американскими расследователями (Колорадо, Сан-Диего, Калифорния).

Еще один вид сотрудничества, сравнительно новый, связан с преодолением границ в географическом, временном и финансовом аспектах. Это международные сообщества, нацеленные на производство масштабных трансграничных проектов. В этом плане наиболее известен Международный консорциум журналистов-расследователей («International Consortium of Investigative Journalists – ICIJ»), в который входят 249 журналистов из 90 стран. На официальном сайте

сообщества указано, что они также сотрудничают с более 100 медиаорганизаций, от самых известных мировых изданий, включая BBC, The New York Times, The Guardian и Asahi Shimbun, до небольших региональных некоммерческих исследовательских центров [About Consortium].

Самыми известными публикациями стали «Панамские архивы» (за которую авторы получили Пулитцеровскую премию), «Архивы Райских островов», «Файлы по имплантатам», «Секретность на продажу», «Выселенные и брошенные». Каждый из этих проектов – работа десятков журналистов из разных стран, которые обменивались информацией, подавали по просьбе коллег запросы в свои государственные структуры, проводили совместный анализ документов, обменивались мнениями и при этом сохраняли свою работу в секрете, предотвращая огласку. Подобные примеры демонстрируют современные возможности журналистов, которые теперь могут проследить денежные транши в других странах, увидеть место преступления своими глазами, не покидая редакции и прося коллегу о помощи, получить данные другой страны, не изучая язык и юридические тонкости для составления правильной формы запроса.

Таким образом, можно отметить, что «коллаборативная журналистика» представляет собой объединение нескольких репортеров или редакций СМИ без принадлежности к общей головной организации в целях создания единого масштабного проекта. Подобная практика предполагает агрегирование сведений из многочисленных источников (информаторов, документов, баз данных и др.) для создания единой истории. Методы обработки информации при этом остаются традиционными: это интервью, работа с документами, интернет-источниками, многочисленными разрозненными данными. Разница в том, что информации настолько много, что один или два журналиста не в силах ее самостоятельно изучить и систематизировать. При этом в зависимости

от модели сотрудничества, к работе может подключиться и аудитория, оставляя отзывы или голосуя по вопросу важности и необходимости изучения данной темы. Вследствие этого подобный материал может создавать несколько авторов, продолжая и дополняя данную тему вновь появившимися фактами.

Способы сотрудничества в «коллаборативной журналистике» довольно многочисленны: непосредственное сотрудничество журналистов, работа через платформы для совместной работы в «стиле википедии» (вики-стиль) или взятие за основу истории извне, то есть информации из личных блогов. При этом каждый участник команды собирает свою часть истории и отвечает за достоверность сведений, представленных в ней.

Коллаборация журналистов выполняет широкий спектр задач: от самостоятельного изучения материалов и создания своей части материала в рамках сотрудничества до совместной работы над опубликованными материалами и использования одних ресурсов в целях подготовки общего проекта. Подобное сотрудничество может быть единовременным, но есть примеры и долгосрочной коллаборации.

Исследователи The Center for Cooperative Media из Школы коммуникаций и медиа Государственного университета города Монклер в рамках исследования «Сравнительные модели коллаборативной журналистики» выделили 6 основных моделей: «Временное и отдельное сотрудничество», «временное и совместное создание истории», «временное и интегрированное», «постоянное и отдельное», «постоянное и совместное», «постоянное и интегрированное» [Stonbely].

Первая модель – «временное и отдельное» – предполагает отдельное создание контента и агрегирование представленной в рамках проекта информации на одном сайте или одной платформе, хотя может быть представлено и на разных площадках. Например, известный проект «Бездомность

в Сан-Франциско» [SF Homeless Project] представляет собой децентрализованный сбор информации совершенно разных городских СМИ. Каждый из 70 участников (проект продолжался 5 месяцев) создавал свою историю для своей аудитории в своей стилистике. Координация и принципы производства контента отсутствовали, однако все истории публиковались под единой тематикой. В проекте участвовало существенное количество медиаорганизаций: BuzzFeed и Mission Local, Hoodline и Univision, KQED и Mother Jones, лаборатория Google News и Ассоциация газет Сан-Франциско, CALMatters, Medium. Группа по сбору данных, созданная на основе KQED, объединила ресурсы для предложения всем желающим изучить созданные наборы данных [Wang].

Как правило в этом варианте сотрудничества происходит преодоление границ между аудиторией и СМИ, поскольку авторы подобных проектов-призывов могут получить гораздо больше информации, чем планируют изначально. Это зависит от темы и масштабности проблемы. Как правило, подобная практика используется для создания материалов по конкретным проблемам (бездомность в городе, загрязнение реки, отсутствие надлежащей уборки территории и т.п.).

Вторая модель – «временное и совместное создание истории» – заключается в обмене информацией и создании единой истории для своих СМИ. Подобная практика требует координации и определенного уровня проверки информации, поскольку представляет собой командную работу множества участников. В качестве примера можно представить проект американского издания ProPublica «Electionland», который был создан в сотрудничестве с семью медиаорганизациями (Google News Lab, сеть USA Today, First Draft News, the City University of New York Graduate School of Journalism, WNYC, Univision). Всего в проекте принимали участие 250 редакций и 600 добровольных участников. Среди этих партнеров были

некоммерческие организации, внештатные журналисты, студенты факультетов журналистики и заинтересованные граждане, которые вели наблюдение и / или анализировали результаты голосования в день выборов в США в 2016 году из разных мест по всей стране. «Более 1100 человек были вовлечены в сбор новостей. Основная команда использовала различное программное обеспечение (Dataminr, Banjo, Acusense, Crowdtangle, Tweetdeck), чтобы контролировать социальные медиа, а также данные из Google Search Trends и Комитета юристов по гражданским правам в соответствии с законом... Как только они собрали существующие проблемы, сразу же передали информацию журналистам. Затем эти репортеры подготовили актуальный контент для своих местных СМИ, а также для национального партнера» [Stonbely].

Сейчас проект «Electionland» активно продолжается и на официальном сайте указано, что это коалиция новостных редакций по всей стране, которые освещают и обнаруживают проблемы дезинформации, кибербезопасности и все проблемы, мешающие имеющим право голоса избирателям заполнить свои бюллетени во время выборов 2020 года. «Вместо того, чтобы освещать гонку и результаты, цель «Electionland» заключается в документировании на национальном уровне и в режиме реального времени препятствий для голосования, таких как длинные очереди, преследование на избирательных участках, дезинформация о голосовании, некорректная регистрация, изменение мест голосования... вопросы идентификации избирателей...» [Electionland]. При этом также указано, что принять участие в проекте может любая редакция СМИ.

Таким образом, можно отметить, что подобная модель является единовременным решением и применяется в случае необходимости освещения масштабного мероприятия, которое одна редакция не в силах осветить всесторонне.

При этом подобная модель предполагает координацию и контроль со стороны автора проекта.

Третья модель – «временное и интегрированное» – предполагает единовременный проект, в котором партнеры делятся контентом / данными/ ресурсами на организационном уровне. Этот принцип отличается от предыдущих уровнем интеграции организаций, который подразумевает тесную координацию и постоянный контакт на протяжении всех этапов работы. Наиболее ярким примером подобной модели является проект Международного консорциума журналистов-расследователей (ICIJ) «Панамские архивы», где все участники имели доступ к одним и тем же данным и программному обеспечению. «Панамские архивы» является примером крупнейшего журналистского сотрудничества на сегодняшний день. Толчком к началу расследования послужили документы, переданные репортерам немецкой газеты *Süddeutsche Zeitung* Фредерику и Бастиану Обермайерам, Ванессе Вормер и Вольфангу Яшенски. Неизвестным были присланы файлы из базы данных панамского регистратора офшоров компании Mossack Fonseca. Поступление документов происходило несколькими траншами. В результате немецкие журналисты получили документы объемом 2,6 терабайта (11, 5 млн. файлов). Результатом совместной деятельности стало обнаружение в офшорном досье 12 бывших и действующих лидеров различных государств (это президенты и премьер-министры), 128 политиков и чиновников (не включая их родственников и друзей) из стран ЕС, Бразилии, Китая. Помимо мировых лидеров, в документах находились офшоры международных преступников и людей, имеющих отношение к наркоторговцам и террористам. Основные методы и особенности работы журналистов при проведении расследования заключались в том, что 380 человек синхронно обрабатывали свои части, создав таким образом крупнейшую онлайн-редакцию. Крупнейшие средства массовой

информации во всем мире сотрудничали с Консорциумом (The Guardian, Süddeutsche Zeitung, The New York Times, Le Monde, The Washington Post, The Miami Herald, The Wall Street Journal, «Новая газета», The Economist, телеканалы BBC, CNN). Расследование приняло по-настоящему мировые масштабы, заставив граждан практически всех стран увидеть и проанализировать существующую глобальную проблему.

Когда редакции тесно интегрированы для совместной работы, это обычно требует контроль на всех уровнях. Между тем, несмотря на сложности в организации такой работы, результат говорит сам за себя, поскольку очевидность невозможности отдельных СМИ создавать подобные проекты подталкивает журналистов к совместной работе.

Модель «постоянного и отдельного сотрудничества» является кооперацией на постоянной основе, однако контент создается независимо друг от друга. Это примеры крупнейших сетей, которые объединены одной головной организацией. Например, сеть USA Today, региональные редакции ВГТРК, международные редакции BBC, сеть кабельных новостей CNN. Примером подобной коллаборации является Next to Die, созданный американским изданием The Marshall Project [Next to Die]. Проект содержит в себе информацию о смертных казнях (прошедших и предстоящих) в разных штатах Америки. На данный момент база представляет собой данные из 15 штатов. На официальном сайте в качестве партнеров проекта указаны AL.com, The Atlanta Journal-Constitution, Cleveland.com, The Frontier, Houston Chronicle, St. Louis Public Radio, Tampa Bay Times, The Virginian Pilot, Tennessean. Это проект является оптимальным решением для сбора подобного рода информации, поскольку контент, предоставленный экспертом (СМИ) по своей территории, довольно затруднительно получить журналистам из других штатов.

Авторы выделенных шести моделей указывают, что это наиболее оптимальный тип кооперации, поскольку охватывает максимальное расстояние с точки зрения географических масштабов, а также позволяет вовлекать неограниченное количество организаций.

Пятая модель – «постоянное и совместное сотрудничество» – предполагает постоянную кооперацию для создания совместных материалов. Это означает, что организации более интегрированы, чем при создании и обмене отдельным контентом. Подобная практика предполагает регулярные встречи или звонки, а также наличие отдельного человека, контролирующего постоянное взаимодействие.

Проект Upstate Insight – результат постоянного сотрудничества СМИ из пяти северных штатов Нью-Йорка: WXXI Rochester, WSKG Binghamton, WRVO Oswego / Syracuse, WMHT Schenectady / Albany и WBFO Buffalo. Коллаборация началась с получения гранта CPB в 2014 году, в рамках которого должен был быть создан единый мультимедийный региональный отдел новостей. После окончания гранта в 2016 году, несмотря на все трудности, этот отдел продолжил свое сотрудничество под руководством главного редактора Дениза Янга. «Он ищет способы сотрудничества с целью экономии времени и ресурсов, которые лучше потратить в другом месте, создавая небольшие общие отделы... Например, в Олбани есть репортер, который отправляет свои истории на станции через штат Нью-Йорк. Каждый редактирует материалы самостоятельно» [Stonbely]. В рамках совместной работы проводятся ежедневные звонки в виде аудиоконференций. При этом также важны внутренние отношения между участниками команды, которые должны быть доверительными.

Последняя модель названа «постоянное и интегрированное сотрудничество». Такая практика подразумевает регулярную кооперацию с обменом контентом / данными / ресурсами на организационном уровне. В этой модели

сотрудничество продолжается, а участвующие организации интегрированы на уровне единого учреждения. Эта модель (пока) не очень распространена, однако есть редкие примеры успешной коллаборации на подобном уровне. В качестве примера можно отметить TAPinto, сеть локальных цифровых новостных сайтов, которая базируется в Нью-Джерси. СМИ, входящие в TAPinto, работают независимо, но делятся своими находками. Интересной особенностью этого сотрудничества является то, что все СМИ работают на собственной платформе обмена контентом, и потому все относительно близко географически, что позволяет создавать контент для максимально широкой аудитории.

В апреле 2003 года The Miami Herald и WLRN91.3-FM достигли соглашения, в соответствии с которым газета начала выпускать новости и информацию для эфира на радиостанции. The Miami Herald наняла штат из пяти радиожурналистов, которые работали в двух радиостудиях в отделе новостей центра печатного издания. С тех пор WLRN-Miami Herald News стали выпускать уже 25 передач в день, выходящих в штаб-квартире WLRN в центре Майами и офисов Herald в Дорале. В выпусках новостей представлены местные репортажи профессиональных радиожурналистов WLRN и материалы сотрудников газеты, которые освоили нюансы создания материалов для радио [How WLRN and the Miami Herald work together].

Многие СМИ на определенном этапе своей деятельности обращаются к взаимовыгодному сотрудничеству, будь то обмен информацией или совместное на всех этапах производство контента. Многие современные редакции ориентированы на активное сотрудничество. Например, ProPublica сотрудничает с сотнями журналистских изданий и даже создала «Руководство по коллаборативной журналистике», где указаны практические советы по подобной практике на основе опыта редакции. Кроме того, они

также запустили бесплатный инструмент под названием Collaborate [Collaborate User Manual], который основан на собственных данных авторов.

В целом, коллаборативную журналистику можно определить как вид сотрудничества (формальный или неформальный) между двумя или более медиаорганизациями, каждая из которых стремится дополнить ресурсы другой организации и максимизировать воздействие произведенного контента. При этом важно не путать «коллаборативную журналистику» с «гражданской журналистикой» или краудсорсингом, где к работе привлекается аудитория. В этом виде деятельности речь идет исключительно о сотрудничестве коллег-журналистов. В рамках подобной кооперации важными элементами является продолжительность по времени (постоянное или единовременное сотрудничество) и степень интеграции между партнерскими СМИ (насколько плотно работают журналисты друг с другом на этапах создания текста).

Так, «коллаборативная журналистика» способствует преодолению сразу нескольких границ: географических границ (возможность создания международных проектов, затрагивающих сразу несколько стран), временных границ (совместная работа позволяет сократить в разы время, затрачиваемое на обработку и анализ полученных данных), юридических границ (особенно в отношении правильной формы составления запросов на получение информации), финансовых границ (возможность избежать многочисленных дорогостоящих командировок, необходимость которых могла бы послужить существенным препятствием для дальнейшей работы по исследованию проблемы). В связи с явными преимуществами активного сотрудничества по отношению к конкуренции, журналисты все чаще обращаются к подобной практике и создают резонансные и общественно значимые материалы, имеющие высокую ценность для современного общества.

Литература

1. О компании ВГТРК // Официальный сайт ВГТРК. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vgtrk.com/#page/221> Дата обращения: 19.03.2020.
2. Сапронова Ю., Линделл Д., Антипова А. И др. Шесть лет санкций против России. Главное // РБК. 16.03.2020. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/16/03/2020/5bffb0f09a79470ff5378627> Дата обращения: 18.03.2020.
3. About Consortium // The International Consortium of Investigative Journalists. [Electronic source]. Available at: <https://www.icij.org/about/> Accessed: 14.03.2020.
4. Collaborate User Manual // ProPublica. [Electronic source]. Available at: <https://propublica.gitbook.io/collaborate-user-manual/> Accessed: 20.03.2020.
5. Electionland // Propublica. 2015–2020. [Electronic source]. Available at: <https://www.propublica.org/electionland> Accessed: 21.03.2020.
6. How WLRN and the Miami Herald work together // WLRN. [Electronic source]. Available at: <https://www.wlrn.org/how-wlrn-and-miami-herald-work-together#stream/0> Accessed: 19.03.2020.
7. Konieczna M., Graves L. Sharing the News: Journalistic Collaboration as Field Repair // International Journal of Communication. 2015. № 9. P. 1966–1984.
8. Next to Die // The Marshall Project. Available at: <https://www.themarshallproject.org/next-to-die> Accessed: 21.03.2020.
9. Rouse M. Collaborative citizen journalism // Searchsoa. 2006. [Electronic source]. Available at: <http://searchsoa.techtarget.com/definition/collaborative-citizen-journalism> Accessed: 10.03.2020.
10. SF Homeless Project // The San-Francisco Chronicle. 2016–2020. [Electronic source]. Available at: <https://projects.sfchronicle.com/sf-homeless/landing/> Accessed: 20.03.2020.

11. Stonbely S. Comparing Models of Collaborative Journalism // The Center for Cooperative Media. The School of Communication and Media Montclair State University [Electronic source]. Available at: <https://collaborativejournalism.org/wp-content/uploads/sites/8/2017/09/Models-for-Collaborative-Journalism-research-paper.pdf> Accessed: 20.03.2020.

12. Wang S. Drawn to the common aim of covering issues around homelessness. Bay Area media organizations unite for the day // NiemanLab. 29.06.2016. [Electronic source]. Available at: <http://www.niemanlab.org/2016/06/drawn-to-the-common-aim-of-covering-issues-around-homelessness-bay-area-media-organizations-unite-for-the-day> Accessed: 19.03.2020.

DARIA NERENTS

Collaborative journalism: overcoming boundaries to create large-scale projects

Abstract: Modern information and communication technologies and the development of the Internet create new requirements and requests from the audience. Media which give the information does not go beyond the problems of a city, region or even a country is much less in demand by media publishing large-scale international projects now. In this regard, the journalist's target setting for exclusiveness and efficiency is undergoing significant changes in the direction of a detailed study in collaboration with colleagues, including from other countries. So, the actively developing "collaborative journalism" allows us to talk about blurring the boundaries in journalistic work.

Keywords: collaborative journalism, cooperation, media, blurring of borders, editorial staff.

Literatura

1. О компании VGTRK // Ofitsialnyy sayt VGTRK. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <http://vgtrk.com/#page/221> Data obrashcheniya: 19.03.2020.
2. Saponova Y., Lindell D., Antipova A. i dr. Shest let sankiy protiv Rossii. Glavnoye // RBC. 16.03.2020. [Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa: <https://www.rbc.ru/politics/16/03/2020/5bffb0f09a79470ff5378627> Data obrashcheniya: 18.03.2020.

3. About Consortium // The International Consortium of Investigative Journalists. [Electronic source]. Available at: <https://www.icij.org/about/> Accessed: 14.03.2020.

4. Collaborate User Manual // ProPublica. [Electronic source]. Available at: <https://propublica.gitbook.io/collaborate-user-manual/> Accessed: 20.03.2020.

5. Electionland // ProPublica. 2015–2020. [Electronic source]. Available at: <https://www.propublica.org/electionland> Accessed: 21.03.2020.

6. How WLRN and the Miami Herald work together // WLRN. [Electronic source]. Available at: <https://www.wlrn.org/how-wlrn-and-miami-herald-work-together#stream/0> Accessed: 19.03.2020.

7. Konieczna M., Graves L. Sharing the News: Journalistic Collaboration as Field Repair // International Journal of Communication. 2015. № 9. P. 1966–1984.

8. Next to Die // The Marshall Project. Available at: <https://www.themarshallproject.org/next-to-die> Accessed: 21.03.2020.

9. Rouse M. Collaborative citizen journalism // Searchsoa. 2006. [Electronic source]. Available at: <http://searchsoa.techtarget.com/definition/collaborative-citizen-journalism> Accessed: 10.03.2020.

10. SF Homeless Project // The San-Francisco Chronicle. 2016–2020. [Electronic source]. Available at: <https://projects.sfchronicle.com/sf-homeless/landing/> Accessed: 20.03.2020.

11. Stonbely S. Comparing Models of Collaborative Journalism // The Center for Cooperative Media. The School of Communication and Media Montclair State University [Electronic source]. Available at: <https://collaborativejournalism.org/wp-content/uploads/sites/8/2017/09/Models-for-Collaborative-Journalism-research-paper.pdf> Accessed: 20.03.2020.

12. Wang S. Drawn to the common aim of covering issues around homelessness. Bay Area media organizations unite for

the day // NiemanLab. 29.06.2016. [Electronic source]. Available at: <http://www.niemanlab.org/2016/06/drawn-to-the-common-aim-of-covering-is-sues-around-homelessness-bay-area-media-organizations-unite-for-the-day> Accessed: 19.03.2020.

Адрес электронной почты автора:
ya.newlevel@yandex.ru

LIBOR KLIMEK

Slovak Republic, Matej Bel University in Banská Bystrica

Boundaries of Mutual Recognition of Judicial Decisions in Criminal Matters in European Criminal Law

Abstract: The contribution deals with the boundaries of mutual recognition of judicial decisions in criminal matters in European criminal law. It is divided into three sections. The first section introduces mutual recognition as a general concept of the European union. The second section focuses on scope of mutual recognition in criminal matters. The third section presents the grounds for non-recognition or non-execution the decision as derogation of mutual recognition in criminal matters. The contribution was funded by the Scientific Grant Agency of the Ministry of Education, Science, Research and Sport of the Slovak Republic and the Slovak Academy of Sciences (Vedecká grantová agentúra Ministerstva školstva, vedy, výskumu a športu Slovenskej republiky a Slovenskej akadémie vied), grant number VEGA 1/0004/20 – Implementation of Mutual Recognition of Judicial Decisions in Criminal Matters into the Legal Order of the Slovak Republic. The funding was awarded to the Matej Bel University in Banská Bystrica, Slovak Republic.

Key words: mutual recognition, judicial decisions, European criminal law, scope of mutual recognition, derogation of mutual recognition

1. Mutual Recognition as a General Concept of the European Union

The principle of mutual recognition was initially developed by the Court of Justice of the European Union in case of *Cassis de Dijon* [1] of 1979, which paved the way for the completion of the single market of the EU (in the past also known as internal market). In line with this judgment, a product lawfully produced and marketed in one Member State of the EU must be accepted in the other Member States. As argues Ghosh, in context of the free movement of goods, mutual recognition entails the presumption that goods lawfully manufactured in one Member State should be capable of being marketed and sold in any other Member State [2]. The principle of mutual recognition has gradually been applied to aspects of the single market other than the free movement of goods.

There is no legislative definition of the principle of mutual recognition in criminal matters. The term mutual equals 'between Member States of the EU' and the term recognition is applicable when a foreign decision is accepted in another Member State in an individual case. Mutual recognition is understood as procedure(s) of national authorities avoiding central national authorities when a Member State of the EU recognises criminal decisions of another Member State(s) without cumbersome formalities giving them status of domestic decisions. Naturally, mutual recognition procedures are formal procedures carried out under rules governed by national law(s) of Member States, however, only minimal necessary formalities shall be fulfilled and only limited grounds for refusal are allowed. Recognising foreign decisions in criminal matters is understood as giving them effect outside of the State in which they were adopted. A necessary consequence of their recognition is their execution in the executing Member State. Indeed, execution of the decision follows its recognition, otherwise mutual recognition itself would be vague concept without effects in the EU judicial area and without added value

for judicial co-operation in the EU. For example, a European arrest warrant from Germany recognised in the Netherlands requires its real execution, i.e. to search and arrest a requested person by competent authorities in the Netherlands and his or her surrender to Germany [3].

The political appeal of mutual recognition lies in the fact that instead of embarking in a very visible attempt to harmonise their criminal laws under the banner of the EU, the Member States of the EU can promote judicial co-operation by not having to change in principle their criminal laws – they ‘only’ agree to accept judicial decisions emanating from other Member States [4].

Mutual recognition takes into account final decisions as well as procedural decisions. As far as final decisions are concerned, the European Commission argued that the definition of this term had proven to be difficult – notably of the ‘final’ element. A decision as such is understood here as ‘an act by which a certain matter is resolved in a binding way’. As a working definition of the term final decisions, the Commission suggested to include ‘all decisions that rule on the substance of a criminal case, and against which no more ordinary appeal is possible, or, where such an appeal is still possible, it has no suspensive effect’ [5]. It should be noted that such a definition is somewhat in line with the provisions already in force in case of the mutual recognition of decisions in civil and commercial matters. Mentioned working definition of the term final decisions was intended to cover not only decisions by criminal courts.

The Treaty on the Functioning of the European Union highlights the importance of the mutual recognition. It stipulates that the EU ‘shall endeavour to ensure a high level of security [...] through measures for co-ordination and co-operation between police and judicial authorities and other competent authorities, as well as through the mutual recognition of judgments in criminal matters and, if necessary, through the approximation of criminal laws’ (emphasis added) [6]. On a proposal from the

European Commission the Council of the European Union it may adopt measures laying down the arrangements whereby Member States conduct objective and impartial evaluation of the implementation of the EU policies, as regards the Area of Freedom, Security and Justice, by Member States' authorities, in particular in order to facilitate full application of the principle of mutual recognition [7].

Further, the Treaty on the Functioning of the European Union stipulates that 'judicial co-operation in criminal matters in the Union shall be based on the principle of mutual recognition of judgments and judicial decisions and shall include the approximation of the laws and regulations of the Member States [...]' (emphasis added) [8]. Thus, besides approximation of the laws and regulations, the mutual recognition is a basic principle of co-operation in criminal matters in the EU. As Baca explains, borrowing from concepts that had worked very well in the creation of the single market and mixing them with elements from some Council of Europe Conventions, a new strategy at EU level was born – the principle of mutual recognition in judicial co-operation in criminal matters [9]. However, mutual recognition has not been introduced as an obligation with direct effect in Member States of the EU. It is understood as a general objective.

Furthermore, the Treaty on the Functioning of the European Union stipulates that the European Parliament and the Council of the European Union shall adopt measures to lay down 'rules and procedures for ensuring recognition throughout the Union of all forms of judgments and judicial decisions' [10].

In the opinion of the Court of Justice of the European Union the mutual recognition of judicial decisions in criminal matters is an obligation. For example, as far as the European arrest warrant is concerned, the Court has argued that 'the Member States are in principle obliged to act' [11].

In our opinion the Treaty on the Functioning of the European Union gives the mutual recognition of judicial decisions in

criminal matters as possible relevance and effect as it could. Since 2009 the mutual recognition in criminal matters has been placed into the apex of the EU law. However, it has not been introduced as an obligation with direct effect in EU Member States. It is understood as a general objective. We are of optimistic approach – in case the development of the judicial co-operation in criminal matters leads towards in favour of the mutual recognition in criminal matters, in the future it will be considered by the Member States of the EU as a basic principle of domestic procedural criminal laws, similarly to, for example, the presumption of innocence or *ne bis in idem*.

2. Scope of Mutual Recognition in Criminal Matters

The scope of mutual recognition in criminal matters can be initially explained with regard the mutual recognition measures introduced by the mutual recognition legislative instruments. As seen, mutual recognition legislative instruments do not relate to all judicial decisions in criminal matters. Rather, the EU has chosen a selective approach. Mutual recognition legislation instruments are focused on selected types of judicial decisions in criminal matters, namely [12]:

- mutual recognition of European arrest warrants,
- mutual recognition of custodial sentences and measures involving deprivation of liberty,
- mutual recognition of probation measures and alternative sanctions,
- mutual recognition of financial penalties,
- mutual recognition of confiscation orders,
- mutual recognition of European supervision orders, i.e. mutual recognition of supervision measures as an alternative to provisional detention,
- mutual recognition of European investigation orders, i.e. mutual recognition of evidence in criminal matters, and

— mutual recognition of European protection orders, i.e. mutual recognition of protection orders.

Moreover, the scope of mutual recognition in criminal matters can be assessed with regard two aspects – offence and offender.

First, as far as offence is concerned, there should be no problems with recognition of decisions that have been taken in areas where substantial criminal law has been harmonised or approximated, for example, participation in a criminal organisation, trafficking in drugs (illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances), trafficking in human beings. Even beyond these areas, there is no a priori reason not to apply mutual recognition. Previous international legal instruments in the field of international judicial co-operation in criminal matters often foresaw that where there was no dual criminality, recognition can be refused. If this requirement for mutual recognition were upheld, each validation procedure carried out would have to establish whether it is fulfilled. Not only would this lead to an additional step for each and every validation procedure, but it would considerably lengthen validation procedures in certain cases. For example, it may have to be re-established what the offender actually did. Some elements of fact may not have been relevant under the criminal law of the issuing Member State and thus not investigated. Under the law of the executing Member State they might be essential. In such cases, the need could arise to take steps that would be almost equivalent to reopening the case, examining additional evidence, etc. One way to overcome this difficulty might be to exclude from the scope of mutual recognition, some behaviours, which are criminalised in certain Member States, but not in others. Examples are probably very few and relate to particularly sensitive areas (abortion, euthanasia, press offences, soft drugs offences). However, such an approach could also lead to considerable difficulties when it is necessary to determine whether a certain case falls under an exception or not. If the requirement of dual criminality were given up and no

system of jurisdiction that for each case identifies one Member State as exclusively competent were created, one of the following two situations could arise. First, a Member State sanctions behaviour, which in another Member State is not an offence. The latter Member State would then be obliged to recognise the former Member State's decision, and under certain circumstances would have to enforce a sentence handed down for an act that is not an offence under its law. Second, the opposite situation, where a Member State that regards a certain act as a criminal offence would have to recognise an acquitting decision from a Member State where such acts are legal, could in principle also arise [13].

A different question is whether mutual recognition should not be reserved for more serious forms of crime. The definition of a serious crime is, however, not entirely homogeneous in various instruments. There is, however, no reason to limit the application of the principle to serious crime (at least with regard to recognition of final decisions). On the contrary, persons convicted for offences that are not seen as serious crimes certainly should qualify for enforcement in their Member State of origin as well as more serious criminals. This could significantly increase their chances of successful reintegration into society. Also, there is no apparent reason why decisions dealing with less serious forms of crime should not be taken into consideration when another decision is taken, be it for aggravating, *ne bis in idem*, or other purposes [14].

Second, as far as offender is concerned, rules on the treatment under criminal law of minors and mentally disabled persons differ very much among the Member States of the EU. Given this situation, decisions dealing with such persons would be very difficult to recognise and one might consider that such decisions be excluded from the scope of mutual recognition, at least for the time being. As to the question who is to be regarded as a minor, it appears unrealistic to expect that Member States could accept a simple solution such as defining minors as all persons

below the age of 18 years. It seems more promising to foresee a flexible solution, such as reserving the right for Member States not to recognise decisions affecting minors, leaving the definition of minor to the Member State thus concerned. A maximum age might nevertheless have to be introduced [15].

3. Grounds for Non-recognition or Non-execution the Decision as Derogation of Mutual Recognition in Criminal Matters

While the system established by mutual recognition measures is based on the principle of mutual recognition, that recognition does not mean that there is an absolute obligation to execute the decision which has been transmitted to another Member State of the EU. Mutual recognition legislative instruments include mandatory and optional grounds for non-recognition or non-execution the decision. Thus, the competent authorities of the executing State are in principle obliged to act, unless they decide to invoke one of the grounds provided for in legislation. Indeed, grounds for non-recognition or non-execution the decision are derogation of mutual recognition. On the other hand, since the grounds constitute a derogation from the principle of mutual recognition, their list is limited. The Member States therefore cannot include any additional grounds in their national implementing legislation. However, in national laws implementing mutual recognition of the Member States can be observed additional 'domestic' grounds.

Typical example of a ground for non-recognition or non-execution the decision introduced at the EU level is the principle of *ne bis in idem* (or *non bis in idem*; in common law jurisdictions double jeopardy), in particular in case of final court decisions. Execution of a decision in a Member State of the EU means that other Member States must take that decision into account, i.e. that a person will not be prosecuted again for the same acts and that a final decision will not be challenged. This principle is covered by, among others, the Charter of Fundamental Rights of the European Union. Advocate General Colomer in joined cases

of Gözütok & Brügge argued that recognition of a judgment also means taking it into consideration, one of the corollaries of which is the *ne bis in idem* principle [16].

Ne bis in idem, as argues Miettinen, is negative application of mutual recognition [17]. The European Commission argues that recognising a judgement means also taking it into account [18]. Full mutual recognition as envisaged to be achieved among the Member States of the EU would have to be based on the principle that a decision taken by no matter which authority in the EU fully deals with the issue and that no further decision needs to be taken at all, i.e. the principle of exhaustion. If someone was convicted or acquitted for a criminal offence committed in a Member State of the EU, (s)he should not be prosecuted for the same acts, however they may be qualified, in another Member State, even that State has jurisdiction over the facts and even if in that State a different judgement could have been pronounced (for example, because the offence in question can be punished by longer deprivation of liberty).

References

1. Judgment of the Court of Justice of the European Communities of 20th February 1979 – case 120/78 – *Cassis de Dijon* (*Rewe-Zentral AG v Bundesmonopolverwaltung für Branntwein*); at the time of proceedings the Court of Justice of the European Communities

2. Ghosh, J. (2014) *Tax Law and the Internal Market: A Critique of the Principle of Mutual Recognition*. In: Albers-Llorens, A. – Armstrong, K. – Gehring, M. W. (eds.) *Cambridge Yearbook of European Legal Studies*, Vol. 16. Oxford – Portland: Hart Publishing, p. 190

3. Klimek, L. (2017) *Mutual Recognition of Judicial Decisions in European Criminal Law*. Cham: Springer, 742 pages

4. Mitsilegas, V. (2006) *Trust-building Measures in the European Judicial Area in Criminal Matters: Issues of Competence*,

Legitimacy and Inter-institutional Balance. In: Balzaq, T.– Carrera, S. (eds.) *Security Versus Freedom? A Challenge for Europe's Future*. Aldershot: Ashgate, p. 279

5. Commission of the European Communities (2000) *Mutual Recognition of Final Decisions in Criminal Matters*, Communication from the Commission to the Council and the European Parliament, COM(2000) 495 final, p. 5

6. Article 67(3) of the Treaty on the Functioning of the European Union as amended by the Treaty of Lisbon

7. Article 70 of the Treaty on the Functioning of the European Union as amended by the Treaty of Lisbon

8. Article 82(1) of the Treaty on the Functioning of the European Union as amended by the Treaty of Lisbon

9. Baca, W. M. K. (2014) *The Principle of Mutual Recognition of Judicial Decisions in EU Law in the Light of the "Full Faith and Credit" Clause of the US Constitution*. In: *Boletín Mexicano de Derecho Comparado* 47: 478

10. Article 81(1)(a) of the Treaty on the Functioning of the European Union as amended by the Treaty of Lisbon

11. Judgment of the Court of Justice of the European Union of 16th November 2010 – case C-261/09 – Gaetano Mantello, para. 36; Judgment of the Court of Justice of the European Union of 5th September 2012 – case C-42/11 – João Pedro Lopes Da Silva Jorge, para. 29; Judgment of the Court of Justice of the European Union of 30th May 2013 – case C-168/13 PPU – Jeremy F v Premier ministre, para. 36

12. Klimek, L. (2017) *Mutual Recognition of Judicial Decisions in European Criminal Law*. Cham: Springer, 742 pages

13. Commission of the European Communities (2000) *Mutual Recognition of Final Decisions in Criminal Matters*, communication from the Commission to the Council and the European Parliament, COM(1999) 495 final, pp. 11 and 12

14. Commission of the European Communities (2000) *Mutual Recognition of Final Decisions in Criminal Matters*,

Communication from the Commission to the Council and the European Parliament, COM(1999) 495 final, p. 12

15. Commission of the European Communities (2000) Mutual Recognition of Final Decisions in Criminal Matters, Communication from the Commission to the Council and the European Parliament, COM(1999) 495 final, p. 10

16. Opinion of Advocate General Ruiz-Jarabo Colomer – cases C-187/01 Criminal proceedings against Hüseyin Gözütok and C-385/01 Criminal proceedings against Klaus Brügge, para. 25

17. Miettinen, S. (2013) Criminal Law and Policy in the European Union. Oxon – New York: Routledge, p. 181

18. Commission of the European Communities (2000) Mutual Recognition of Final Decisions in Criminal Matters, Communication from the Commission to the Council and the European Parliament, COM(1999) 495 final, p. 8

Адрес электронной почты автора:

libor.klimek@umb.sk

MAGAKIAN GRAIR

Polska, Uniwersytet Śląski w Katowicach

(Czy) istnieje granica między Ludobójstwem a Metz Jeghern

Artykuł stanowi próbę analizy różnic między pojęciami (Մեծ) Եղեռն ([mec jeghern¹] (*Wielka*) zbrodnia, (*Wielkie*) nieszczęście, Zło] oraz (Հայոց) ցեղասպանություն ([hajoc ceghaspanut'jun] *ludobójstwo (Ormian)*) w języku ormiańskim², które występują zarówno w dyskursie wewnątrz świata ormiańskiego³, jak i na zewnątrz – w dyskursie międzynarodowym odnośnie Ludobójstwa Ormian w Turcji na początku XX w. Badania ww/wz zakresie wskazują, iż występuje wyjątkowy przypadek synonimów absolutnych w

¹ Ze względu na bardzo specyficzną fonetykę języka ormiańskiego, transkrypcje z ormiańskiego w niniejszym artykule będą podawał w sposób najbardziej zbliżony do aparatu artykulacyjnego języka polskiego, oczywiście tam, gdzie to będzie możliwe. W szczególności można wyróżnić następujące dźwięki:

- *gh* czytamy jak po francusku *r*,
- *j* jak po angielsku *y*,
- *c* jak po angielsku *ts* (w języku zachodnioormiańskim może brzmieć jak *dz*),
- *t'* (spółgłoska zwarta dźwięczna z przydechem) jak *t^h*.

² Język ormiański dzieli się na *wschodnioormiański* (którym w zasadzie posługują się Ormianie w Armenii, Górskiego Karabachu i Iranu oraz diaspora ormiańska powstała raczej w XXI wieku) i *zachodnioormiański* (typowy dla diaspor ormiańskiej głównie w Ameryce Północnej, Europie, Turcji oraz w krajach Bliskiego Wschodu). W niniejszym artykule jednak ta kwestia nie ma istotnego znaczenia.

³ Chodzi o Ormian w Armenii i Ormian w diasporze na całym świecie (niezależnie od stopnia opanowania języka ormiańskiego).

dyskursie wewnątrz ormiańskim, budząc jednocześnie dysonans percepcyjny w dyskursie międzynarodowym. Zjawisko to jest spowodowane aspektem politycznym obu pojęć, bowiem w przypadku tzw. „użytku” zewnętrznego եղեռն [jehhern], czyli *wielka zbrodnia, wielkie nieszczęście, zło*, nie zawiera czynnika prawnego – definicji ցեղասպանություն [ceghaspanut’jun], czyli *ludobójstwa*, jako zbrodni przeciw ludzkości. Zabieg ten – wymawianie w obcych językach po ormiańsku Մեծ Եղեռն ([mec jehhern] *Wielka Zbrodnia*), był zastosowany pod naciskami Turcji przez Jan Pawła II, Baracka Obamę, Donalda Trumpa itd.

Słowa kluczowe

ludobójstwo, Ormian, dyskurs, Polska, Rosja, Armenia, Turcja, zbrodnia, synonim, absolutny

WSTĘP

Jako wprowadzenie winien jestem krótkie wyjaśnienie odnośnie *Ludobójstwa* (lub *rzezi*) *Ormian*. Chodzi o ludobójstwo popełnione na ludności ormiańskiej w Imperium Osmańskim podczas I wojny światowej w latach 1915–1917. Data ta jest nieco niepewna, ponieważ wedle niektórych źródeł ludobójstwo miało miejsce w latach I wojny światowej – do 1918 r. (Մարգարյան 61), a inni wskazują aż do końca 1923 r. (por.: Մկաղյան 30–60). Liczba ofiar tych barbarzyńskich morderstw ze szczególnym okrucieństwem szacuje się przez Ormian 1 500 000 osób i fakt ten został uznany m. in. przez Sejm RP w 2005 r. aklamacją („Uchwała Sejmu RP...”) oraz przez dumę Federacji Rosyjskiej jeszcze w 1995 r. („Постановление Гос. Думы...”). Warto jednak zaznaczyć, że Turcy ograniczają ilość ofiar (wedle nich deportacji Ormian) „jedynie” do 600 000 („Armenian Claims...” 40; „Ermeni Soykırımı ...”). Efektem ludobójstwa stało się „zasilenie” oraz wzmocnienie i ukonstytuowanie światowej, dość silnej, diaspory ormiańskiej (por.: „The Armenian Diaspora Today...”; Tölölyan, Papazian 83–101; Ishkanian 113–139). Z pewnością nie byłoby ani niżej opisanego problemu, ani tego artykułu, gdyby nie ta

diaspora, która najbardziej krytycznie podszła do używania ormiańskiego określenia ludobójstwa Մեծ Եղեռն ([mec jehhern] *Wielka Zbrodnia*) w innych językach (por.: Matiossian, *When Dictionaries...*; Sassounian, *Sassounian, U.S. Ambassador...*; Paylan itd.).

ԵՂԵՐՆ, ՑԵՂԱՍՊԱՆՈՒԹՅՈՒՆ CZY ԳԵՆՈՑԻԴ?

Odpowiednikami w/w zwrotu *Ludobójstwo* (lub *rzeź*) *Ormian* po ormiańsku może być wymieniony już Մեծ Եղեռն ([mec jehhern] *Wielka zbrodnia, Wielkie nieszczęście, Zło*) lub Հայոց ցեղասպանություն ([hajoc ceghaspanut'jun] *ludobójstwo Ormian*). Ցեղասպանություն ([ceghaspanut'jun] *ludobójstwo*) jest jednak przekładem na ormiański angielskiego terminu *Genocide* (po polsku *Genocyd*, po rosyjsku *Геноцид*), który stworzył i zdefiniował w swojej pracy „*Axis Rule in Occupied Europe*”, wydanej w 1944 r. w USA, amerykański prawnik polskiego pochodzenia Rafał Lemkin (por. „*The Genocide Word by...*”). Składa się on z greckiego *genos* (rodzaj, ród, gatunek) i łacińskiego *cide*, od *caedere* (zabić, zmasakrować). Użyto go w akcie oskarżenia w procesie norymberskim (por.: Lemkin 1944; McFarland, Hamer 69–85; Panné 374–375). W języku ormiańskim գեղոցիդ ([genoc/tsid] *genocyd*) występuje równoległe z powyższymi określeniami.

Problem poruszony przeze mnie pojawił się znacznie wcześniej, niż się uwidocznił i stał się obiektem nie tylko analiz politologicznych oraz historycznych, ale również i językoznawczych. Obiektami tych badań są właśnie w/w Մեծ Եղեռն ([mec jehhern] *Wielka Zbrodnia*) oraz Հայոց ցեղասպանություն ([hajoc ceghaspanut'jun] *ludobójstwo Ormian*) i istniejący równoległe do tych dwóch pojęć równorzędny գեղոցիդ ([genocid] *ludobójstwo*) – jako termin prawa międzynarodowego.

W Մեծ Եղեռն ([mec jehhern] *Wielka Zbrodnia*) pierwszy człon – *mec* (ogromny, duży, potężny itd.) pochodzi z proto-indo-europejskiego **meg'a-*, wywodzący się z korzenia *meg'(h)* (duży) (Ձահուկյաւ 521), zaś եղեռն ([jehhern] *wielka zbrodnia*) wywodzi

się raczej z indo-europejskiego **el-* (zniszczyć, uszkodzić) – prawdopodobnie jak hetyckie *hullai* – wygrać, zwyciężyć, pokonać, zniszczyć (por.: Ջահուկյան 213). H. Aczarjan łączy to słowo również z եղեր [jegher] (lament), ale G. Dzahukjan neguje takie wyjaśnienie (por.: Ջահուկյան 213, Աճառեան, h. 2/17).

Zwrot Հայոց ցեղասպանություն ([hajoc ceghaspanut'jun] *ludobójstwo Ormian*) składa się z dwóch wyrazów – Հայոց [hajoc], czyli Ormian (*haj* – nazewnictwo własne Ormian) zaś ցեղասպանություն [ceghaspanut'jun], składa się z ցեղ [cegh] pochodzący z czasownika ցել-ուլ ([cel-ul] *złamać, przerwać*), a to jest z proto-indo-europejskiego czasownika **sk'el-* (*ciąć*) (Ջահուկյան 742). Kolejny człon zwrotu to złożony rzeczownik սպանություն ([spanut'jun] *zabójstwo*) składający się z czasownika nieznanego pochodzenia սպան(ել) ([span(el)] *zabić*) (Ջահուկյան 691) oraz końcówki – ություն [ut'jun]. Pochodzi ona albo z -ոյթ [ojt'] (tworząc abstrakcyjne rzeczowniki) w połączeniu z indo-europejską końcówką -իւն [-iwn] lub z proto-indoeuropejskiego *-*tyon* (Ջահուկյան, „Հին հայերենի...” 137, 140).

Rzeczownik գենոցիդ ([genocid] *ludobójstwo*), etymologia którego została wyżej wyjaśniona, trafił do języka ormiańskiego z pewnością z rosyjskiego (Հայրապետյան 119). Ze względu na to, że w ormiańskim jest to zapożyczenie z rosyjskiego (Հայրապետյան 119), wydaje się, że rzeczownik ten pojawił się już pod koniec lat 40. XX wieku, razem z przyjęciem konwencji ONZ w sprawie zapobiegania i karania zbrodni ludobójstwa⁴,

⁴ Artykuł II tej Konwencji precyzuje, że ludobójstwem jest którymkolwiek z następujących czynów, dokonanych w zamiarze zniszczenia w całości lub części grup narodowych, etnicznych, rasowych lub religijnych: zabójstwo członków grupy, spowodowanie poważnego uszkodzenia ciała lub rozstroju zdrowia psychicznego członków grupy, rozmyślne stworzenie dla członków grupy warunków życia, obliczonych na spowodowanie ich całkowitego lub częściowego zniszczenia fizycznego, stosowanie środków, które mają na celu wstrzymanie urodzin w obrębie grupy, przymusowe przekazywanie dzieci członków grupy do innej grupy (por.: „Convention on the Prevention and Punishment ...”; Larané; Akcam itd.).

jednak ze względów polityki radzieckiej wszedł do obiegu dość późno: w słowniku z 1945 r. próżno szukać գեղասպանություն ([ceghaspanut'jun] *ludobójstwo*), jako przekład *Genocide'u* (Մալխասեանց հ. 4/463), ale już w innym z 1976 r. czytamy, o գեղասպանություն [ceghaspanut'jun] (jako przekład *Genocide'u*) (Աղայան հ. 2/1474), zaś z 1980 r. występuje niemal cała definicja w/w artykułu Konwencji ONZ – z wyraźnym podkreśleniem ludobójstwa Ormian przez Turków w 1915 r. (ԺՀԼԲԲ հ. 4/555).

Taka obfitość jednej definicji mordów masowych⁵ w sposób naturalny z czasem doprowadziła do nieuniknionego (nazwę to umownie) dysonansu semantycznego, tylko nie wewnątrz dyskursu w języku ormiańskim, a na zewnątrz – w dyskursie międzynarodowym. W wielkim skrócie można powiedzieć, że problem semantyczny jest po prostu skutkiem konfliktu politycznego: dość silny lobbying ormiański (w szczególności bogata diaspora ormiańska) (por.: Safrastyan 17–24; Oświecimski) skutecznie wspiera i doprowadza do uznania Ludobójstwa Ormian jako faktu historycznego na całym świecie, zaś Turcja nie tylko nie uznaje go, ale i wszelkimi siłami stara się torpedować (dość nieskutecznie) ten proces (por.: Smith et al. 1–22; Astourian, et al.; Karlsson itd.).

DYSONANS SEMANTYCZNO-POLITYCZNY?

Ten dysonans nie był tak uwypuklony aż do czasów zabiegu dyplomatycznego Papieża Jana Pawła II i mało kto zwracał uwagę na „rozbieżność” pojęć Մեծ Եղեռն ([mecjehghern] *Wielka Zbrodnia*), Հայոց գեղասպանություն ([ceghaspanut'jun] *ludobójstwo*) oraz գենոցիդ ([genocid] *ludobójstwo*). Nie miało to wielkiego znaczenia, ponieważ Papież w 2001 r. był w Armenii z okazji Wielkiego, ale tylko Religijnego Świąta – 1700-lecia chrześcijaństwa w Armenii. Świąta nie miało wymiaru światowego tylko ormiański.

⁵ Եղեռն występuje w języku Ormiańskim niemal od zarania dziejów języka, zaś գենոցիդ [genocid] (z ormiańskim odpowiednikiem գեղասպանություն [ceghaspanut'jun] dopiero od około 75 lat.

Tym świat się nie interesował i odbyło się praktycznie bez echa. Jednak jako głowa obcego państwa, Jan Paweł II nawet wymówił Մեծ Եղեռն ([mec jeghern] *Wielka Zbrodnia*) po ormiańsku. Dla ormiańskich odbiorców było to ciekawe, egotyczne, jednak nikt nie miał wątpliwości, że wymiar polityczny jego wizyty ma tylko symboliczny charakter – nie ma żadnego wpływu na jakiegokolwiek procesy uznania ludobójstwa Ormian przez np. Wielką Brytanię, Turcję itd. Czyli było to powiedziane w Armenii, po ormiańsku, jako ormiański termin zrozumiały dla Ormian. Zatem percepcja tego zwrotu została w granicach egzotyki. Jakkolwiek już wtedy niektóre media ormiańskie zauważyły – czysto polityczny w ich rozumieniu, fakt, że w modlitwie po angielsku Papież właśnie wymówił Մեծ Եղեռն ([mec jeghern] *Wielka Zbrodnia*), unikając rzeczownika terminu Genocyd, ponieważ, jak informowała AFP na podstawie źródeł z Watykanu, ustąpił on naciskom tureckim (por.: Գ. Դանիելյան, Է. Դանիելյան). Մեծ Եղեռն ([mec jeghern] *Wielka Zbrodnia*) powtórzył się również w 2006 r., kiedy premier Kanady Stephen Harper go wymówił. Czysto ormiański zwrot Մեծ Եղեռն ([mec jeghern] *Wielka Zbrodnia*) nagle nabrał rozgłosu, kiedy ten sam ostrożny krok podjęli prezydenci USA Barack Obama (Badalyan; Obama’s “Meds ...; DeYoung itd.) a później Donald Trump (por.: „President Trump Doubles ...”; Manukyan itd.). Nie wykluczam, że podobny chwyt semantyczny Baracka Obamy i powtórka tej gimnastyki werbalnej przez Donalda Trumpa była oparta już na kilkuletnim doświadczeniu Spiżowej Bramy. Jednak w tych dwóch przypadkach reakcja Ormian (Armenii i Diaspory) była już zupełnie inna – nerwowa i czasem agresywna lub łagodna, ponieważ już chodziło o wymiar prawno-polityczny. Dopiero po tych wydarzeniach w nieormiańskim dyskursie o Ludobójstwie Ormian uwidoczniła się różnica między absolutnymi w ormiańskim synonimami – (Մեծ) Եղեռն ([mec jeghern] (*Wielka*) *Zbrodnia*) i (Հայոց) ցեղասպանություն ([hajoc ceghaspanut’jun] *ludobójstwo (Ormian)*) – wartość prawna na arenie międzynarodowej między ցեղասպանություն

([ceghaspanut'jun] *ludobójstwo*) a եղեռն ([jeghern] *wielka zbrodnia*) (por.: Կարապետյան). Gwoli precyzji dodam też, iż była próba wprowadzenia przez libańskiego prawnika Moussa Prince'a do obiegu międzynarodowego terminu *armenocyd* (w analogii do *genocydu*) w znaczeniu Ormianobójstwo, jednak termin nie przyjął się ani po ormiańsku, ani w innych językach (por.: Prince).

DYSKURS WEWNĘTRZNY VS DYSKURS ZEWNĘTRZNY

Skąd dla Ormian bierze się ten dysonans między tymi pojęciami, ale tylko w nieormiańskim dyskursie?

W przypadku Մեծ Եղեռն ([mec jeghern] *Wielka Zbrodnia*) problem polega na trudnym tłumaczeniu rzeczownika եղեռն ([jeghern] *wielka zbrodnia*), który nie mieści się w ramach jednego wyrazu. Na przykład w angielskim możemy mieć *genocide, enormity, great calamity, malfeasance, evil, massacre, disaster, trouble, crime*⁶. Dość często występuje jednak tłumaczenie *Great Calamity* (wielkie nieszczęście, katastrofa), co (jak i reszta zaproponowanych odpowiedników po angielsku) nie jest do końca precyzyjne i tożsamy z terminem *Genocide*. Słowniki również nie proponują jednolitego tłumaczenia. Եղեռն ([jeghern] *Wielka Zbrodnia*) może być *crime, misdemeanour, offence, rascality* (Գույունճեան 168) lub po prostu *crime* (Kogian 280; Փափազեան 119) czy też *wickedness, sin* (Սոմալեան 127) itd. (por.: Matiossian). Czy Մեծ Եղեռն ([mec jeghern] *Wielka Zbrodnia*) stanie się takim samym rzeczownikiem o tak doniosłym znaczeniu, jak *Szoah / Shoah*? Nie jest to wykluczone, ale wymaga wielu lat, może nawet dziesięcioleci intensywnej międzynarodowej pracy ormiańskich lobbystów. Już w artykule Scotta A. Boykin'a *The Armenian Metz Yeghern, one hundred years later: an «unresolved» case of genocide and the development of international norms* w 2015 r. (Boykin 78–95) lub u Dominika Istrate'a w *Joe Biden calls for US recognition of Armenian genocide* (Istrate, 2019) w 2019 r. czytamy: *The*

⁶ Właściwe wyjaśnienia եղեռն można znaleźć w słownikach: ՄԱԼԽԱՍԵԱՆՑ, 1944, h. 1: 558; ԱՂԱՅԱՆ, 1976, h. 1: 323

Armenian genocide jako synonim *Metz Yeghern* itd., a popularny portal Wiktionary wyjaśnia, że Մեծ Եղեռն ([mec jeghern] *Wielka Zbrodnia*) jest używany w języku Ormiańskim jako ormiański synonim ormiańskiego określenia Հայոց ցեղասպանություն ([hajoc ceghaspanut'jun] *ludobójstwo Ormian*) w odniesieniu do Ludobójstwa Ormian, jak Żydzi używają *Shoah* w odniesieniu do *Zagłady Żydów* (Մեծ Եղեռն, Wiktionary...). Co ciekawe, prof. V.B. Sotirovic już w 2016 r. w swoim artykule *The 1915–1916 Armenian Metz Yeghern* pisze prosto: „[...] Armenian Genocide (Metz Yeghern) [...]” (Sotirovic). Jednak podobne podejście wciąż jest typowe wąskiej grupie grupy znawców tematu Ludobójstwa Ormian.

W przeciwieństwie do powyższej sytuacji Հայոց ցեղասպանություն ([hajoc ceghaspanut'jun] *ludobójstwo Ormian*) nie zostawia złudzeń co do swojej semantyki, bowiem jest po prostu ormiańskim jednoznacznym tłumaczeniem ludobójstwa (Genocide'u) i prawną definicją zbrodni przeciwko ludzkości (por.: Matiossian).

Możemy zatem wnioskować, że եղեռն ([jeghern] *wielka zbrodnia*) kształtuje się jako całość wszystkich *znaków-obrazów-myśli-faktów-czynów*, poza czasem i w każdym wymiarze, każdego językowego lub pozajęzykowego czynu związanego z eliminacją Ormian przez Turków – opis zbrodni, ocena zbrodni, porządne i niepożądane lub odwrócone konsekwencje oceny oraz kary ludobójstwa, prawne i moralne warstwy percepcji każdego czynu odnośnie tej zbrodni przeciw ludzkości itd. To wielowymiarowe i wielopłaszczyznowe pojęcie *znaku-obrazu-myśli-faktu-czynu* jednak jest obciążone pewną wadą: jest ono w pełni dostępne (zarówno jako obraz językowy jak i pozajęzykowy) tylko dla:

- odbiorcy z obowiązkową znajomością języka ormiańskiego,
- bardzo wąskiej grupy nieormiańskich badaczy kwestii ludobójstwa Ormian.

Jest to w tym przypadku jakby skutek „grzechu pierworodnego”, opartego na co najmniej dwóch czynnikach:

– mentalności ormiańskiej, która stawia język ormiański ponad wszystko i wszystkich (por.: Arakelyan 7–12; Russell; Chahinian, Bakalian 37–57),

– braku jakiegokolwiek derywacji / wykładni prawnej tej zbrodni na poziomie międzynarodowym.

Յեղասպանություն ([ceghaspanut'jun] *ludobójstwo*) zaś, który, jak już wyjaśniłem, jest dosłownym przełożeniem w/w słowa Genocide na ormiański, zawiera dosłownie wszystkie właściwości եղեռն ([jeghern] *wielka zbrodnia*), z jednym dodatkowym atutem – posiada wszystkie przymioty prawa międzynarodowego.

Co więcej, w ormiańskim występuje także rzeczownik գեղոցիղ ([gehogicil] *genocid*), który jednak rzadziej bywa w użytku, aczkolwiek jest zrozumiały. Możemy zatem przyjąć następującą konstrukcję: գեղասպանություն ([ceghaspanut'jun] *ludobójstwo*) = գեղոցիղ ([genocid] *ludobójstwo*). Dla ułatwienia czytania, będę stosował tylko գեղասպանություն ([ceghaspanut'jun] *ludobójstwo*).

SYNONIMY ABSOLUTNE?

Czy w tym przypadku mówimy o synonimach գեղասպանություն ([ceghaspanut'jun] *ludobójstwo*) i եղեռն ([jeghern] *wielka zbrodnia*)? Nie będę przytaczał różnych definicji synonimów, ale w aspekcie semantycznym, owszem, jednoznacznie mamy do czynienia z synonimami. Z pewnej perspektywy można nawet powiedzieć, że są to synonimy niemal absolutne, jak *samochód* i *auto*, *językoznawstwo* i *lingwistyka*, *łódź motorowa* – *motorówka* itp. (STG). Napisałem *niemal absolutne*, ponieważ nie brakuje opinii, iż „[w] zakresie słownictwa pełnej synonimii się nie obserwuje. Jest to synonimia częściowa, czyli wymiennosc wyrazu obserwowana tylko w niektórych kontekstach. Nie zakłada się w niej, zdaniem J. Apresjana, całkowitej identyczności znaczeniowej [...]. Synonimia absolutna jest nieistniejącą i nieosiągalną fikcją. Badacze [...] powinni zadowolić się: „synonimią równoznaczną (obok bliskoznaczej) jako: najściślejszym praktycznie możliwym związkiem znaczeniowym pomiędzy różnobrzmiącymi wyrazami”

[...]. Według J.D. Apresjana za synonimy leksykalne (dokładne) należy uważać wszystkie równoznaczne wyrażenia języka (wyraz, zwrot, zdanie, dłuższe wypowiedzi niż zdanie) mające w słowniku tę samą definicję. Natomiast synonimy bliskoznaczne określa autor jako quasi-synonimy leksykalne [...]. Ich definicje słownikowe mają dużą część wspólną, ale nie pokrywają się całkowicie” (Rittel 61).

Z drugiej strony musimy się liczyć z tym, że „[...] współistnienie dwóch wyrazów, oznaczających absolutnie to samo, nie jest możliwe przez dłuższy czas” (Schabowska 110). W języku polskim dobrymi przykładami mogą być „*konfidencja* – *poufałość*, dziś tylko *poufałość*; *estyma* – *poważanie*, dziś tylko *poważanie*; *sakwojaż* – *torba podróżna*, dziś tylko *torba podróżna*” (Schabowska 110) itd.

Wciąż aktualne jest zatem pytanie czy rzeczywiście mamy do czynienia z synonimami? Np., jak to podkreśla Stephen Ullmann, synonimy czyste (czyli absolutne) to są te, które są wspólne i wymienne pod względem wartości intelektualnej (rozumowania) i afektywnej (Ullmann 109), czyli „[...] w dowolnym kontekście mogą być wymienione bez najmniejszej zmiany w poznawczym albo emocjonalnym znaczeniu [...]” (Krzyżyk 56). Z perspektywy ormiańskiego (i w obrębie percepcji ormiańskiej) w tym choćby jednym przypadku mamy bez wątpienia synonimy absolutne (przynajmniej wedle teorii St. Ullmanna), ponieważ „[z] synonimią absolutną spotykamy się [...], gdy wyrazy wzajemnie się wymieniają w każdym kontekście oraz gdy są jednocześnie identyczne pod względem poznawczym i afektywnym” (Krzyżyk 56).

Choć tak mocne stanowisko – oparte na bardzo silnej przesłance wzajemności, nie wydaje się być do końca uzasadnione (por.: Krzyżyk 56), to w ormiańskim rzeczywiście w przypadku tych dwóch wyrazów – գեղասպանություն ([ceghaspanut’jun] *ludobójstwo*) i եղեռն ([jeghern] *wielka zbrodnia*) występuje skrytykowana np. przez J. Lyons’a „[...] wzajemna wymiennność we wszystkich kontekstach i [...] identyżność zarówno pod względem

poznawczym, jak i afektywnym” (Lyons 490): գեղասպանություն ([ceghaspanut’jun] *ludobójstwo*), jak i եղերն ([jeghern] *wielka zbrodnia*) wymieniają się dosłownie w każdym kontekście i w każdej sytuacji oraz są jednocześnie całkowicie tożsame z perspektywy kognitywnej i afektywnej. To mniej – więcej jak stwierdzenie, że synonimy absolutne to „[...] jednostki o pełnej korespondencji semantycznej i stylistycznej, które są wymienne w każdym kontekście językowym [...]” (Szerszunowicz 261).

WNIOSEK (ZAMIAST ZAKOŃCZENIA)

Za warunek pozwalający definiować, czy dwa wyrazy – գեղասպանություն ([ceghaspanut’jun] *ludobójstwo*) i եղերն ([jeghern] *wielka zbrodnia*), są takie same czy też równoznaczne, zakładam wzajemne relacje płaszczyzn informacyjnych tychże wyrazów. Za wzór układów tych płaszczyzn mogą służyć rozważania A. Wierzbickiej oraz P. Wierzbickiego. Zatem, płaszczyzny te mogą:

(A) pokrywać się: 

(B) mieścić jeden w drugim:  (por.: A.P. Wierzbicki 42–48)

W naszym przypadku pierwsza z w/w możliwości jednoznacznie występuje w języku ormiańskim – A i B są jednym oraz tożsamym bytem. Jak już zaznaczyłem, percepcja świata ormiańskiego nie widzi żadnych różnic między nimi, pod warunkiem, że chodzi o *znak-obraz-mysł-fakt-czyn* (+ *prawo*) w ramach dyskursu po ormiańsku.

W drugim przypadku jeśli przyjmujemy, że A to գեղասպանություն ([ceghaspanut’jun] *ludobójstwo*), a B – եղերն ([jeghern] *wielka zbrodnia*), to jest jednoznaczne, iż następuje inkluzja B w A, ponieważ A zawiera bardziej zrozumiałą nie-ormiańskiej percepcji międzynarodowy aspekt prawny, ale to

jedynie na użytek dyskursu zewnętrznego. Cechy zawarte w B są także w całości w A, ale A staje się dominantą. Innymi słowy, A nabiera widoczne właściwości nadrzędne i jednocześnie synonimu absolutnego, bowiem staje się językiem specjalistycznym (por.: Burkhanov 16–17), czyli (tylko w tym przypadku) prawnym.

Jedynie tym aspektem politycznym (uleganiem naciskom Turcji, żeby nie doszło do międzynarodowej konsekwencji prawnej w zakresie Ludobójstwa) można wyjaśnić semantyczny unik Jana Pawła II, Premiera Kanady Stephena Harpera, Prezydentów USA Baracka Obamę i Donalda Trumpa – określeniem po ormiańsku *Metz Jeghern*, które po prostu nie było przetłumaczone przez w/w autorów na inne języki (por.: Zolyan 72–73; Matiossian itd.).

Bibliografia

1. “Armenian Claims and Historical Facts (Questions and Answers), Center for Strategic Research”, Ankara 2007 http://www.mfa.gov.tr/data/DISPOLITIKA/ErmeniIddialari/Ermeni_ingilizce_Soru_CevapKitapcigi.pdf (dostęp: 12.07.2020)
2. “Obama’s “Meds Yeghern” and U. S.-Turkish Relations”, Center for Strategic and International Studies, 11.05.2015, <https://www.csis.org/analysis/obama%E2%80%99s-%E2%80%9Cmeds-yeghern%E2%80%9D-and-us-turkish-relations> (dostęp: 12.07.2020)
3. “President Trump Doubles Down on ‘Turkey First’ Armenian Genocide Policy”. The Armenian Weekly, 24.04.2019, <https://armenianweekly.com/2019/04/24/president-trump-doubles-down-on-turkey-first-armenian-genocide-policy> (dostęp: 11.07.2020)
4. “Synonim”. Słownik terminów gramatycznych (STG), http://www.edupedia.pl/words/index/show/489437_sownik_terminow_gramatycznych-synonim.html (dostęp: 11.07.2020)
5. “The Armenian Diaspora Today: Anthropological Perspectives”. Caucasus Analytical Digest, 29/2011 <https://www.>

laender-analysen. de/cad/pdf/CaucasusAnalyticalDigest29. pdf (dostęp: 13.07.2020)

6. “Մեծ Եղեռն”. Wiktionary, the free dictionary, https://en.wiktionary.org/wiki/Մեծ_Եղեռն#Armenian (dostęp: 14.07.2020)

7. „Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide”, United Nations Audiovisual Library of International Law, https://legal.un.org/avl/pdf/ha/cppcg/cppcg_ph_e.pdf (dostęp: 12.07.2020)

8. „Ermeni soykırımı”. Holokost Ansiklopedisi, <https://encyclopedia.ushmm.org/content/tr/article/the-armenian-genocide-1915-16-in-depth> (dostęp: 12.07.2020)

9. „The Genocide Word by Raphael Lemkin”, za <https://www.youtube.com/watch?v=moByGLA7FDc> (dostęp: 12.07.2020)

10. „Uchwała Sejmu RP z dnia 19 kwietnia 2005 r. w 90. rocznicę ludobójstwa popełnionego na ludności ormiańskiej w Turcji podczas I Wojny Światowej”, http://orka.sejm.gov.pl/proc4.nsf/uchwaly/3918_u.htm (dostęp: 11.07.2020)

11. „Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 14 апреля 1995 г. N694-І ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об осуждении геноцида армянского народа в 1915–1922 годах»»: za <https://archive.is/20120909044943/www.pravoteka.ru/pst/159/79044.html#selection-413.0-419.136> (dostęp: 12.07.2020)

12. Akcam, Taner. From Empire to Republic, Turkish Nationalism and the Armenian Genocide, Zed Books. London, New York 2004

13. Arakelyan, Tatevik. “The role of armenian language in the preservation of armenian identity”. Scripta Neophilologica Posnaniensia, t. XV, Poznań 2015, s. 7–12

14. Astourian, Stephen. Auro, Yair. Marashlian, Levon. et al, Remembrance and Denial: The Case of the Armenian Genocide. Wayne State University Press, Detroit 1998

15. Badalyan, Hakob. *Obama's Lessons*, Lragir. am 26.04.2010, <https://www.lragir.am/en/2010/04/26/17620> (dostęp: 29.06.2020)
16. Boykin Scott A., "The Armenian Metz Yeghern, one hundred years later: an «unresolved» case of genocide and the development of international norms". *Ethnicity Studies*, 2/2015, pp. 78–95
17. Burkhanov, Igor. *Lexicography. A Dictionary of Basic Terminology*, Rzeszów, 1998
18. Chahinian, Talar. Bakalian, Anny. "Language in Armenian American communities: Western Armenian and efforts for preservation". *International Journal of the Sociology of Language*, issue 237, 2016, pp. 37–57
19. DeYoung, Karen. "Obama's statement on Armenia avoids 'genocide'". *Washington Post*, 24.04.2015, <https://www.washingtonpost.com/news/post-politics/wp/2015/04/23/obama-marks-armenian-remembrance-day-without-using-genocide> (dostęp: 12.07.2020)
20. Ishkanian, Armine, "Diaspora and Global Civil Society: The Impact of Transnational Diasporic Activism on Armenia's Post-Soviet Transition". *Central Asia and the Caucasus: Transnationalism and Diaspora*, ed. Atabaki T., Mehendale S.. Routledge, London 2005, pp. 113–139
21. Istrate Dominik, "Joe Biden calls for US recognition of Armenian genocide". *Emerging Europe*, 24.09.2019, <https://emerging-europe.com/news/joe-biden-calls-for-us-recognition-of-armenian-genocide> (dostęp: 12.07.2020)
22. Karlsson, Maria. "Tall Tales of Genocide. An Argumentative and Comparative Analysis of Western. Denial of the Holocaust and of the Armenian Genocide". *CFE Working paper series*, no. 45, Centre for European Studies at Lund University, Lund 2011
23. Kogian, Fr. S. L. *Armenian-English Vocabulary*. Mechitarist Press, Vienna 1949

24. Krzyżyk, Danuta. *Synonimia pojęć prawdziwościowych – teoria i nauczanie*. Wydawnictwo US, Katowice, 2008

25. Larané, André. «Le siècle des génocides. Shoah et autres génocides du XXe siècle», Herodote Net, 27.11.2018, https://www.herodote.net/Shoah_et_autres_genocides_du_XXe_siecle-article-110.php (dostęp: 10.10.2018)

26. Lemkin, Rafał. *Axis Rule in Occupied Europe: Laws of Occupation, Analysis of Government, Proposals for Redress*. Carnegie Endowment for International Peace, Washington 1944

27. Lyons, John. *Wstęp do językoznawstwa*, PWN, Warszawa 1976

28. Manukyan, Karina. “Donald Trump uses Metz Yeghern wording again in his April 24 message”. Arminfo, 24.04.2020, https://arminfo.info/full_news.php?id=51395&lang=3 (dostęp: 11.07.2020)

29. Matiossian, Vartan. The ‘Exact Translation’: How ‘Medz Yeghern’ Means Genocide. *Armenian Weekly* 15.03.2015, <https://armenianweekly.com/2013/05/15/the-exact-translation-how-medz-yeghern-means-genocide> (dostęp: 12.07.2020)

30. McFarland, Sam. Katarzyna, Hamer. „Jak ludobójstwo zostało uznane za zbrodnię – dziedzictwo Rafała Lemkina”. *Civitas et Lex*, 2/10, 2016, s. 69–85

31. Oświecimski, Konrad. *Lobby etniczne a polityka zagraniczna USA wybrane przykłady*. WAM, Kraków 2014

32. Panné, Jean-Louis. „Kilka uwag na temat genezy pojęcia ‘ludobójstwo’”. *Pamięć i sprawiedliwość*, 1/11/2007, s. 373–382

33. Prince, Moussa. *Un génocide oublié – L’Arménocide*. Fondation Moussa Prince, Beyrouth 1975

34. Rittel Teodozja, „Synonimy dystynktywne w wybranych tekstach Elżbiety Drużbackiej. Grupa tematyczna «Podróż»”. *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis. Studia Historicolitteraria* 7/2007, s. 60–80

35. Russell, James R. “The Seh-lerai Language”. *Journal of Armenian studies*, 2012, Harvard University’s DASH repository,

<https://dash.harvard.edu/bitstream/handle/1/10007898/Sehlerai.pdf?sequence=1> Armenian (dostęp: 12.07.2020)

36. Safrastyan, Ruben A. „Armenian community of USA: lobbying and geopolitics”, *Polsko-Armeński rocznik z zakresu historii, prawa i nauk politycznych / The Polish-Armenian Yearbook: History, Law, Political Science / Польско-армянский ежегодник по проблемам истории, права и политологии / Լեհ-հայկական տարեգիրք. Պատմություն, իրավունք, քաղաքագիտություն*, red. Safrastyan, Ruben A. Turłukowski, Jarosław. Sadłowski, Michał P. Instytut Prawa Wschodniego im. Gabriela Szerszeniewicza, Warszawa 2019, s. 17–24

37. Schabowska, Maria. „Poznawcza wartość synonimu”. *Rocznik Naukowo-Dydaktyczny Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Krakowie, Zeszyt 35. Prace językoznawcze*, Kraków 1970, s. 109–115

38. Smith, Roger, Markusen, Eric, Lifton, Robert Jay. “Professional Ethics and the Denial of Armenian Genocide”. *Holocaust and Genocide Studies*, vol. 9, issue 1, Spring 1995, pp. 1–22

39. Matiossian, Vartan. “When Dictionaries Are Left Unopened: How ‘Medz Yeghern’ Turned into Terminology of Denial”. *Armenian Community Council of United Kingdom*, <http://www.acc.org.uk/when-dictionaries-are-left-unopened-how-medz-yeghern-turned-into-terminology-of-denial> (dostęp: 14.07.2020)

40. Sotirovic, Vladislav B., “The 1915–1916 Armenian Metz Yeghern”. *Modern Diplomacy*, 09.05.2016 <https://moderndiplomacy.eu/2016/05/09/the-1915-1916-armenian-metz-yeghern> (dostęp: 12.07.2020)

41. Paylan, Garo. “No Parliament Other Than Turkey’s Would Heal Wound of Armenian People”, 24.04.2020, <http://bianet.org/english/print/223393-garo-paylan-no-parliament-other-than-turkey-s-would-heal-wound-of-armenian-people> (dostęp: 15.07.2020)

42. Sassounian, Harut. « Et Tu Obama? Letter from a Former Admirer”, <http://www.armeniapedia.org/wiki/>

Et_Tu_Obama%3F_Letter_from_a_Former_Admirer (dostęp: 15.07.2020)

43. Sassounian Harut, «U.S. Ambassador to Armenia Should Call Armenian Genocide, a Genocide». Asbarez Daily Newspaper, 11.12.2018, <http://asbarez.com/176645/u-s-ambassador-to-armenia-should-call-armenian-genocide-a-genocide> (dostęp: 15.07.2020)

44. Szerszunowicz, Joanna. „Z badań nad synonimią jednostek frazeologicznych”. Białostockie Archiwum Językowe, nr 11/2011, s. 257–281

45. Tölölyan, Khachig and Papazian, Taline. “Armenian Diasporas and Armenia: Issues of Identity and Mobilization”. Jews, Armenians: a century of statehood, ed. Papazian, Taline, 3/2014, pp. 83–101

46. Ullmann, Stephen. The principles of semantics, Basil Blackwell, Oxford, Jackson, son & Co., Glasgow 1963

47. Wierzbicki, Piotr. Anna Wierzbicka. Praktyczna stylistyka. Warszawa 1968

48. Zolyan, Suren. “How Not To Do Things with the Word: Barack Obama on the Armenian Genocide”. Russian Journal of Linguistics, t. 23, nb 1, 2019, pp. 62–82

49. Աղայան, Էդուարդ: Արդի հայերենի բացատրական բառարան. Հայաստան, հ. 2, Երևան, 1976

50. Աճառեան, Հրաչեայ: Հայերէն արմատական բառարան. ԵՊՀ, հ. 2. Երևան, 1926

51. Գույումճեան Մեսրոպ Կ., Ընդարձակ Բառարան Հայերէնէ Անգլիերէն: Տպարան ԱՏԼԱՍ, Պէյրուֆ 1970

52. Դանիելյան, Գայանե. Դանիելյան, Էմիլ. „Հոռմի պապը Ծիծեռնակաբերդում աղոթում է Մեծ Եղեռնի զոհերի համար, քրիստոնեական եկեղեցիների միավորման կոչ է անում”, Azatutyun. am, 26.09.2001, <https://www.azatutyun.am/a/1568904.html> (dostęp: 12.07.2020)

53. Ժամանակակից հայոց լեզվի բացատրական բառարան (ԺՀԼԲԲ), ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., հ. 4, Երևան, 1980

54. Կարապետյան, Տիգրան: „Օբաման սևացրեց ցեղասպանության հարցը“. *Hetq. am*, 27.04.2009, <https://hetq.am/hy/article/36562> (dostep: 14.07.2020)

55. Հայրապետյան, Աշոտ. Օտար բառերի բառարան, հեղինակային հրատարակություն, Երևան, 2011

56. Մալխասեանց, Ստեփան: Հայերեն բացատրական բառարան, ՀՍՍՌ Պետհրատ., հ. 4, Երևան, 1945

57. Ջահուկյան, Գեորգ: „Հին հայերենի վերջածանցների ծագումը“. Պատմա-բանասիրական հանդես, 1, 1995, էջ 137–150

58. Ջահուկյան, Գեորգ: Հայերեն ստուգաբանական բառարան. Ասողիկ. Երևան, 2010

59. Մարգարյան, Նորիկ: „Ցեղասպանությունը և միջազգային իրավունքը“: Հայոց ցեղասպանության պատմության և պատմագրության հարցեր, 10–11/2005, էջ 47–64

60. Սվազյան Վերժինե: „Արևմտահայոց ինքնապաշտպանական գոյամարտերը Հայոց ցեղասպանության ընթացքում (1915–1923 թթ.) ըստ ականատես վերապրողների վկայությունների“: Պատմա-բանասիրական հանդես, 2/2015, էջ 30–60

61. Սոմալեան Սուրբիաս. Համառոտ բառարան ի հայերեն գրական եւ ի տաճիկ. Սուրբ Ղազար, Վենետիկ, 1843

62. Փափազեան, Չ. Տ. Ս. Գործնական Բառարան Հայերէն-Անգլիերէն, Տպագրութիւն Յ. Մատթէոսեան, Կ. Պոլիս, 1905

The article is an attempt to analyze the differences between the terms (Մեծ) Եղեռն ([mec jeghern] (*Great Crime*, (*Great Misfortune*, *Evil*) and (Հայոց) ցեղասպանություն ([*(hajoc) ceghaspanut'jun*] (*Armenian*) *genocide*) in the Armenian language, which occur both in the discourse inside the Armenian world and outside – in international discourse regarding the Armenian Genocide in Turkey at the beginning of the 20th century. Studies in the above-mentioned area indicate that there is a unique case of absolute synonyms in the Armenian discourse, while arousing perceptive dissonance in international discourse. This

phenomenon is caused by the political aspect of both concepts, because in the case of „external” use եղեռն [jehhern], i.e. a *great crime, great misfortune, evil*, does not contain a legal factor – the definition of ցեղասպանություն [ceghaspanut’jun], i.e. *genocide, as a crime against humanity*. This procedure – pronouncing in Armenian in foreign languages Մեծ Եղեռն ([mec jehhern] *Great Crime*), was used under pressure from Turkey by John Paul II, Barack Obama, Donald Trump, etc.

Статья представляет собой попытку проанализировать различия между терминами (Մեծ) Եղեռն ([mec jehhern] (*Великое*) *Преступление*, (*Великое*) *Несчастье*, *Зло*) и (Հայոց) ցեղասպանություն ([hajoc) ceghaspanut’jun] *геноцид (Армян)*] в армянском языке, которые встречаются как в дискурсе внутри армянского мира, так и за его пределами – в международном дискурсе относительно Геноцида армян в Турции в начале XX века. Исследования в вышеупомянутой области показывают, что в армянском дискурсе есть уникальный случай абсолютных синонимов, в то время как в международном дискурсе возникает перцептивный диссонанс. Это явление вызвано политическим аспектом обеих концепций, потому что в случае «внешнего» использование եղեռն [jehhern], т.е. *преступление, великое несчастье, зло*, не содержит правового фактора – определение ցեղասպանություն [ceghaspanut’jun], то есть *геноцида*, как *преступления против человечности*. Эта процедура – произнесение на армянском языке на иностранных языках Մեծ Եղեռն ([mec jehhern] (*Великое*) *Преступление*), была использована под давлением со стороны Турции Иоанном Павлом II, Бараком Обамой, Дональдом Трампом и т.д.

Keywords

genocide, discourse, Poland, Russia, Armenia, Turkey, crime, synonym, absolute

Адрес электронной почты автора:

erwin@erwin.org.pl

ГРАНИЦА:

Сборник научных трудов проекта NOT ONLY

NOT ONLY 2020:

Теория и практика гуманитарных исследований

Подписано в печать 08.07.2021

Формат 60×90/16

Усл. печ. л. 14,25. Тираж 116 экз. Заказ

№162318

Отпечатано ООО «Люкс Люмен»

по заказу Федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»